

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2025

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)

Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук

Колпакова И.А., канд. экон. наук

Пылин А.Г., канд. экон. наук

Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА

Касьяnenko Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
науками РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал**

№ 5/2025

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.

ISSN 2073-6487

Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 10.11.2025

Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 250 экз.

Печать офсетная. Заказ № 5817-25

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32

Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru

<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88

Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Соболева И.В., Соболев Э.Н.

Благополучие работников в трудодефицитной экономике 7

Потапенко В.В.

Старение населения и демографическая нагрузка на российскую
пенсионную систему 27

Виленский А.В.

Единство национального экономического пространства
и преференциальные экономические зоны 46

Домнина И.Н.

Геостратегические территории в стратегических планах
трансформации пространственной модели российской
экономики 65

Патракова С.С., Кожевников С.А.

Оценка развитости городских агломераций «второго эшелона»
в России 81

Козлова С.В.

Управление имущественной казнью: трансформация подходов
в новых социально-экономических условиях 105

Берсенёв В.Л., Бучинская О.Н.

Анализ угроз жизнестойкости российской экономики
с помощью алгоритмов машинного обучения 121

Гутникова О.Н., Калькова Н.Н.

Оценка факторов, влияющих на восприятие упаковки товара
потребителями 146

ФИНАНСЫ

Синявский Н.Г.

Риски внедрения цифровых технологий для противодействия
отмыванию денег: идентификация, ранжирование
и меры их регулирования 167

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Soboleva I.V., Sobolev E.N.

Employee Well-Being in a Labor-Deficit Economy	7
--	---

Potapenko V.V.

Population Aging and the Demographic Burden on the Russian Pension System	27
---	----

Vilenskiy A.V.

Unity of the National Economic Space and Preferential Economic Zones ..	46
---	----

Domnina I.N.

Geostrategic Territories in Strategic Plans for Spatial Transformation of the Russian Economy	65
---	----

Patrakova S.S., Kozhevnikov S.A.

Assessment of the Development Level of Second-Tier Urban Agglomerations in Russia	81
---	----

Kozlova S.V.

Property Treasury Management: Transformation of Approaches in New Socio-Economic Conditions	105
---	-----

Bersenev V.L., Buchinskaia O.N.

Analysis of Threats to the Resilience of the Russian Economy Using Machine Learning Algorithms	121
--	-----

Gutnikova O.N., Kalkova N.N.

Assessment of Factors Affecting Perception of Goods Packaging by Consumers	146
--	-----

FINANCE

Sinyavsky N.G.

Systemic Risk Factors in the Implementation of Digital Technologies to Anti-Money Laundering: Identification, Ranking and Regulatory Measures	167
---	-----

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Э.Н. СОБОЛЕВ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБОТНИКОВ В ТРУДОДЕФИЦИТНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье на основе данных официальной статистики, независимых обследований и последних раундов проводимого Росстатом Комплексного наблюдения условий жизни населения исследуются изменения объективных и субъективных индикаторов, характеризующих различные аспекты благополучия российских работников в период обострения кадрового дефицита. Показано, что изменившаяся ситуация на рынке труда способствовала не только увеличению заработной платы, но и большей стабильности социально-экономического положения трудящегося населения, а также росту удовлетворенности работой. В то же время рост заработков сопровождался рекордным увеличением продолжительности рабочего времени. Сделан вывод, что труд в отечественной экономике продолжает оставаться относительно дешевым, а доходы от занятости далеко не всегда обеспечивают социально приемлемый уровень жизни. Это смещает структуру приоритетов в сфере труда в сторону высокооплачиваемой занятости в ущерб немонетарным аспектам, характеризующим качество трудовой жизни.

Ключевые слова: трудовой дефицит, благополучие работников, удовлетворенность трудом, заработка плата, немонетарные индикаторы благополучия.

УДК: 331.29, 331.104, 316.444.5

EDN: VUAMOV

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_7_26

На протяжении последних нескольких лет российская экономика развивалась в условиях нарастающего кадрового голода. По данным Российского экономического барометра, в 2024 г. недостаток рабочей силы испытывали 37% промышленных предприятий, в то время как в 2021 г. – 24%, а в 2019 г. лишь около 6%¹. В текущем году процесс лавинообразного роста неудовлетворенного спроса на труд несколько замедлился и приобрел более спокойные очертания². Однако хотя кадровые агентства и фиксируют замедление прироста вакансий, тем не менее превышение спроса над предложением труда остается значительным, и эксперты уверенно констатируют, что такая ситуация надолго³.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день усиление кадрового голода не имеет демографической подоплеки. Согласно официальным данным Росстата, в настоящее время численность населения трудоспособного возраста, несмотря на небольшие колебания, даже немного превышала показатели рубежа 2020-х годов. Дефицит вызван ростом потребности в рабочей силе в новых точках роста российской экономики: расширением ОПК, развитием импортозамещающих производств, необходимостью восстановления пострадавших в ходе военных действий новых регионов, формированием транспортной инфраструктуры, ориентированной на Восток. В то же время эксперты указывают, что уже в ближайшем будущем к этим факторам добавится неблагоприятная демографическая динамика [17].

Тревожная ситуация, складывающаяся в трудовой сфере, исследуется прежде всего в макроэкономическом аспекте – с точки зрения ее негативного влияния на перспективы экономического роста [2; 4]. В фокусе внимания – поиск возможностей расширения предложения труда как за счет скрытых внутренних резервов рабочей силы [3], так и посредством оптимизации миграционного притока [10; 11]. Вызывает интерес исследование краткосрочных и долгосрочных последствий обострения трудового дефицита [8]. Еще один популярный ракурс связан с уровнем предприятия, с исследованием изменений в подходах к управлению человеческими ресурсами и в политике заработной платы в условиях ограниченного предложения труда [1; 6].

¹ Статистические ряды РЭБ // Российский Экономический барометр. 2025. № 1. С. 27–115 (дата обращения: 24.06.2025).

² Сетевое издание «forbes.ru». <https://www.forbes.ru/finansy/539670-ostaetsa-strasno-peregretym-cto-proishodit-s-rynkom-truda-v-rossii> (дата обращения: 19.06.2025).

³ Минтруд прогнозирует дефицит кадров на уровне 3,1 млн к 2030 году. <https://rg.ru/2025/01/24/mintrud-prognoziruet-deficit-kadrov-na-urovne-31-mln-k-2030-godu.html> (дата обращения: 10.06.2025); Кадровый дефицит в России: временная проблема или новая реальность? <https://ruqi.ru/tpost/3b2t6a7y51-kadrovi-defitsit-v-rossii-vremennaya-pr> <https://www.kommersant.ru/doc/7404901> (дата обращения: 10.06.2025).

Значительно меньшее внимание привлекает стратегически не менее важный, на наш взгляд, аспект, связанный со сдвигами в социально-экономическом положении, социальном самочувствии и поведенческих установках трудящегося населения. Такого рода сдвиги вплетены в контекст глобальных трансформационных процессов в социально-трудовой сфере, задающих значительно более широкие рамки свободы работников в определении масштабов и условий участия в отношениях рынка труда, но одновременно увеличивающих риски в области соблюдения трудовых прав, гарантий и стандартов социальной защищенности [9; 16; 19; 20].

В России на развитие трудовых отношений и поведенческих установок работников серьезный отпечаток накладывает траектория развития социально-трудовой сферы, отличительной чертой которой на всем протяжении советской и постсоветской истории являлся безусловный приоритет обеспечения прочных гарантий занятости перед достойной оплатой труда [12]. Если на уровне государственной политики занятости главным жупелом традиционно являлась безработица, на недопущение или смягчение которой направлялись основные усилия, что объективно необходимо в аспекте обеспечения благосостояния, то в восприятии работников ключевой проблемой, особенно усугубившейся с переходом к рыночной экономике и коммерциализацией социальной сферы, был недостаточный для обеспечения достойного уровня жизни размер трудовых доходов [5]. Устойчивая недостаточность доходов от занятости наложила отпечаток на структуру трудовых ценностей работников, в которой уровень зарплатков доминирует над немонетарными аспектами занятости, такими как профессиональная реализация, комфортные и безопасные условия труда, сбалансированное распределение времени между трудом и другими видами деятельности, что может приводить к снижению качества трудовой жизни [13].

С учетом последнего обстоятельства логично предположить, что обострившийся кадровый дефицит может иметь не только негативные, но и позитивные социально-экономические последствия, поскольку выступает мощным фактором укрепления позиций работников на рынке труда. Неизбежное в этих условиях давление на зарплатную плату в сторону ее повышения может, с одной стороны, стимулировать работодателей к технологическим и организационным новациям, направленным на более рациональное использование ресурса труда и улучшение качества рабочих мест, с другой – по мере удовлетворения потребности в достаточном доходе способствовать сдвигу в системе приоритетов работников в сторону более сбалансированной палитры требований к рабочим местам.

В статье на основе данных официальной статистики, независимых обследований и последних раундов Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенных Росстатом (КОУЖ), предпринята попытка проверить это предположение, проследив динамику объективных и субъективных индикаторов благополучия российских работников в период обострения кадрового дефицита.

Изменение ситуации на рынке труда в контексте благополучия работников

Наиболее заметным объективным индикатором, разворачивающим динамику рынка труда в пользу работников, является динамика безработицы. Тенденция к постепенному сокращению безработицы наблюдается уже на протяжении по крайней мере 15 лет (небольшой всплеск наблюдался лишь в связи с пандемией). Однако в последние годы произошло ее падение до критически низких значений. Уровень безработицы снизился с весьма скромного по мировым меркам пикового значения в 5,8% в 2020 г. до 2,3% – в 2024 г.

Оборотной стороной сложившейся ситуации стало расширение возможностей, открытых перед соискателями рабочих мест. Согласно отчетности Федеральной службы по труду и занятости, с 2021 по 2024 г. число вакансий, приходящихся на одного клиента, зарегистрированного в качестве ищущего работу, возросло в два с половиной раза, и сегодня претендент на трудоустройство может выбирать в среднем из пяти открытых для него вариантов⁴. Параллельно с регистрируемым рынком труда возросшую конкуренцию за работников в регулярных опросах фиксируют независимые кадровые агентства⁵.

На фоне благоприятной для трудящегося населения ситуации в сфере занятости произошло укрепление конкурентных позиций традиционно уязвимых социально-демографических групп: молодежи и представителей старшего поколения. Это проявляется как в снижении уровня безработицы среди этих возрастных категорий, так и в сокращении потенциальной рабочей силы, большую часть которой составляют представители уязвимых слоев населения, желающих работать, но вынужденных покинуть рынок труда из-за низкой конкурентоспособности. По сравнению с 2020 г. в 2024 г. численность

⁴ Росстат. Социально-экономическое положение России. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2023/6569bebe9a7947509806ffa8> (дата обращения: 15.05.2025); <https://www.rbc.ru/economics/25/01/2024/65b122ac9a79473a6cc106e0> (дата обращения: 15.05.2025); <https://iz.ru/1624816/mariia-stroiteleva/kak-zhe-bez-ruk-deficit-rabotnikov-v-2023-godu-sostavil-48-mln> (дата обращения: 15.05.2025).

потенциальной рабочей силы, по данным Росстата, сократилась более чем вдвое: с 1,6 млн человек до 772 тыс. человек. Уровень безработицы в этих категориях снижался темпом, сопоставимым с соответствующими процессами в других группах работников, но в силу изначально высокого уровня, по крайней мере в случае молодежи, его снижение охватило относительно более обширный контингент. Так, если в среднем по населению с 2021 по 2024 г. снижение уровня безработицы составило 2,3 п.п., то для возрастной группы 20–24 года – 7,4 п.п., а для самых молодых претендентов на работу в возрасте 15–19 лет – 12,4 п.п.

Об укреплении позиций молодежи на рынке труда свидетельствует и зафиксированный регулярным обследованием Росстата рост численности успешно трудоустраивающихся выпускников системы профессионального образования. Причем основной прирост занятости был достигнут как раз за счет сокращения безработицы выпускников. Особенно вырос уровень участия в рабочей силе выпускников учреждений среднего образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, и очень резко вырос уровень их занятости, что свидетельствует об острой востребованности этой категории кадров.

Результатом обострения кадрового дефицита стал существенный рост заработных плат и улучшение гарантий занятости, предоставляемых работодателями (см. табл. 1). Наблюдалось устойчивое снижение занятости на основе устной договоренности (почти вдвое за последние четыре года) при расширении сферы формальной занятости на основе оформленных в письменной форме постоянных контрактов. Зафиксирован и устойчивый абсолютный рост численности занятых на постоянной основе – с 60,9 млн человек в 2020 г. до 65,7 млн человек в 2024 г.

Таблица 1

Динамика распределения наемных работников по типу контракта

Тип контракта	Доля работников				
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Контракт в письменной форме	95,1	95,0	95,0	95,8	96,2
в том числе:					
постоянный	92,5	92,7	93,1	94,0	94,6
временный	2,6	2,3	1,9	1,7	1,6
Устная договоренность	3,4	3,3	3,0	2,6	1,8
Гражданско-правовой договор	1,4	1,6	2,0	1,7	2,0

Источник: рассчитано авторами по данным обследования рабочей силы Росстата за соответствующие годы. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 12.05.2025).

Естественным следствием выросшего спроса на труд стало ускорение темпов роста реальной заработной платы и, как следствие, реальных доходов населения (см. табл. 2). Важно отметить, что на фоне ускорившегося роста потребительских цен номинальная заработная плата росла значительно быстрее реальной, что могло создавать в восприятии работников иллюзию более существенного увеличения доходов от занятости, чем это имело место в действительности.

Таблица 2

Динамика заработной платы и реальных доходов населения

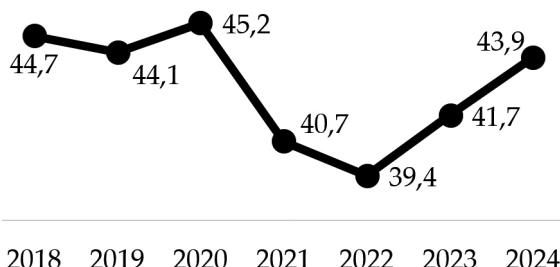
Год	Номинальная среднемесячная зарплата (тыс. руб.)	Номинальная среднемесячная зарплата (% к предыдущему году)	Реальная среднемесячная зарплата (% к предыдущему году)	Реальные располагаемые денежные доходы (% к предыдущему году)
2018	43,7	111,5	108,5	100,7
2019	47,9	109,6	104,8	101,2
2020	51,3	107,1	103,8	98,0
2021	57,2	111,5	104,5	103,3
2022	65,3	114,2	100,3	104,5
2023	74,9	114,7	108,2	106,1
2024	89,1	119,0	109,7	107,3

Источник: составлено авторами по данным Росстата за соответствующие годы. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 15.06.2025).

Укрепление позиций работников на рынке труда убедительно подтверждает динамика такого макроэкономического показателя, как доля оплаты труда в ВВП. Как видно из рис. 1, перелом наступил в 2022 г., начиная с которого происходит ее уверенный рост.

Позитивной тенденцией является повышение стабильности в сфере оплаты труда, о чем свидетельствует снижение доли заработков, получаемых неофициально (см. рис. 2). По сравнению с 2016 г. в 2023 г. доля скрытых выплат в ВВП снизилась с 13,5 до 7,8%. Аналогичную картину можно наблюдать в динамике доли скрытой оплаты во всей оплате труда: снижение соответственно с 27,1 до 19,3%.

Периоды улучшения экономической конъюнктуры, как правило, сопровождаются ростом неравенства по доходам, в том числе трудовым. Однако в сегодняшней России экономический подъем последних лет не привел к перелому тенденции постепенного снижения дифференциации заработной платы, наблюдаемого на протяжении по край-

Источник: Росстат: Национальные счета. Структура ВВП по источникам доходов. <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 15.06.2025).

Рис. 1. Динамика доли оплаты труда в ВВП с 2018 по 2024 г., %

Источник: расчеты авторов по данным Росстата. Росстат: Национальные счета. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 28.05.2025).

Рис. 2. Динамика показателей скрытой оплаты труда с 2016 по 2023 г.

ней мере двух последних десятилетий. При этом не только продолжается падение разрыва в заработках наиболее высокооплачиваемых работников и самых низкооплачиваемых, характеризуемого коэффициентом фондов, но и слаживается дифференциация в середине зарплатной шкалы, отражаемая коэффициентом Джини (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели дифференциации заработной платы

Показатели	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021	2023
Коэффициент фондов	24,9	22,1	14,7	16,1	15,8	14,5	14,1	13,0	13,5	13,1
Индекс Джини	0,456	0,447	0,418	0,425	0,420	0,413	0,415	0,410	0,414	0,404

Источник: составлено авторами по данным Росстата. https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 15.06.2025).

В то же время сохраняется проблема качества дифференциации, связанная со структурой факторов, лежащих в ее основе. В 1990-х годах и начале 2000-х годов Институтом экономики РАН было проведено несколько раундов обследования социально-экономического положения предприятий. Оно выявило две тенденции в динамике дифференциации зарплаты: рост разрыва между оплатой труда руководителей и основной массы работников и устойчивое сближение заработков квалифицированных и менее квалифицированных кадров. Как видно из табл. 4, с тех пор положение мало изменилось.

Таблица 4

Соотношение средней заработной платы по профессиональным группам с заработной платой неквалифицированных рабочих

Категория работников	2019 г.	2021 г.	2023 г.
Руководители	3,58	3,91	3,67
Специалисты высшей квалификации	2,07	2,22	2,09
Специалисты средней квалификации	1,90	1,87	1,76
Офисные служащие	1,22	1,30	1,29
Торговые работники	1,18	1,23	1,19
Сельскохозяйственные работники	1,25	1,29	1,30
Квалифицированные рабочие	1,82	1,80	1,89
Операторы	1,86	1,85	1,89
Неквалифицированные рабочие	1,0	1,0	1,0

Источник: рассчитано авторами по данным проводимых Росстатом выборочных обследований организаций за соответствующие годы. Росстат. Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения: 15.04.2025).

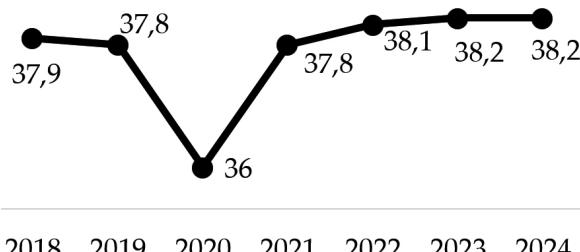
В 2023 г. безусловными лидерами по величине оплаты выступали руководители, у которых она в 3,67 раза превышала оплату неквалифицированных работников. У работников высшей квалификации это превышение составляло 2,09 раза, а у средней – 1,76 раза. Иными словами, по-прежнему сохраняется сильная статусная дифференциация оплаты труда между руководителями и остальными категориями работников⁶. Для большинства работников, не занимающих руково-

⁶ Следует отметить, что это не только российская проблема. В докладе МОТ, специально посвященном неравенству в оплате труда, отмечалось, что в развитых странах около 80% работников получают зарплату ниже средней по организации [18].

водящие позиции, связь между профессиональной квалификацией и заработком хотя и прослеживается, но является сложенной, к тому же далеко не линейной. Таким образом, фактор должностного статуса (а более точно – наличия или отсутствия руководящих полномочий) устойчиво доминирует над фактором профессионально-квалификационных характеристик, отражающих накопленный человеческий капитал.

В целом, однако, динамику показателей, характеризующих изменения в области оплаты труда, можно признать благоприятной для большинства трудящегося населения. Хотя не подлежит сомнению и то, что, несмотря на позитивную динамику последних лет, труд в отечественной экономике продолжает оставаться относительно дешевым, а заработка плата, как будет показано далее, далеко не всегда обеспечивает социально приемлемый уровень жизни.

Следует отметить, что тенденция к росту доходов от занятости может быть отчасти связана с увеличением зафиксированного статистикой объема трудовых затрат. Увеличение средней продолжительности фактически отработанного времени является, пожалуй, единственным очевидным индикатором, который может косвенно свидетельствовать о негативном влиянии кадрового дефицита на работающее население (см. рис. 3). Его резкое падение на пике пандемии в 2020 г. уже на следующий год было полностью компенсировано. Однако продолжительность рабочей недели продолжала расти, достигнув в 2023–2024 гг. рекордно высокого значения в 38,2 часа. Такая динамика резко расходится с трендом, характерным для развитых стран, в большинстве из которых фактически отрабатываемое время находится в интервале 34–36 часов в неделю и последовательно проводится стратегическая линия на его дальнейшее сокращение [15]. Тенденция к росту продолжительности рабочего времени в российской экономике сближает ее по этому параметру с экономиками развивающихся стран.

Источник: данные обследования рабочей силы Росстата за соответствующие годы.
<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 12.05.2025).

Рис. 3. Динамика средней продолжительности рабочей недели, часов

Субъективные индикаторы благополучия российских работников

Широкие возможности для оценки изменений в субъективном благополучии экономически активного населения предоставляют данные регулярно проводимого Росстатом (раз в два года) Комплексного наблюдения условий жизни населения. Это наиболее представительное по своему охвату обследование содержит блок вопросов об удовлетворенности различными аспектами своего положения в сфере труда – от заработной платы до морального и профессионального удовлетворения, которое дает человеку занимаемое рабочее место.

Сопоставление данных последних четырех раундов обследования показывает устойчивый рост удовлетворенности от раунда к раунду по всему кругу рассматриваемых аспектов (см. табл. 5). Отчасти более выраженный по сравнению с предыдущими периодами рост индикаторов удовлетворенности между 2022 и 2024 г. может быть связан со смещением выборки последнего раунда в сторону более образованного контингента респондентов, для которого характерно более высокое качество занятости⁷. Однако следует особо отметить, что негативной динамики показателей удовлетворенности работой не было зафиксировано даже в период пандемии, хотя между раундами 2018 и 2020 г. рост был далеко не такой бурный, как в последующий период.

Прежде всего бросается в глаза резкий рост удовлетворенности заработком до значений, значительно превышающих как среднемировые, так и характерные для большинства развитых стран показатели. Удовлетворенность заработком практически всегда является самой низкой точкой профиля удовлетворенности различными аспектами рабочего места. Согласно данным регулярных опросов Международной ассоциации Gallup, в среднем по странам мира своей работой в целом удовлетворены примерно две трети трудящегося населения, а заработком – лишь около половины. При этом ассоциация фиксирует небольшое снижение обоих показателей удовлетворенности между 2018 и 2023 г.⁸ По результатам другого опроса, в 2021 г. доля удовлетворенных заработком превышала 60% лишь в трех развитых

⁷ По сравнению с предыдущим раундом средняя продолжительность образования работающих респондентов в 2024 г. выросла почти на два с половиной месяца (с 13,7 до 13,9 лет), в то время как ранее прирост между раундами составлял не более двух недель. Доля лиц, имеющих дипломы, подтверждающие получение профессионального образования, стабильно составлявшая примерно 73,5%, в последнем раунде составила 78,3%. Столь резкое увеличение также не может отражать реальных изменений профессионально-квалификационной структуры рабочей силы.

⁸ <https://www.gallup-international.bg/en/48532/most-people-like-their-jobs-satisfaction-with-the-remuneration-is-still-lacking-behind/> (дата обращения: 19.05. 2025).

Таблица 5

**Динамика индикаторов удовлетворенности работой
по возрастным группам**

Аспект	Доля лиц, вполне удовлетворенных работой, по возрастным категориям, %			
	все возраст	трудоспособный возраст	молодежь 16–29 лет	старше трудоспособного
Заработка				
2018	38,9	38,4	39,5	43,3
2020	44,0	43,8	45,4	45,9
2022	50,6	50,5	52,3	52,4
2024	61,3	61,1	60,6	63,9
Надежность работы				
2018	70,1	69,5	67,7	76,0
2020	72,6	72,1	70,1	76,6
2022	78,2	77,9	75,2	81,4
2024	83,9	83,7	80,2	86,6
Выполняемые обязанности				
2018	75,5	75,0	72,2	80,3
2020	77,1	76,7	74,0	80,5
2022	80,7	80,5	78,1	83,1
2024	83,4	83,3	81,1	86,1
Режим работы				
2018	82,2	81,5	79,2	88,3
2020	82,8	82,2	81,1	88,0
2022	85,5	85,1	83,0	90,0
2024	87,5	87,3	85,7	91,6
Условия труда				
2018	73,8	73,0	73,4	80,2
2020	75,9	75,3	75,5	80,9
2022	79,8	79,5	79,6	83,2
2024	84,1	83,9	83,5	87,2
Расстояние до работы				
2018	70,6	69,9	67,9	76,9
2020	72,3	71,7	69,5	77,2
2022	76,5	76,3	74,1	79,8
2024	82,6	82,3	81,3	86,3
Профессиональная удовлетворенность				
2018	65,0	64,5	60,0	69,2
2020	67,9	67,6	64,7	70,3
2022	72,9	72,8	68,6	74,5
2024	78,4	78,1	74,6	82,4
Моральное удовлетворение				
2018	71,3	70,8	66,1	75,8
2020	74,0	73,6	69,6	77,6
2022	78,2	77,9	74,6	81,1
2024	84,9	84,8	82,1	87,6

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ за соответствующие годы. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.06.2025).

странах – Швейцарии, Германии и США. Далее в рейтинге располагались Канада, Франция и Великобритания, где удовлетворены заработком были около половины работников⁹.

В России, при сохранении в целом общего профиля аспектов удовлетворенности работой, удовлетворенность заработком росла наиболее быстрым темпом: за период с 2018 по 2024 г. доля работников, вполне удовлетворенных доходом от занятости, выросла более чем в полтора раза, сравнявшись с уровнем в лидирующих западных странах.

Такая динамика может быть следствием двух обстоятельств. Во-первых, рост реальной заработной платы фиксировался на фоне довольно высокой инфляции, т. е. номинальная заработная плата росла значительно более высоким темпом. Хотя прирост номинальной заработной платы в значительной части поглощался ускорившейся инфляцией¹⁰ и, соответственно, реальный прирост был значительно более скромным, работники при оценке своего дохода от занятости могут быть склонны ориентироваться именно на увеличение номинальной заработной платы, и именно оно фиксировалось в восприятии работников¹¹. Дополнительным обстоятельством, укрепляющим такое восприятие, было значительно более медленное по сравнению с заработками работающего населения увеличение пенсионных выплат. Во-вторых, повышение заработной платы широко затронуло категории относительно низкооплачиваемой рабочей силы, представители которых ранее не демонстрировали удовлетворенности заработком.

Увеличение заработков наименее оплачиваемых категорий работников привело к улучшению материального положения значительной части тех домохозяйств, которые, имея душевые доходы, близкие к прожиточному минимуму, балансировали на грани бедности. Это видно по динамике доли населения, испытывающего лишения и трудности при балансировке семейного бюджета (см. табл. 6). В то же время, как видно из таблицы, хотя финансовое положение домохозяйств улучшилось, ситуацию и сегодня трудно назвать благополучной. Более трети российских домохозяйств по-прежнему не способны

⁹ Comparing Salaries in Various Countries, Are You Satisfied with Your Pay? <https://merxwire.com/19277/comparing-salaries-in-various-countries-are-you-satisfied-with-your-pay/> (дата обращения: 19.05.2025).

¹⁰ Согласно данным КОУЖ, за период с 2018 по 2024 г. средняя оценка респондентами минимального месячного дохода, необходимого домохозяйству, чтобы «свести концы с концами», выросла более чем на четверть (с 58,5 тыс. руб. до 73,9 тыс. руб.).

¹¹ На это обстоятельство обращал внимание еще Дж.М. Кейнс, рассуждая о понижательной жесткости заработной платы и роли инфляции как фактора, облегчающего снижение затрат работодателей на оплату труда в условиях кризисного ухудшения конъюнктуры [7].

Таблица 6

**Динамика некоторых индикаторов финансового положения
домохозяйств**

Категория домохозяйств	Доля домохозяйств			
	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Домохозяйства, указавшие на отсутствие возможности:				
справиться с неожиданными тратами (расходы на срочный ремонт жилья или замену предметов длительного пользования, срочные медицинские услуги и так далее)	52,9	51,2	47,2	35,0
заменить пришедшую в негодность самую простую мебель	53,1	49,1	44,7	34,3
приглашать гостей на семейное торжество (день рождения, Новый год и пр.)	25,3	24,8	21,5	18,6
каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома (включая проведенное время во втором жилье, у родственников, у друзей)	49,1	48,6	44,5	35,4
Домохозяйства, указавшие, что при покупке самого необходимого могут «свести концы с концами»:				
очень легко	0,3	0,5	0,5	0,6
легко	3,0	3,8	4,0	5,0
сравнительно легко	17,3	20,0	21,8	29,1
с небольшими затруднениями	35,4	36,5	37,7	36,8
с затруднениями	29,5	27,7	26,6	22,6
с большими затруднениями	14,6	11,5	9,3	5,8

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ за соответствующие годы. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.06.2025).

за счет собственных ресурсов справиться с затратами на срочные медицинские услуги, на замену мебели и предметов длительного пользования или оплатить поездку в отпуск хотя бы на одну неделю в течение года. Более-менее свободно справляются с повседневными тратами менее трети домохозяйств. При таком раскладе относительно высокая, по мировым меркам, удовлетворенность заработком может объясняться также относительно низким уровнем притязаний широких слоев российского населения¹².

¹² Как показывают опросы, 38% респондентов считают, что уровень жизни ухудшился, и только 18% отметили его улучшение. https://t.me/banki_economy/3450 (дата обращения: 19.06.2025).

Наиболее проблемной зоной благополучия, связанного с работой, является профессиональная удовлетворенность, хотя и здесь налицо отчетливый позитивный сдвиг: за рассматриваемый период рост доли вполне удовлетворенных работой в профессиональном аспекте составил 13,4 п. п. и наблюдался во всех возрастных группах. Тем не менее отставание по этому индикатору от других аспектов удовлетворенности сохранилось.

Относительно низкий уровень этого индикатора может быть связан с широкой распространностью на российском рынке труда сознательного отказа от работы по специальности, полученной в системе профессионального образования, в пользу других вариантов занятости, более привлекательных по тем или иным причинам. В последние годы на эту проблему стали обращать внимание в связи с обострившимся дефицитом рабочей силы. Чаще всего с тревогой отмечают растущую популярность работы в сфере доставки, отвлекающей на себя весомую часть молодых работников, при росте неудовлетворенного спроса на труд в реальном секторе экономики.

Однако практика работы не по специальности получила распространение уже несколько десятилетий назад при переходе экономики на рыночные рельсы, когда наблюдался массовый отток квалифицированных кадров с необеспеченных достойной заработной платой рабочих мест, требовавших серьезной профессиональной подготовки, в сферы, дающие возможность обеспечить себя средствами к существованию в изменившихся реалиях [14]. В дальнейшем проблема относительно низкого уровня заработной платы широких слоев российского населения сохранилась и наложила отпечаток на ранжирование трудовых ценностей и поведенческие установки населения. По данным обследования социально-экономической защищенности в сфере труда, проводившегося ИЭ РАН с 2003 по 2012 г., доля респондентов, подтвердивших, что им важно следовать полученной в системе профессионального образования профессии, при выборе работы сократилась с 57,9 до 47,5%. В случае молодежи в возрасте до 29 лет динамика была более устойчивой: 52,8 и 52,1% соответственно. Таким образом, примерно для половины работников работа по специальности отнюдь не являлась первым приоритетом.

Примерно такую же пропорцию фиксирует КОУЖ при ответе на вопрос о фактическом соответствии специальности выполняемой работе. На протяжении всех раундов обследования среди имеющих диплом о профессиональном образовании факт работы по профессии/специальности, указанной в дипломе, подтверждали лишь около половины работающих респондентов. При этом в последних двух раундах наметилась тенденция к росту доли работающих по специальности, особенно заметная среди молодежи. Между 2020 и 2024 г.

по всему кругу респондентов эта доля, до того удерживающаяся с небольшими колебаниями на уровне около 47%, выросла до 53,4%. Отчасти это может быть связано с отмеченным выше смещением выборки последнего раунда в сторону более образованного контингента респондентов, для которого характерна более высокая степень приверженности профессии, но может быть и свидетельством наметившегося сдвига в системе приоритетов экономически активного населения при выборе рабочих мест. Нужно, однако, признать, что на сегодняшний день предположение о сдвиге в системе приоритетов пока что не находит других подтверждений. Насколько можно судить по имеющимся данным, установка на поиск возможно более высокооплачиваемой работы, часто в ущерб профессиональным интересам, своему призванию и возможностям самореализации в профессии, не сдает свои позиции. Об этом говорит, в частности, распределение главных ориентиров, на которые указывают лица, находящиеся в процессе поиска работы (см. табл. 7).

Таблица 7
Динамика приоритетов лиц, ищущих работу

Год	Все работники	Имеющие образование				
		высшее	среднее специальное (специалисты)	среднее специальное (рабочие)	среднее общее	основное общее
Приоритет: работа с хорошей зарплатой						
2018	56,1	54,8	58,2	58,5	55,4	49,5
2020	51,7	50,5	54,4	56,5	50,1	43,3
2022	54,3	53,6	57,5	58,7	54,2	42,6
2024	55,3	56,8	58,4	61,8	49,1	42,6
Приоритет: работа по специальности						
2018	16,0	26,7	17,1	12,7	6,4	3,4
2020	16,5	29,8	17,1	13,5	5,4	3,1
2022	15,2	25,4	16,8	12,3	7,7	4,0
2024	15,7	23,8	18,6	10,0	9,3	3,0
Приоритет: работа на дому или очень близко к дому						
2018	7,1	6,7	7,0	5,6	8,7	7,8
2020	8,8	7,8	8,3	7,2	11,1	10,8
2022	8,1	8,6	7,1	5,5	10,3	8,8
2024	8,6	8,4	7,3	7,3	9,9	12,7

Окончание табл. 7

Год	Все работники	Имеющие образование				
		высшее	среднее специаль-ное (специалисты)	среднее специаль-ное (рабочие)	среднее общее	основ-ное общее
Нет приоритетов: согласны на любую работу						
2018	16,3	8,3	14,3	18,9	22,5	33,3
2020	17,9	8,7	16,3	19,1	24,6	33,5
2022	16,5	9,1	14,9	17,4	19,0	33,0
2024	14,7	8,1	11,7	15,4	21,8	28,8

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ за соответствующие годы. https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 05.06.2025).

При том, что приверженность полученной профессии проявляется отчетливее у лиц с более высоким уровнем образования, вне зависимости от этого уровня в системе приоритетов продолжает доминировать заработка плата. У большинства категорий работающих наблюдается укрепление этого приоритета при некотором снижении доли ориентированных в первую очередь на работу по полученной профессии. Особенно четко это выражено у лиц, получивших образование по рабочим специальностям.

Заключение

Проведенный анализ изменений в социально-экономическом положении и социальном самочувствии работников, которыми сопровождается текущий этап развития российской экономики, позволяет заключить, что расширение неудовлетворенного спроса на труд на сегодняшний день в целом позитивно сказалось на большинстве аспектов благополучия в сфере труда. Укрепление конкурентных позиций работников способствовало не только увеличению заработной платы, но и росту стабильности социально-экономического положения населения, и прежде всего традиционно уязвимых его социально-демографических категорий, для которых характерна сниженная конкурентоспособность. Этот вывод подтверждается не только изменением объективных макроэкономических характеристик социально-трудовой сферы, но и ростом удовлетворенности работой по всему кругу наблюдавших Росстатом монетарных и немонетарных аспектов – от заработной платы до условий труда и профессиональной самореализации.

В развитие немонетарной составляющей благополучия работников, связанной с улучшением качества трудовой жизни, растущий

вклад вносят инициативы бизнеса. Сталкиваясь с ограниченностью финансовых ресурсов для дальнейшего повышения заработной платы, корпорации пытаются привлечь работников с помощью укрепления правовых и социальных гарантий, более полного учета индивидуальных предпочтений в отношении режима и условий труда, расширения возможностей обучения и повышения квалификации¹³. В то же время на уровне государственных структур прослеживается стремление максимально задействовать все доступные ресурсы труда, в том числе за счет увеличения трудовой нагрузки на индивидуальном уровне. Последние инициативы Минэкономразвития России по повышению гибкости трудовых отношений направлены на снятие законодательных ограничений для применения сверхурочных работ¹⁴. Эта установка приносит свои плоды: отмеченный в последние годы рост заработка сопровождался рекордным увеличением продолжительности рабочего времени, что, отметим, противоречит общемировой тенденции к его сокращению.

Следует подчеркнуть, что труд в отечественной экономике продолжает оставаться относительно дешевым. Несмотря на рост доходов от занятости, они далеко не всегда достаточны для удовлетворения базовых потребностей на социально приемлемом уровне. С одной стороны, это смещает структуру приоритетов в сфере труда в сторону поиска возможно более высокооплачиваемой занятости в ущерб немонетарным аспектам, характеризующим качество трудовой жизни. Существенным недостатком российской практики оплаты труда является отрыв заработка от своей основы – накопленного человеческого капитала. Недооценка квалифицированного труда побуждает работников переходить в не требующие серьезной подготовки, но лучше оплачиваемые сферы деятельности, что поддерживает профессионально-квалификационный дисбаланс и снижает возможности профессиональной самореализации. С другой стороны, дешевизна труда снижает заинтересованность бизнеса в более рациональном использовании этого ресурса, во внедрении инновационных технологий, повышающих производительность, в модернизации рабочих мест. Пока что видимые шаги, предпринимаемые для смягчения трудодефицита, направлены на поиск резервов для расширения предложения труда, а не на модернизацию структуры спроса на рабочую силу. В перспективе такая стратегия чревата неблагоприятными последствиями как в аспекте экономического роста, так и для благополучия в сфере труда.

¹³ Баланс интересов: какие решения нужны бизнесу в трудовых отношениях. <https://www.rbc.ru/industries/news/66f142719a794733023874d5> (дата обращения: 10.06.2025).

¹⁴ <https://iz.ru/1765880/sergei-gurianov/udal-no-mal-trudoustroistvo-posle-professionaliteta-okazilos-problemoi> (дата обращения: 10.06.2025).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Александрова О.А. Проблема дефицита кадров в промышленном секторе экономики: причины и направления решения // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 2. С. 150–162. [Aleksandrova O.A. The problem of personnel shortage in the industrial sector of the economy: reasons and directions for solution // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. Vol. 20. No. 2. Pp. 150–162. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_1_150_162. EDN: BGVYET.
2. Ахапкин Н.Ю. Структурная динамика российского рынка труда: эффекты санкционных ограничений // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 7–23. [Akhapkin N.Yu. Structural Dynamics of the Russian Labor Market: Effects of Sanctions Restrictions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 6. Pp. 7–23. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_6_7_23. EDN: SFLLCO.
3. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 48 (3). С. 105–117. [Baskakova M.E. The potential labor force of modern Russia: The socio-demographic profile and level of education // Social and labor research. 2022. No. 48 (3). Pp. 105–117. (In Russ.).] DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
4. Белоусов Д. Новый формат развития российской экономики: структурные проблемы и цифровой ответ: Научный доклад. Июнь 2025. [Belousov D. New development format of the Russian economy: structural problems and digital response // Research paper. June 2025. (In Russ.).] http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/20250527Tumen.pdf.
5. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Влияние уровня заработной платы на качество занятости и экономическую устойчивость домохозяйств // Федерализм. 2024. Т. 29 (1). С. 77–95. [Bobkov V.N., Odintsova E.V. The Impact of Wage Levels on the Quality of Employment and Economic Sustainability of Households // Federalism. 2024. Vol. 29 (1). Pp. 77–95. (In Russ.).] DOI: 10.21686/2073-1051-2024-1-77-95.
6. Голикова В.В., Муковнин С.К., Казун А.П., Ершова Н.В. Дефицит квалифицированных рабочих в обрабатывающей промышленности: следствие неэффективности фирм или препятствие для роста эффективных? // Вопросы экономики. 2025. № 2. С. 39–65. [Golikova V.V., Mukovnin S.K., Kazun A.P., Ershova N.V. Shortage of skilled workforce in manufacturing: A consequence of firms ineffectiveness or an obstacle for the growth of effective firms? // Voprosy Ekonomiki. 2025. No. 2. Pp. 39–65. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-2-39-65.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. [Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. M.: ZAO 'Biznescom', 2013. (In Russ.).]
8. Малева Т.М., Ляшок В.Ю. Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты // Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 6. С. 120–153. [Maleva T.M., Lyashok V.Yu. Labor Shortage in Russia: Short-Term and Long-Term Effects // Economic Policy. 2024. Vol. 19. No. 6. Pp. 120–153. (In Russ.).] DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-120-153.
9. Садовая Е.С. Рынок труда в цифровой экономике – перспективы регулирования // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 102–111. [Sadovaya E.S. Labor Market in the Digital Economy – Prospects for Regulation //

- World Economy and International Relations. 2022. Vol. 66. No. 10. Pp. 102–111. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-102-111.
10. Седлов А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 2. С. 228–242. [Sedlov A.P. Resources and Risks of Labor Immigration: Imperatives of Formation and Methodology of Assessments // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. Vol. 20. No. 2. Pp. 228–242. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_7_228_242. EDN: QCHFSP.
11. Соболев Э.Н. Трудовая миграция на российском рынке труда: ключевые проблемы и подходы к регулированию // Общество и экономика. 2024. № 11. С. 5–18. [Sobolev E. Labor Migration in the Russian Labor Market: Key Problems and Approaches to Regulation // Society and Economy. 2024. No. 11. Pp. 5–18. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S0207367624110018.
12. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Российская трудовая модель и политика занятости // Общество и экономика. 2022. № 3. С. 22–34. [Sobolev E., Soboleva I. The Employment Model and Labor Policy in Russia // Society and Economy. 2022. No. 3. Pp. 22–34. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S020736760019059-3. EDN: CGRLIO.
13. Соболева И.В. Воспроизводственная функция заработной платы и трудовая мотивация в современной России // Вопросы политической экономии. 2019. № 3. С. 95–104. [Soboleva I. Reproduction Function of Wages and Work Motivation in Modern Russia // Problems in Political Economy. 2019. No. 3. Pp. 95–104. (In Russ.).] EDN: PZYDQH.
14. Соболева И. Недоиспользование трудового потенциала страны: путь в направлении, обратном мировому // Человек и труд. 2003. № 6. [Soboleva I. Underutilization of the country's labor potential: moving oppositely to global trend // Man and Labor. 2003. No. 6. (In Russ.).]
15. Старокожева В.П., Агарычева А.В., Сковпень В.А. Анализ продолжительности рабочего времени в странах мира // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 749–770. [Starokozheva V.P., Agarycheva A.V., Skovpen V.A. Analysis of Working Hours in Countries around the World // Economy of Labor. 2024. Vol. 11. No. 6. Pp. 749–770. (In Russ.).] DOI: 10.18334/et.11.6.121187.
16. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. [Strebkov D., Shevchuk A. What do we know about freelancers? Sociology of free employment. National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2022. (In Russ.).]
17. Юмагузин В.В., Винник М.В. Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4 (193). С. 98–111. [Yumaguzin V.V., Vinnik M.V. Forecast of Population Size and Demographic Burden in Russia up to 2100 // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 4. Pp. 422–431. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-193-98-111.
18. Global Wage Report 2016/17: Wage inequality in the workplace. Geneva: ILO, 2016. P. XIX.
19. International Labour Organisation. (2023). The rise of flexible work: Global trends and implications. ILO Publications.
20. Kelliher C., Anderson D. For Better or for Worse? An Analysis of how Flexible Working Practices Influence Employees' Perceptions of Job Quality // The International Journal of Human Resource Management. Vol. 19. Iss. 3. March 2008. Pp. 419–431.

Дата поступления рукописи: 15.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра развития человеческого потенциала ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasabol@gmail.com

Соболев Эдуард Неньевич – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9142-3361
edsobol@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Soboleva – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Center for Human Potential Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasabol@gmail.com

Eduard N. Sobolev – Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9142-3361
edsobol@rambler.ru

EMPLOYEE WELL-BEING IN A LABOR-DEFICIT ECONOMY

Based upon official statistics, independent surveys, and the latest rounds of the Rosstat Comprehensive Monitoring of Living Conditions, the article examines changes in objective and subjective indicators characterizing various aspects of the well-being of Russian employees under labor shortage exacerbation. It is shown that the changed labor market situation contributed not only to wage increase, but also to greater stability in the socio-economic situation of the working population, as well as to an increase in job satisfaction across the entire range of aspects considered. At the same time, the observed growth in wages was accompanied by an unprecedented increase in working time duration. It is concluded that labor in the Russian economy continues to be relatively cheap, and wage received in many cases hardly guarantee socially acceptable standard of living. The situation generates a shift in work values towards remuneration to the detriment of non-monetary aspects characterizing the quality of working life.

Keywords: *labor shortage, employee well-being, job satisfaction, wages, non-monetary indicators of well-being.*

JEL: J28, J31, I31.

В.В. ПОТАПЕНКО

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории исследований базового
пенсионного дохода ФГБУН Институт экономики РАН

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА РОССИЙСКУЮ ПЕНСИОННУЮ СИСТЕМУ¹

В статье описан сценарный прогноз изменения демографической нагрузки на пенсионную систему и экономику России вследствие продолжающегося старения населения. Предложен подход к прогнозированию численности занятых на основе демографических показателей и характеристик рынка труда. Анализируются изменения половозрастных уровней участия в рабочей силе, в том числе их рост у предпенсионных и пенсионных возрастных групп в результате повышения возраста выхода на пенсию. Показано, что в долгосрочной перспективе демографическая нагрузка на российскую экономику возрастет, но не превзойдет наблюдавшегося ранее уровня. Главный вызов, связанный с ростом такой нагрузки, — ее перераспределение между возрастными группами, от детей и молодежи к пенсионерам по возрасту. Ответом на этот вызов может стать модификация государственной пенсионной системы России, в частности, встраивание в нее базового пенсионного дохода.

Ключевые слова: пенсионная система, старение населения, повышение пенсионного возраста, коэффициент демографической нагрузки, демографический прогноз, участие в рабочей силе, базовый пенсионный доход.

УДК: 314.9, 331.5, 369.5

EDN: ISBAMN

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_27_45

Введение

Один из важнейших долгосрочных вызовов, стоящих перед российским обществом, — неизбежное старение населения. Доля пожилых за последние десятилетия заметно увеличилась: в 1990 г. мужчины/женщины в возрасте 60/55 лет и старше составляли 18,7% населения страны, в 2010 г. — 21,8%, а в начале 2025 г. — уже 27,6%². В будущем

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00228, <https://rscf.ru/project/25-18-00228/>, в Институте экономики Российской академии наук.

² Рассчитано автором по данным Росстата. Численность постоянного населения — мужчин/женщин по возрасту на 1 января. Росстат. <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>, <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 08.07.2025).

эта доля продолжит расти. Соответственно, увеличится нагрузка на пенсионную систему страны. Более того, демографические изменения уже влияют на проводимую социальную политику. Например, принятное в 2018 г. решение о повышении пенсионного возраста аргументировалось прежде всего прогнозируемым ростом нагрузки на пенсионную систему.

Старение населения часто рассматривается только как фактор роста бюджетных расходов, а повышение возраста выхода на пенсию – как базовая мера для их замедления [7; 10]. На основе анализа демографической статистики приводятся аргументы как за, так и против повышения пенсионного возраста [9]. Многие исследователи предлагают эту меру как первоочередной ответ на старение населения в разных странах [19]. Отмечается, что старение населения может быть не только фактором, затрудняющим функционирование пенсионной системы или повышающим риски бюджетных кризисов, но и явлением, тормозящим экономический рост [4; 16].

Некоторые исследователи считают, что риски для экономики в результате старения населения преувеличены из-за акцента на финансовых характеристиках пенсионных систем вместо анализа объема реальных ресурсов (производимых товаров и оказываемых услуг), направляемых пенсионерам [15; 20]. В отдельных работах на основе комплексного сценарного моделирования пенсионной системы показано, что для смягчения последствий старения населения необходим долгосрочный экономический рост, а не повышение возраста выхода на пенсию [11].

Прогнозируемый рост нагрузки на пенсионную систему может быть выражен через величину расходов на выплату пенсий, в том числе соответствующих бюджетных трансфертов, а также через различные производные показатели, такие как отношение пенсионных расходов и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование к ВВП. Для построения прогнозов строятся комплексные модели пенсионной системы [2; 14], иногда описывающие ее взаимодействие с другими сегментами экономики, например, через связку «пенсионные выплаты – потребление домашних хозяйств – ВВП» [12]. Подобные расчеты важны, но достаточно требовательны к исходным предположениям и параметрам сценариев.

В то же время состояние пенсионной системы может быть описано без дополнительных предположений через «верхнеуровневый» показатель – демографическую нагрузку на нее. В данной статье показано, как изменялась и будет изменяться в будущем демографическая нагрузка на пенсионную систему и российскую экономику в целом на прогнозном периоде до 2045 г.

Данные и методы работы с ними

а) Демографический прогноз

Основа представленных в статье расчетов – средний вариант демографического прогноза Росстата³, опубликованного в декабре 2023 г. В табл. 1 приведены некоторые сценарные и результирующие показатели этого прогноза:

1. Постепенное повышение уровня рождаемости: суммарный коэффициент рождаемости к 2045 г. увеличится до 1,66 против 1,4 ребенка на женщину в 2024 г., но не вернется к максимальным в новейшей российской истории значениям середины 2010-х годов.

2. Значительное снижение уровня смертности. В 2005–2023 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении, являющаяся интегральным показателем уровня смертности, увеличилась у мужчин на 9,1, а у женщин – на 6,2 года. Ожидается, что к 2045 г. этот показатель возрастет еще на 7,9 и 4,5 года соответственно.

3. Сохранение миграционного прироста на текущем уровне – около 0,2 млн человек в год.

Описанный демографический сценарий можно назвать умеренно оптимистическим, но, несмотря на достаточно позитивные исходные гипотезы, он показывает долгосрочную депопуляцию. Население страны, равное 146,1 млн человек в начале 2025 г., к 2035 г. сократится до 141,3, а к 2045 г. – до 139 млн человек.

Прогнозируемое сокращение населения – следствие сложившейся к настоящему времени его возрастной структуры. Достигать пожилого возраста, для которого характерны наиболее высокие коэффициенты смертности, будут многочисленные позднесоветские поколения. При этом в фертильный возраст вошли или войдут относительно малочисленные поколения женщин. Сочетание этих двух процессов предопределяет неизбежную естественную убыль.

Прогнозы многих других исследовательских организаций, занимающихся демографическим прогнозированием, близки к тому, что ожидает Росстат [1]. Размах обоснованных сценарных гипотез не очень широк, а воздействие представленности отдельных возрастных групп в общей численности населения существенно, поэтому практически все демографические прогнозы предполагают депопуляцию.

В России, помимо относительно быстрой депопуляции, продолжится старение населения. Доля мужчин/женщин в возрасте 60/55 лет и старше (границы возраста выхода на пенсию до 2019 г.), согласно

³ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2045 года по среднему варианту демографического прогноза. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения: 08.07.2025).

Таблица 1

Параметры среднего варианта демографического прогноза Росстата

Показатель	Отчетный период			Прогноз	
	2005 г.	2015 г.	2025 г.	2035 г.	2045 г.
Население на начало года, млн чел.	143,8	146,7	146,1	141,3	139,0
Мужчины/женщины в заданных возрастных границах, % населения	старше 60/55 лет	20,4	24,0	27,6	30,5
	старше 65/60 лет	15,9	17,2	21,5	23,9
Суммарный коэффициент рождаемости, детей на женщину	1,29	1,76	1,40 (2024)	1,58	1,66
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	оба пола	65,4	71,4	72,8 (2024)	77,5
	мужчины	58,9	66,0	68,0 (2023)	73,2
	женщины	72,5	76,7	78,7 (2023)	81,5
Миграционный прирост, млн чел.	0,11	0,25	0,20 (2023)	0,22	0,22

Источники: составлено автором по данным Росстата. 1) Доли пожилого населения в отчетном периоде – см. сноску 2. 2) Другие показатели в отчетном периоде – Демография. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.07.2025). 3) Прогноз – см. сноску 3.

среднему варианту прогноза Росстата, увеличится в 2025–2045 гг. на 6,8 п.п., до 34,4%. Доля мужчин/женщин в возрасте 65/60 лет и старше (границы возраста выхода на пенсию с 2028 г.) за этот период станет выше на 5 п. п., достигнув в 2045 г. 26,5% населения.

б) Обследование рабочей силы Росстата

Представленные в статье расчеты учитывают такие показатели рынка труда, как численность занятых, численность рабочей силы (сумма занятых и безработных), уровень безработицы (соотношение численности безработных и рабочей силы), половозрастные уровни участия в рабочей силе (соотношение численности рабочей силы и всего населения для заданной половозрастной группы). Источник статистической информации по всем перечисленным показателям – выборочное обследование рабочей силы (ОРС) Росстата, в том числе первичная статистика (микроданные) этого обследования⁴.

⁴ Микроданные ОРС представляют собой анонимизированную информацию по каждому участвовавшему в обследовании респонденту (около 1 млн уникальных записей за отдельный год). Отчетный период, для которого опубликованы

ОПС Росстата – выборочное обследование, генеральной совокупностью при проведении которого является все население России в возрасте 15 лет и старше. Следовательно, оно, по определению, содержит ошибку выборки и, вероятно, некоторые систематические ошибки. Для генеральной совокупности наличие таких ошибок нельзя назвать проблемой: отклонение рассчитанной по ОПС численности населения старше 15 лет от численности населения, согласно демографической статистике Росстата (на нее можно смотреть как на статистику для генеральной совокупности, далее она именуется «фактической»), в 2024 г. равнялось 0,2%. Но при рассмотрении отдельных половозрастных групп эта ошибка начинает расти. В частности, рассчитанная по ОПС численность 50-летних мужчин в 2024 г. оказалась на 13% выше фактической.

Наличие таких отклонений требует, во-первых, осторожной работы с детализированными данными ОПС (например, уровни участия в рабочей силе пятилетних половозрастных групп надежнее однолетних, поэтому при прочих равных условиях менее детализированные пятилетние группы должны иметь приоритет при анализе), во-вторых, применения специальных поправок.

Формула (1) описывает метод оценки совокупной численности рабочей силы на основе: а) уровней участия в рабочей силе пятилетних половозрастных групп из ОПС; б) численности пятилетних половозрастных групп. Для отчетного периода используется фактическая численность этих групп, отличающаяся от рассчитанной по ОПС.

Посредством формулы (2) находятся значения поправки, равной соотношению совокупной численности рабочей силы по данным ОПС и ее расчетных значений, определенных по формуле (1). В 2010–2014 гг. поправка изменялась в пределах 99,8–100,4%, в 2015–2016 гг. – повысилась до 100,7–100,8%, а начиная с 2017 г. варьируется в интервале 101,0–101,6%. В 2024 г. она составила 101,2%. Такие ее значения говорят о том, что расчетная совокупная численность рабочей силы оказывается систематически ниже соответствующей величины из ОПС, поэтому при прогнозировании данного показателя необходимо применение поправки.

$$LF_calc_t = \sum_k LFPR_{k,t} * Popul_{k,t}, \quad (1)$$

$$LF_adj_t = \frac{LF_actual_t}{LF_calc_t} * 100\%, \text{ если } t \leq 2024, \quad (2)$$

где LF_calc_t – расчетная совокупная численность рабочей силы в году t ; $k = 15\text{--}19$ лет, $20\text{--}24$ года, ..., $70\text{--}74$ года отдельно для мужчин и женщин – множество половозрастных групп, для которых рассчитывается численность рабочей силы; $LFPR_{k,t}$ – уровень участия в рабочей силе

микроданные: 2010–2024 гг. См.: Микроданные выборочных обследований рабочей силы. Росстат. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2025).

населения половозрастной группы k в году t ; $Popul_{k,t}$ – численность половозрастной группы k в году t ; LF_actual_t – совокупная численность рабочей силы из ОРС в году t ; LF_adj_t – поправка для расчета совокупной численности рабочей силы в году t .

в) Прогнозирование эффективных коэффициентов демографической нагрузки

Старение населения можно описать через долю пожилых в его совокупной численности. Рост этой доли часто воспринимается как рискованный для пенсионной системы и экономики в целом из-за неявного предположения о том, что значительная часть пожилых людей, как правило, не работает. Следовательно, их обеспечение должны брать на себя представители других поколений.

Этот процесс выражается количественно через специальные показатели – коэффициенты демографической нагрузки. Существуют различные варианты определения данных коэффициентов, но все они основаны на сопоставлении численности, с одной стороны, условно нетрудоспособного или незанятого (неработающего) населения, с другой – тех, кто относится или может относиться к категории занятых [6].

В данном исследовании анализируются и прогнозируются эффективные коэффициенты демографической нагрузки⁵, рассчитываемые по формуле (3). Числитель в правой части формулы представляет все население заданной половозрастной группы, не относящееся к занятым. В случае если заданная в формуле (3) половозрастная группа M охватывает все население, эффективный коэффициент демографической нагрузки называется совокупным. Он равен соотношению численности всего неработающего населения и всех занятых.

$$DB_effect_{M,t} = \frac{Popul_{M,t} - Empl_{M,t}}{Empl_t} * 100\%, \quad (3)$$

где $DB_effect_{M,t}$ – эффективный коэффициент демографической нагрузки для половозрастной группы M в году t ; $M \in N = \{0-14 \text{ лет}, 15-19 \text{ лет}, \dots, 70-74 \text{ года}, 75 \text{ лет и старше} – \text{отдельно для мужчин и женщин}\}$ – подмножество половозрастных групп, для которых рассчитывается коэффициент; $Popul_{M,t}$ – численность половозрастной группы M в году t ; $Empl_{M,t}$ –

⁵ Термин «эффективный» используется для обозначения отличий от стандартных коэффициентов демографической нагрузки, равных соотношению численности населения старше и/или моложе трудоспособного возраста и населения трудоспособного возраста. Стандартные коэффициенты, учитывая только возраст, упускают важнейшую характеристику – статус «занятый/незанятый» [11].

численность занятых, относящихся к половозрастной группе M , в году t ; $Empl_t$ – совокупная численность занятых в году t .

Расчеты по формуле (3) тривиальны для отчетного периода, но усложняются при построении прогноза, поскольку помимо демографических показателей требуют также перспективных значений численности занятых. Формула (4) описывает вычисление этого показателя:

$$Empl_{M,t} = (\sum_M LFPR_{M,t} * Popul_{M,t}) * LF_adj_{2024} * (1 - UnemplR_t), \quad (4)$$

где $UnemplR_t$ – совокупный (для всех половозрастных групп) уровень безработицы в году t .

Любой заданной половозрастной группе M , согласно формуле (4), соответствуют одинаковые: а) поправка для расчета численности рабочей силы (для последнего доступного года); б) уровни безработицы. Эти допущения упрощают обоснование сценариев, одновременно «огрубляя» вычисления. Поскольку в рамках статьи строится прогноз численности или всех занятых в экономике, или занятых, относящихся к широким возрастным группам, такие допущения представляются оправданными. Кроме того, отклонения уровней безработицы всех пятилетних половозрастных групп в интервале 25–69 лет от совокупного уровня безработицы невелики. Например, в 2024 г. такие отклонения изменялись в пределах от $-1,0$ до $1,0$ п. п.

Для построения прогноза на основе формул (1)–(4) необходимы оценки уровней участия в рабочей силе пятилетних половозрастных групп и совокупного уровня безработицы. Прогноз каждого из этих показателей – важная исследовательская задача, решаемая при помощи эконометрических методов [17; 18], но она выносится за рамки данной статьи. Вместо прогноза отдельных показателей используется сценарный подход: расчеты выполнены для нескольких прогнозных сценариев, опирающихся на отчетную статистику и перекрывающих достаточно широкий потенциальный диапазон значений показателей.

Результаты исследования

а) Параметры рынка труда: ретроспектива и прогнозные сценарии

На рис. 1 изображена российская половозрастная «пирамида» 2024 г. и возрастные уровни участия в рабочей силе (кривые участия в рабочей силе) мужчин и женщин в 2010, 2019 и 2024 г. Совокупную величину рабочей силы в 2024 г. можно оценить «визуально», просто умножив численность отображенных на пирамиде возрастных групп на соответствующие им слева и справа уровни участия в рабочей силе (это эквивалент выражения в первой скобке правой части формулы (4)).

Как база для сравнений использован 2019 г. – последний допандемийный год, после которого рынок труда столкнулся с серьезной трансформацией. В течение 2019–2024 гг. произошел сдвиг кривых участия в рабочей силе, описываемый через две основные тенденции: рост уровней участия в рабочей силе мужчин/женщин 25–54 (49) лет (до 3 п. п.) и повышение уровней участия в рабочей силе предпенсионных и пенсионных возрастных групп⁶.

Кривые участия в рабочей силе, если вынести за скобки предпенсионные и пенсионные группы, за этот период сдвинулись не слишком значительно (рис. 1а, 1б). Если сравнить 2010 и 2019 г., то сдвиг кривых окажется еще менее заметным – за исключением изменений относительно низких уровней участия 15–24-летних.

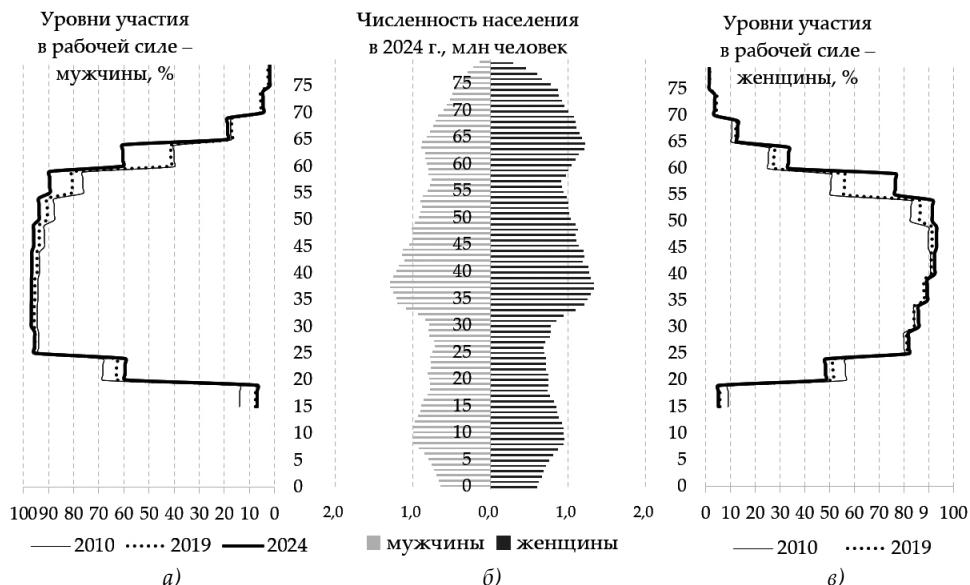
Рис. 1 показывает, что сдвиги кривых участия в рабочей силе для большей части половозрастных групп описываются смещением, не превышающим несколько процентных пунктов. В то же время трансформация формы половозрастной пирамиды, происходящая «автоматически» с течением времени, приводит к гораздо более значимым изменениям (рис. 1б). Например, в 2024 г. численность 35-летних мужчин равнялась 1,21 млн человек, а уже к 2029 г. она, согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата, сократится до 0,79 млн человек (те, кому в 2024 г. было 30 лет).

Быстрые изменения такого порядка характерны для всех возрастных групп, поэтому на состояние рынка труда в наибольшей степени влияет сложившаяся возрастная структура, предопределяющая неизбежное в ближайшие годы замещение в составе рабочей силе многочисленных поколений малочисленными.

После начавшегося в 2019 г. повышения пенсионного возраста стали возрастать уровни участия в рабочей силе предпенсионных и пенсионных возрастных групп. У предпенсионеров показатель увеличился на 9,0 п. п. (мужчины 55–59 лет) и 4,9 п. п. (женщины 50–54 лет), у пенсионеров – на 19,1 п. п. (мужчины 60–64 лет) и 20,6 п. п. (женщины 55–59 лет). Переход к новым границам возраста выхода на пенсию будет продолжаться до 2028 г., поэтому в 2025–2027 гг. можно ожидать дополнительного роста уровней участия в рабочей силе перечисленных групп.

На рис. 2 показано, как с 2018 г. изменились уровни участия в рабочей силе однолетних предпенсионных и пенсионных групп. Данные

⁶ Группы предпенсионеров и пенсионеров определены здесь исходя из границ пенсионного возраста до его повышения. К предпенсионерам отнесены мужчины 55–59 и женщины 50–54 лет, к пенсионерам – мужчины 60–64 и женщины 55–59 лет.

Примечание. На рис. 1а и рис. 1в каждой однолетней возрастной группе, отображенной на рис. 1б, ставится в соответствие значение пятилетней группы, к которой относится однолетняя. Например, для мужчин 60, 61, ..., 64 лет приведены одинаковые значения, равные уровню участия в рабочей силе мужчин 60–64 лет.

Источники: рис. 1а и рис. 1в – рассчитано автором по микроданным ОРС Росстата; рис. 1б – см. сноску 2.

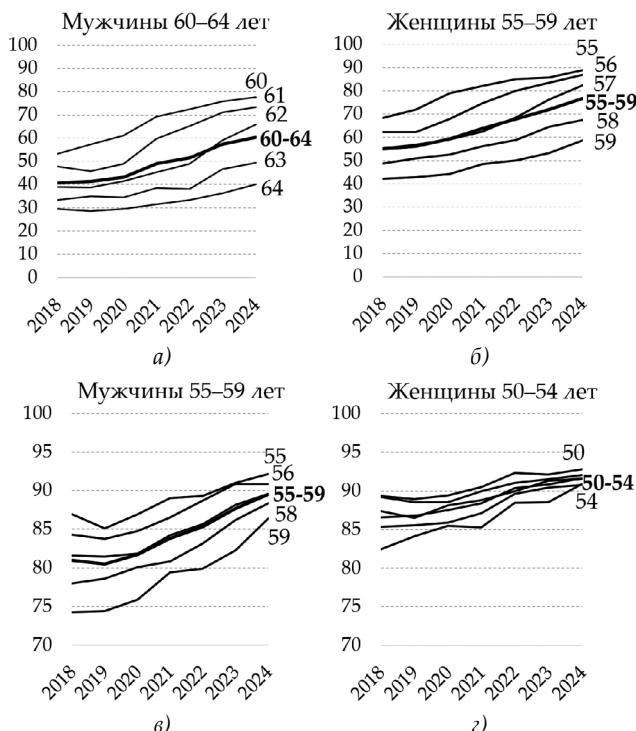
Рис. 1. Половозрастная пирамида и соответствующие ей уровни участия в рабочей силе

для однолетних групп, хотя и уступают в точности статистике по пятилетним, позволяют выделить две тенденции:

1) рост уровней участия в рабочей силе у всех однолетних групп пенсионеров (см. рис. 2а, 2б). Этот рост имеет важную особенность – постепенное сближение значений у большей части возрастных групп, достигших границы возраста выхода на пенсию в предыдущие годы (мужчины/женщины в возрасте до 63/58 лет).

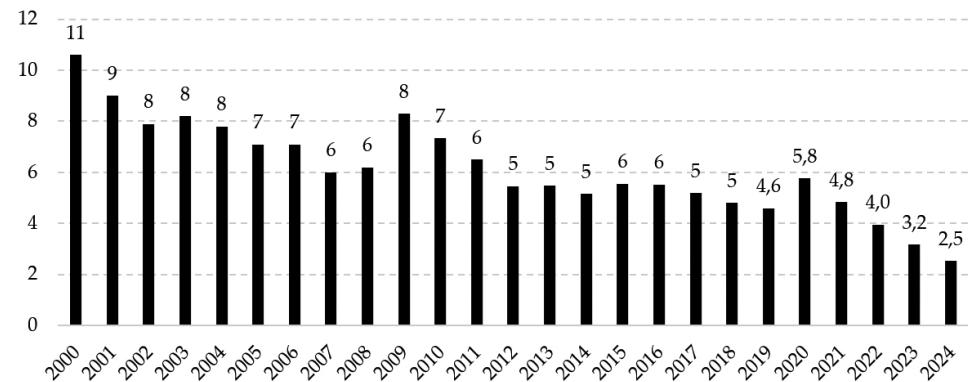
2) рост и сближение уровней участия в рабочей силе у однолетних групп предпенсионеров (см. рис. 2в, 2г).

В последние годы в России наблюдается рекордно низкий уровень безработицы (см. рис. 3). Этот показатель существенно не увеличился в пандемийный 2020 г., а затем стал ежегодно снижаться. Такая динамика уровня безработицы объясняется значительным повышением спроса на труд, о чем свидетельствует рост числа вакантных рабочих мест, начавшийся в результате трансформации рынка труда после 2020 г. [5]. Поскольку численность рабочей силы и занятых в ближайшие десятилетия будет сокращаться из-за особенностей возрастной структуры [8], можно ожидать сохранения высокого спроса на труд.

Источник: рассчитано автором по микроданным ОПС Росстата.

Рис. 2. Уровни участия в рабочей силе предпенсионных и пенсионных половозрастных групп, %

Источник: составлено автором по данным Росстата. Занятость и безработица.

Росстат. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2025).

Рис. 3. Уровень безработицы, %

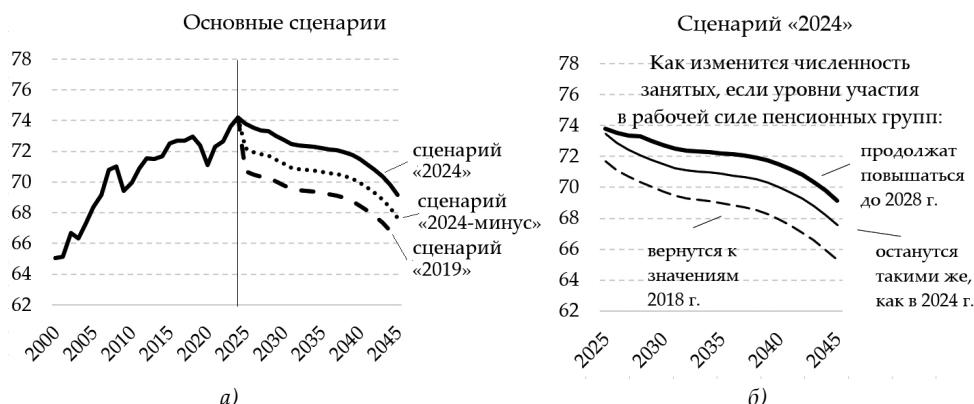
Результаты исследования приведены для трех основных сценариев на прогнозном периоде 2025–2045 гг.: сценарий «2024», сценарий «2019» и сценарий «2024-минус». Дифференцируются они следующим образом (кроме уровней участия в рабочей силе предпенсион-

ных и пенсионных групп): сценарий «2024» – уровни участия в рабочей силе и уровень безработицы равны значениям 2024 г.; сценарий «2019» – уровни участия в рабочей силе и уровень безработицы равны значениям 2019 г.; сценарий «2024-минус» – уровни участия в рабочей силе равны значениям 2024 г., а уровень безработицы – значению 2019 г.

Уровни участия в рабочей силе предпенсионных и пенсионных групп одинаковы во всех сценариях, что обусловлено описанными выше тенденциями – ростом и постепенным сближением этих уровней. Уровни участия в рабочей силе мужчин 55–59 лет и женщин 50–54 лет задаются равными значениям 2024 г. – 90 и 92% соответственно. Уровни участия в рабочей силе мужчин 60–64 лет и женщин 55–59 лет продолжают повышаться и начиная с 2028 г. задаются равными значениям у 60-летних мужчин и 55-летних женщин в 2024 г. – 78 и 89% соответственно. Для периода 2025–2027 гг. задается линейный рост показателя.

б) Занятость и демографическая нагрузка: ретроспектива и прогноз

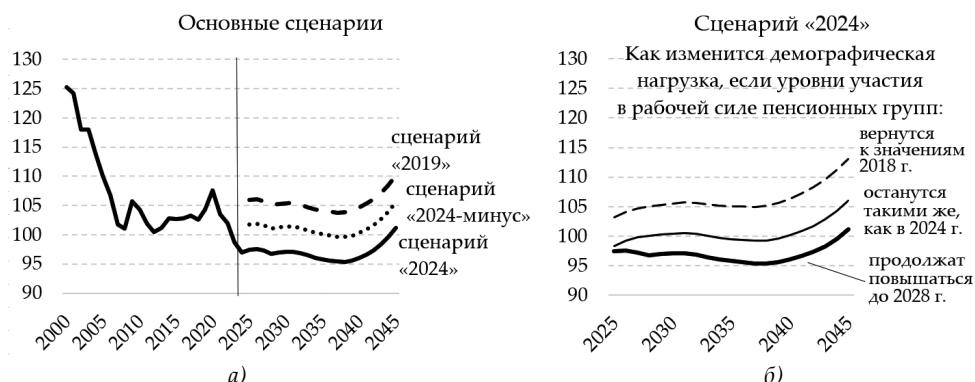
Рис. 4а показывает, что численность занятых росла практически непрерывно с начала 2000-х годов до 2024 г., за исключением нескольких коротких периодов. Но, согласно построенному прогнозу, в ближайшие годы этот показатель начнет сокращаться. Численность занятых, равная в 2024 г. 74,2 млн человек, снизится даже в сценарии «2024» – до 69 млн человек в 2045 г. Другие сценарии предполагают еще более заметное сокращение показателя – до 66–68 млн человек. Параллельно со снижением занятости все сценарии предполагают общую депопуляцию, и этот процесс будет замедлять рост демографической нагрузки на экономику.

Источники: отчетный период – составлено автором по данным Росстата. Занятость и безработица. Росстат. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2025). Прогнозный период – рассчитано автором.

Рис. 4. Численность занятых, млн человек

На рис. 5а показана ретроспективная и прогнозная динамика совокупного эффективного коэффициента демографической нагрузки. В начале 2000-х годов он достигал 120–125%, что было обусловлено как особенностями возрастной структуры, так и состоянием рынка труда. К 2007 г. коэффициент снизился до 101,8% и до 2022 г. изменился в пределах 100–104% (за исключением, как и в случае с занятостью, двух кризисных периодов). В 2023–2024 гг. совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки снизился до рекордно низких значений: 98,7 и 97,0% соответственно.

Источники: отчетный период – рассчитано автором по данным Росстата. 1) Занятость и безработица. Росстат. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2025). 2) См. сноску 2. Прогнозный период – рассчитано автором.

Рис. 5. Совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки, %

Сценарий «2024» предполагает, что совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки в течение 15 лет будет равен 95–98% и только в начале 2040-х годов повысится на несколько процентных пунктов, составив 101% в 2045 г.

Согласно двум другим сценариям, траектория совокупного эффективного коэффициента демографической нагрузки будет очень близка к сценарию «2024». Однако уровень нагрузки ожидается более высоким: в сценарии «2024-минус» – на 4 п. п., а в сценарии «2019» – на 9 п.п.

Прогнозируемый совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки в 2045 г., если рассмотреть сразу три сценария, находится в границах 101–110%. Даже в сценарии «2019» через 20 лет показатель ниже, чем в первой половине 2000-х годов. Такой уровень демографической нагрузки – индикатор того, что занятых в экономике даже в долгосрочной перспективе будет достаточно для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизни всех неработающих категорий населения.

Отдельная задача состоит в оценке того, как наблюдаемый с 2019 г. рост уровней участия в рабочей силе пенсионных групп – мужчин 60–64 и женщин 55–59 лет – влияет на занятость и демографическую нагрузку. На рис. 4б показана численность занятых для подсценариев сценария «2024». Вариант «продолжат повышаться до 2028 г.» соответствует основному сценарию «2024» и повторяет соответствующую кривую на рис. 4а. Два других подсценария исходят из сохранения или гипотетического возврата к уровням участия в рабочей силе пенсионных групп, зафиксированным в 2024 и 2018 г. Расчеты показывают, что в 2025 г. рост этих уровней участия повышает занятость, если сравнить ее с «возвратом к уровням 2018 г.», на 2,1 млн человек, а в 2045 г., в зависимости от подсценария, – на 1,6–3,8 млн человек. Воздействие на результаты в рамках основных сценариев «2024-минус» и «2019» аналогичное.

Рост уровней участия в рабочей силе пенсионных групп не только повышает численность занятых, но и снижает демографическую нагрузку (см. рис. 5б). Если бы в 2025 г. эти уровни были такими же, как в 2018 г., совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки стал бы выше на 6 п. п. А в 2045 г., в зависимости от подсценария, этот коэффициент мог бы увеличиться на 5–12 п. п.

Подчеркнем, что сокращение численности занятых и рабочей силы прогнозируется не только в долгосрочной перспективе, но даже и в ближайшие годы (см. рис. 4). Форма половозрастной пирамиды (см. рис. 1) делает неизбежным уменьшение численности половозрастных групп с наибольшими уровнями занятости и участия в рабочей силе. К этим группам относятся мужчины 25–54 лет (если разбить эту категорию на пятилетние группы, то в 2024 г. соответствующие им уровни участия в рабочей силе находились в интервале 94–97%) и женщины 30–54 лет (86–93%) – в сумме на них приходилось 72% всех занятых.

В 2024 г. среднегодовая численность мужчин 25–54 лет была равна 30,0 млн человек, но, согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата, к 2026 г. она снизится на 1,8, к 2028 г. – на 3,3, к 2030 г. – на 4,8%. Среднегодовая численность женщин 30–54 лет, равная в 2024 г. 28,0 млн человек, к 2026, 2028 и 2030 г. уменьшится на 1,7, 3,9 и 6,4% соответственно.

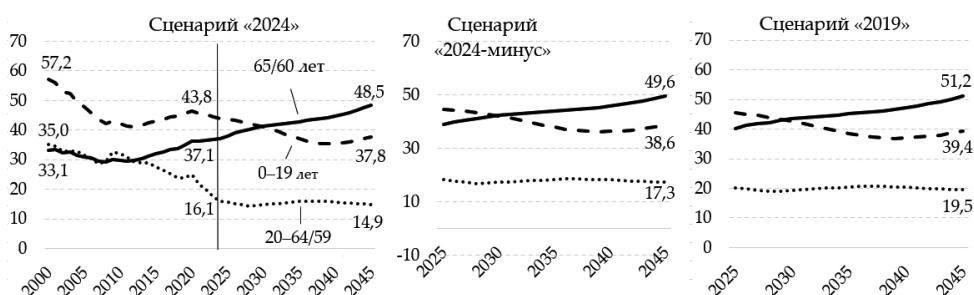
Изменение численности других категорий населения и рост уровней участия в рабочей силе предпенсионных и пенсионных групп не смогут «перебить» это сокращение. В результате численность занятых во всех рассматриваемых сценариях снизится даже в перспективе нескольких лет. В частности, сценарий «2024» и его подсценарии «продолжат повышаться до 2028 г.» и «останутся такими же, как в 2024 г.» дают следующий прогноз численности занятых относительно 2024 г.: 2026 г. – сокращение на 0,9–1,8%; 2028 г. – на 1,2–2,8%; 2030 г. – на 2,0–3,6%.

в) Декомпозиция эффективного коэффициента демографической нагрузки

Несмотря на умеренный прогнозируемый рост совокупной демографической нагрузки, ожидаемый в каждом из трех сценариев, страна столкнется с серьезным вызовом. Он заключается в кардинальном изменении возрастной структуры такой нагрузки. На рис. 6 приведены эффективные коэффициенты демографической нагрузки со стороны широких возрастных групп: детей и молодежи (0–19 лет), населения условно трудоспособных возрастов (мужчины/женщины 20–64/59 лет), пожилых (65/60 лет и старше) – в сумме эти показатели равны совокупному эффективному коэффициенту демографической нагрузки.

Низкие уровни совокупной демографической нагрузки последних 15 лет определялись прежде всего снижением нагрузки со стороны населения условно трудоспособных возрастов. Нагрузка со стороны детей и молодежи сокращалась в 2000-х годах, но в последующие годы увеличилась на несколько процентных пунктов. Нагрузка со стороны пожилых – ее также можно назвать нагрузкой на пенсионную систему – стабильно повышалась, но даже в 2024 г. была ниже нагрузки со стороны детей и молодежи.

Но уже через несколько лет эффективный коэффициент демографической нагрузки пожилыми превзойдет данный показатель для детей и молодежи и продолжит рост. В 2024–2045 гг. у мужчин/женщин 65/60 лет и старше он увеличится с 37,1 до 48,5–51,2% (в зависимости от сценария), тогда как у детей и молодежи – снизится с 43,8 до 37,8–39,4%.

Источники: отчетный период 2000–2009 гг. – рассчитано автором по данным Росстата. Сборник «Труд и занятость в России». Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/> document/13210 (дата обращения: 08.07.2025). Отчетный период 2010–2024 гг. – рассчитано автором по данным Росстата. 1) Микроданные ОРС Росстата. 2) См. сноску 2. Прогнозный период – рассчитано автором.

Рис. 6. Эффективные коэффициенты демографической нагрузки со стороны широких возрастных групп, %

Российская пенсионная система основана на страховых принципах. Большая часть расходов на выплату пенсий финансируется за счет страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, уплачиваемых за работников, меньшая часть – за счет трансфертов из федерального бюджета. Такие трансферты часто рассматриваются как что-то нежелательное, формирующее «дефицит» Фонда пенсионного и социального страхования [7; 10].

Прогнозируемый рост демографической нагрузки со стороны пожилых (нагрузки на пенсионную систему) ставит вопрос о том, какой вариант финансирования пенсионных расходов считать оптимальным. Для поддержания приемлемого уровня жизни пенсионеров совокупные расходы на пенсионное обеспечение должны возрастать. Если при этом пытаться свести «дефицит» пенсионной системы к нулю, потребуется рост объемов уплаченных страховых взносов. Но это может негативно сказаться на конкурентоспособности предприятий, ценовой динамике, потребительском спросе.

Более эффективным представляется финансирование пенсионных выплат одновременно за счет страховых взносов и трансфертов из федерального бюджета таким образом, чтобы пропорция между ними максимизировала темпы экономического роста. В силу повышения демографической нагрузки на пенсионную систему данная пропорция, вероятно, будет смещаться в сторону трансфертов. Одним из вариантов реализации такого смещения может быть введение базового пенсионного дохода – универсальных выплат пенсионерам, не зависящих от уплаченных за работника страховых взносов и отличающихся от социальной пенсии и фиксированной выплаты к страховой пенсии [3; 13].

Заключение

Сокращение численности населения, рабочей силы и занятых, старение населения, рост демографической нагрузки на пенсионную систему предопределены сложившейся возрастной структурой населения и неизбежны даже при реализации оптимистических демографических сценариев.

Совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки, определяемый как соотношение всего неработающего населения и всех занятых, в 2024 г. достиг рекордно низкого уровня в 97%. В перспективе 20 лет этот коэффициент не превысит значений, зафиксированных в первой половине 2000-х годов, увеличившись к 2045 г., в зависимости от рассматриваемого сценария, до 101–110%.

Даже если представить ситуацию, при которой уровни участия в рабочей силе пенсионных групп в течение всего периода 2025–2045 гг.

остаются такими же, как в 2018 г., до начала повышения возраста выхода на пенсию, совокупный эффективный коэффициент демографической нагрузки дополнительно возрастает на 6 п. п. в 2025 г. и 12 п. п. в 2045 г. Это означает возврат к уровню нагрузки 25-летней давности, но только в конце прогнозного периода.

Отчетные, текущий и прогнозируемые уровни демографической нагрузки показывают, что российская экономика имеет сейчас и будет иметь в будущем достаточные ресурсы для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизни всех неработающих категорий населения, независимо от их возраста. С ситуацией «один с сошкой, а семеро с ложкой» страна не столкнется – и через два десятилетия на одну «сошку» будет приходиться, как и в настоящее время, приблизительно одна «ложка без сошки».

Тем не менее существенно изменится возрастная структура демографической нагрузки. Всю предыдущую историю и даже сейчас, несмотря на старение населения, большую часть незанятых составляют дети и молодежь в возрасте до 20 лет. Но уже через несколько лет пожилые станут наиболее многочисленной категорией неработающего населения, а к 2045 г. нагрузка на занятых с их стороны увеличится по сравнению с текущим уровнем, в зависимости от сценария, на 31–38%. Это может потребовать создания новых механизмов общественного перераспределения ресурсов. Один из таких механизмов – постепенное встраивание в государственную пенсионную систему базового пенсионного дохода.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Антонов А.И., Карпова В.М. Сравнительный анализ демографических прогнозов: оценка долгосрочных тенденций для мира и России // Проблемы прогнозирования. 2025. № 2 (209). С. 180–191. [Antonov A.I., Karpova V.M. Comparative Analysis of Demographic Projections: Assessing Long-Term Trends for the World and Russia // Studies on Russian Economic Development. 2025. No. 2 (209). Pp. 180–191. (In Russ.).] EDN: TLRBPN. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191.
2. Баскаков В.Н. и др. Пенсионная реформа в Российской Федерации: актуарная экспертиза. М.: Экономист, 2008. [Baskakov V.N. et al. Pension Reform in Russian Federation: Actuarial Research. Moscow: Economist, 2008. (In Russ.).] EDN: XOCOQH.
3. Бобков В.Н., Пилюс А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. [Bobkov V.N., Pilyus A.G., Smirnova E.A. Basic Income and Pension Systems: Research Overview and Transformation Frameworks // Russian Economic Journal. 2024. No. 4. Pp. 87–113. (In Russ.).] EDN: ECLHCE. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_4_87.
4. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70. [Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demographic Brakes of the Economy // Voprosy Ekonomiki. 2018. No. 6. Pp. 48–70. (In Russ.).] EDN: XPUDWH. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-48-70.

5. Капелюшников Р.И. Кривая Бевериджа: что она говорит о российском рынке труда? // Журнал новой экономической ассоциации. 2024. № 4. С. 246–258. [Kapeliushnikov R.I. The Beveridge Curve: What Does It Tell Us about the Stance of the Russian Labor Market? // The Journal of the New Economic Association. 2024. No. 4. Pp. 246–258. (In Russ.).] EDN: GTYWHS. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_246-258.
6. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 8–63. [Kapeliushnikov R.I. The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects // Economic Policy. 2019. No. 2. Pp. 8–63. (In Russ.).] EDN: MIIXFN. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63.
7. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79. [Kudrin A.L., Gurvich E.T. Population Aging and Risks of Budget Crisis // Voprosy Ekonomiki. 2012. No. 3. Pp. 52–79. (In Russ.).] EDN: OQBUZN. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-3-52-79.
8. Малева Т.М., Ляшок В.Ю. Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты // Экономическая политика. 2024. № 6. С. 120–153. [Maleva T.M., Lyashok V.Yu. Labor Shortage in Russia: Short-Term and Long-Term Effects // Economic Policy. 2024. No. 6. Pp. 120–153. (In Russ.).] EDN: PWQEFU. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-6-120-153.
9. Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–137. [Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Pension Age Increase: Pro et Contra // The Journal of the New Economic Association. 2010. No. 8. Pp. 117–137. (In Russ.).] EDN: NECJLF.
10. Назаров В.С. Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы // Вопросы экономики. 2012. № 9. С. 67–87. [Nazarov V.S. The Future of the Pension System: Parametric Reforms or the Change of a Paradigm // Voprosy Ekonomiki. 2012. No. 9. Pp. 67–87. (In Russ.).] EDN: PBQXTZ. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-9-67-87.
11. Потапенко В.В. Пенсионная система в структуре современной российской экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, Москва, 2018. [Potapenko V.V. Pension System as a part of the Russian Economy: PhD dissertation: 08.00.01. Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2018. (In Russ.).] EDN: MAFGUX.
12. Потапенко В.В., Широев А.А. Особенности прогнозирования потребления домашних хозяйств в условиях структурной неоднородности доходов и цен // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1. С. 6–18. [Potapenko V.V., Shiroev A.A. Forecast of Russian Personal Consumption Expenditures as Function of Income Distribution and Relative Prices // Studies on Russian Economic Development. 2021. No. 1. Pp. 1–10. (In Russ.).] EDN: XBJETX. DOI: 10.47711/0868-6351-184-6-18.
13. Смирнова Е.А. Динамика постсоветской системы обязательного пенсионного страхования и базовый пенсионный доход // Уровень жизни населения регионов России. 2024. № 3. С. 385–396. [Smirnova E.A. Dynamics of the Post-Soviet Mandatory Pension Insurance System and Basic Pension Income // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. No. 3. Pp. 385–396. (In Russ.).] EDN: VEFVSD. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_5_385_396.
14. Соловьев А.К. Демографическая угроза экономике: макроанализ пенсионной системы России // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 112–126.

- [*Soloviev A.K. Demographic Threat to the Economy: Macroanalysis of Russia's Pension System // Studies on Russian Economic Development.* 2013. No. 2. Pp. 179–188.
(In Russ.).] EDN: RFLPJH.
15. *Bell S., Wray L.R. Financial Aspects of the Social Security "Problem" // Journal of Economic Issues.* 2000. Vol. 34. No. 2. Pp. 357–364. DOI: 10.1080/00213624.2000.11506273.
 16. *Bloom D.E, Canning D., Fink G. Implications of Population Aging for Economic Growth.* NBER. 2011. Working Paper No. 16705. DOI: 10.3386/w16705.
 17. *Dowd T. Labor Supply, Fertility, and the Economy: PhD dissertation.* University of Maryland, 1999.
 18. *Frees E.W. Stochastic forecasting of labor force participation rates // Insurance: Mathematics and Economics.* 2003. Vol. 33. No. 2. Pp. 317–336. DOI: 10.1016/S0167-6687(03)00156-2.
 19. *Lee R. Macroeconomics, Aging and Growth.* NBER. 2016. Working Paper No. 22310. DOI: 10.3386/w22310.
 20. *Nersisyan E., Xinxua L., Wray L.R. The Unbearable Weight of Aging: How to Deal with the "Demographic Time Bomb".* Levy Economics Institute. 2023. Working Paper No. 1018.

Дата поступления рукописи: 17.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Вадим Викторович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследований базового пенсионного дохода ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3825-831X
vvpotapenko.ecfor@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Potapenko – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Laboratory for Research on the Basic Pension Income, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3825-831X
vvpotapenko.ecfor@gmail.com

POPULATION AGING AND THE DEMOGRAPHIC BURDEN ON THE RUSSIAN PENSION SYSTEM⁷

The article describes a scenario forecast of changes of the demographic burden on the pension system and the economy of Russia in general due to ongoing aging of the population. An approach to forecasting a number of employed based on demographic indicators and labor market characteristics is proposed. The changes in gender and age levels of labor force participation rates are discussed, including their growth among the pre-retirement and retirement age groups as a result of an increase in the retirement age. It is shown that

⁷ The reported study was funded by Russian Science Foundation grant 25-18-00228, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00228/>, at the Institute of Economics of the RAS.

in the long term, the demographic burden on the Russian economy will rise, but will not exceed the previously observed level. However, it is demonstrated that the main challenge associated with the growth of such a burden is its redistribution between age groups, from children and youth to the old population. The possible answer to this challenge is the modification of the state pension system of Russia, in particular, the incorporation of a basic pension income into it.

Keywords: *pension system, population aging, retirement age increase, dependency ratio, demographic projections, labor force participation rates, basic pension income.*

JEL: H55, J11, J21.

А.В. ВИЛЕНСКИЙ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующий сектором экономики регионов
и местного самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН

ЕДИНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ

Проведенное исследование показало, что преференциальные экономические зоны с их особыми условиями хозяйствования на разных территориях страны являются не противоположностью, а составной частью единства национального экономического пространства. Единство не означает всеобщее однообразие, одинаковость. Государство целенаправленно создает преференциальные территориальные зоны со своими особыми правилами хозяйствования, особой организацией государственного и муниципального управления территорией, особыми приемами управления, номинально нарушающими единство условий хозяйствования в стране. Но сами преференциальные экономические зоны, льготное региональное и муниципальное налогообложение создаются, вводятся для общего улучшения условий хозяйствования, повышения национальной конкурентоспособности, для снижения межрегиональной социально-экономической дифференциации и, соответственно, для укрепления единства национального экономического пространства. Преференциальные зоны предназначены для укрепления этого единства.

Ключевые слова: *единое экономическое пространство, преференциальные экономические зоны, опорные населенные пункты, барьеры на путях движения товаров, услуг и финансовых средств, территориальная обособленность, фрагментарность экономического пространства.*

УДК: 332.122

EDN: ROCCAY

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_46_64

Введение

Включение в конце 2024 г. в Стратегию пространственного развития России до 2030 г.¹ понятия «опорные населенные пункты» (ОНП) в его новой версии² означает значительное расширение количества преференциальных экономических зон (ПЭЗ) в российской национальной экономике³ – расширение более чем на две тысячи единиц. ОНП присоединились к большому количеству уже созданных в нашей стране особых экономических зон, к территориям опережающего развития, к свободным экономическим зонам, свободным портам, Арктической зоне, к кластерам и т. п.

Ст. 8.1. Конституции РФ говорит, что в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства (ЕЭП), свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности⁴. Но этому, несомненно, хорошему нормативному тезису, номинально противоречит вся практика применения преференциальных экономических зон как инструмента государственного и муниципального экономического регулирования и управления. Правовая основа ПЭЗ всегда в той или иной мере оказывается исключением из общих нормативно-правовых актов ведения любой хозяйственной деятельности. Территориально ограниченным исключением. Не говоря уже о том, что громадные расстояния, удаленность территорий друг от друга, просто различия в климате, в природном ландшафте, особенности расселения населения, особенности инфраструктуры в разных регионах страны не могут

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». <http://government.ru/docs/all/157308>

² В Стратегии пространственного развития РФ 2030 ОНП определяются среди всех населенных пунктов страны. В предыдущей официальной трактовке под ОНП понимались лишь не городские (сельские) населенные пункты. «Опорный населенный пункт» – населенный пункт, расположенный вне границ городских агломераций, на базе которого осуществляется ускоренное развитие инфраструктуры, обеспечивающей реализацию гарантий в сфере образования, доступность медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализацию иных потребностей населения территории одного или нескольких муниципальных образований»; Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р «Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий».

³ Термин «Преференциальная экономическая зона» – это сокращенный вариант от имеющихся в законодательных и нормативных документах и в научных работах многочисленных, многовариантных названий территорий с особыми (преференциальными, льготными) режимами хозяйствования.

⁴ Конституция РФ, ст. 8.1. С изменениями и дополнениями. М., 2025. С. 4. <http://kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 28.05.2025).

не порождать территориальной обособленности в российском экономическом пространстве. Полностью преодолеть ее невозможно и не нужно, хотя к такому преодолению и призывают некоторые специалисты. Например, в своей работе 2014 г. А.Г. Полякова и И.С. Симарова указывали на то, что «Наличие таких сегментов может привести к антагонистической обособленности регионов и спаду территориально-экономического пространства страны» [1, с. 50].

Существует номинальное противоречие между нормативными формулами в определении единства экономического пространства и изначально сложившимися и сохраняющимися реалиями хозяйственной жизни. Нормативные определения, включая конституционное, так или иначе сводят единство экономического пространства к недопущению барьеров на пути движения внутри страны товаров, услуг, финансовых средств, отсутствию препятствий для свободной экономической деятельности, к поддержке конкуренции. Но в реальности всегда имелись и имеются многочисленные барьеры, препятствия для их движения. В том числе те, которые порождаются ПЭЗ в отношении к непреференциальным, обычным территориям с их хозяйствами.

Не все барьеры, препятствия противостоят единству экономического пространства. Более того, государство их целенаправленно создает, в том числе в виде ПЭЗ, для укрепления этого единства.

1. Экономическое пространство как понятие: обзор подходов

Появление уже около трех десятилетий назад в российских законодательных и нормативных документах, включая Конституцию РФ, термина «экономическое пространство» вместо привычного «регионы» и т. п. вызвало тогда у немалой части российских исследователей определенное недоумение. Исследователи-экономисты привыкли к советской социально-экономической регионалистике, понимая под этим преимущественно макроэкономический аспект изучения общественных отношений, размещения производительных сил, хозяйственной деятельности, особенности государственного и муниципального управления, развития социума в регионе в его разных исследовательских определениях, изучение межрегиональных отношений. При этом особо выделялись регионы внутри отдельной страны и регионы – группы стран.

Возникновение в середине XIX в. терминов «пространственная наука», «пространственная экономика» (или «экономика пространства») связывается с двумя видными немецкими географами А. Геттнером [2], К. Риттером [3] и их последователями. Сложилось так, что *под пространственной экономикой (экономикой пространства)*

понимается все, что имеет отношение к экономике и социальной сфере (включая население, здания и сооружения, инфраструктура и т. п., организация хозяйственной деятельности с ее агентами, механизмы государственного и муниципального управления и регулирования, элементы качества жизни и т. д.) на определенной, ограниченной территории – здесь «территория» базовое понятие.

Существует большое число различных определений экономического пространства. Так, по А.А. Котову, экономическое пространство – это совокупность территориально распределенных экономических субъектов и процессов, объединенных системой взаимодействий, обменом ресурсами и информацией. Оно характеризуется структурой размещения производительных сил, уровнем экономической активности и степенью взаимосвязанности регионов [4, с. 7]. Известный российский экономист А.Г. Гранберг определял экономическое пространство как насыщенную территорию, вмещающую множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д. [5, с. 25]. По А.В. Митрофанову, экономическое пространство – это понятие, которое обозначает территорию, где происходят экономические процессы, и где взаимодействуют различные субъекты экономики. Это понятие может быть как абстрактным, так и конкретным, и охватывает различные уровни – от глобального до регионального [6].

В последнее время в понятие экономического пространства нередко включается информация (с ее IT-технологиями) и инновационность.

Но очевидно, что в основе таких определений лежит вышеизложенное, сформировавшееся еще в XIX в. определение экономического пространства.

В отличие от советской региональной науки, пространственная экономика изначально акцентировала внимание на микроэкономическом уровне. Подобно классической экономической теории, пространственная экономика рассматривает микроуровень как фундаментальный, уделяя основное внимание хозяйствующим субъектам. Это также характерно для теории новой экономической географии [7], которая в настоящее время является доминирующим направлением в исследованиях пространственной экономики. В структуре экономического пространства выделяются следующие составные группы элементов: производственно-хозяйственная, транспортно-коммуникационная, природно-ресурсная, демографическая, расселенческая. На них накладываются территориально-административные подсистемы. Каждая из этих групп формируется через (благодаря) концентрации населения, капитала во всех его видах, через развитие транспортной, производственной и коммунальной инфраструктур. Правомерно

утверждать, что эти составные группы элементов являются продуктом определенной человеческой деятельности.

Производственно-хозяйственная группа концентрирует в себе субъекты хозяйствования – агентов. В рамках этой группы они распределяются по видам деятельности, отраслям, секторам производства. Происходит наполнение рынка востребованными товарами и услугами. Причем это наполнение обеспечивается как за счет производства на определенной территории (территориальном образовании), так и ввоза продукции из других территорий, включая зарубежные (внешнеэкономическая деятельность). Субъекты хозяйствования одной территории постоянно ведут торговлю с субъектами хозяйствования других территорий.

Транспортно-коммуникационная группа представляет собою инженерно-технические и коммунальные сети и отдельные объекты, кусты таких объектов, линии связи во всем их многообразии, логистические структуры, включая склады и обслуживающий их транспорт, логистические предприятия, а также магистральные транспортные сети. Транспортно-коммуникационная инфраструктура и инфраструктура связи обеспечивают обмен информацией, передвижение населения, продукции, ресурсов как внутри определенной территории, так и вне ее в рамках производственных, торговых объектов и сетей, торгово-распределительных и логистических предприятий. Все они осуществляют перемещение информации, ресурсов, населения, товаров как внутри территории, так и за ее пределы. Эта группа элементов обеспечивает общую связанность территорий (с социально-экономическими особенностями каждой из них), внутреннюю связанность каждой территории в общее экономическое пространство страны. Обеспечивает вхождение национальной экономики, национального рынка в систему мировой экономики, мирохозяйственных связей.

Природно-ресурсная группа элементов экономического пространства представляет собой материальный базис размещения как хозяйства территории, так и ее населения. Природные ресурсы во многом (но не всегда) определяют специализацию производственно-экономической деятельности на территории. Природный ландшафт влияет на размещение хозяйственных объектов и их конфигурацию на территории.

Демографическая группа элементов в полной мере рассматривает население как основополагающий момент экономического пространства со всеми его составляющими. В этой группе учитывается сложившийся характер воспроизведения населения, различные аспекты его миграции. Население территории – это и рабочая сила, и потребитель предназначенный для него продукции. Само население несет в себе множество характеристик: половозрастных, образовательных, профес-

сиональные предпочтения, возрастные деления, здоровье населения, конфессиональные и этнические и т. п. Все они подлежат учету для выявления особенностей страт людей, проживающих на определенной территории, в том числе при их оценке как реальной, так и потенциальной рабочей силы.

Совокупность населенных пунктов определенной территории образует расселенную группу элементов экономического пространства. Городские и сельские населенные пункты рассматриваются при этом как места постоянного или временного проживания людей, их локализации. Правомерно считается, что транспортная инфраструктура с населенными пунктами образует опорный каркас части экономического пространства определенной территории.

В рамках территориально-административной группы экономическое пространство и его территориальные части подпадают под определенную принадлежность – или к муниципалитету, или к субъекту Федерации (региону), а через них – к федеральному округу. В масштабах страны речь идет об общем национальном экономическом пространстве, а вместе с ним – и о национальном рынке [8, с. 317–318].

2. Единство экономического пространства

Единое экономическое пространство является комплексом экономических, социальных, юридико-правовых, технических и технологических, административных, народно-хозяйственных и микроэкономических элементов, обеспечивающих развитие как всей национальной экономики, так и каждой из ее территорий. Оно охватывает жизнедеятельность как государства, так и общества в целом со всеми их сферами [9, с. 164–165].

Базовыми составными частями ЕЭП являются единая система денег и кредита, общий национальный рынок страны, единство инфраструктуры, включая такие ее элементы, как транспорт, связь и энергетику.

ЕЭП подразумевает, во-первых, то, что центральные органы власти обладают полномочиями задавать базовые правила ведения хозяйственной деятельности со всеми их исключениями по всему экономическому пространству страны. То есть они уполномочены осуществлять единое регулирование экономики. Во-вторых, четкое распределение полномочий в регулировании и управлении национальной экономики между центром (федеральным правительством), властными структурами субъектов Федерации и муниципальными органами власти. Причем с учетом как корпоративного управления, так и государственно-частного партнерства. Четкое распределение полномочий задается общими принципами регулирования и управления экономикой в рамках ЕЭП. В-третьих, функционирует общая, базовая федеральная

правовая система ведения экономической деятельности, которой охватывается бюджетная, налоговая, антимонопольная, финансовая и т. п. деятельность на всем ЕЭП. В-четвертых, осуществляется движение продукции, финансовых средств, а также рабочей силы по ЕЭП, обеспечивающее единство национального рынка. В-пятых, в масштабах страны действуют общие, единые нормы (нормативные акты), правила, законы, обеспечивающие единство механизмов деятельности для всех субъектов хозяйствования. Более того, прописан порядок их соблюдения, исполнения. Созданы организации (государственные, муниципальные, общественные), призванные обеспечивать результативное функционирование всей этой системы институтов. Должная идентичность институтов на всем ЕЭП позволяет субъектам хозяйствования достигать искомый ими результат их деятельности, решать свои проблемы кооперации и сбыта, в конечном счете образует единый национальный рынок и обеспечивает социально-экономическое развитие страны [6; 10; 11].

По мнению А.А. Урунова, рыночное единое экономическое пространство, то есть экономическое пространство, деятельность на котором осуществляется субъектами хозяйствования на рыночных принципах, в рамках рыночных механизмов, означает образование базы для развития социума на всех территориях ЕЭП; доступность субъектов хозяйствования, населения к таким важнейшим социально-общественным секторам, как здравоохранение, наука, образование, культура, правовая защита и т. п.; обеспечение улучшения качества жизни населения; его воспроизводства, рационального размещения, расселения населения по всей территории страны, по каждой ее территории; отстаивание, реализация национальных интересов в участии страны в мирохозяйственных процессах, ее субъектов хозяйствования во внешнеэкономической деятельности во всех ее видах, обеспечение роста конкурентоспособности национальной экономики [12, с. 166].

Единое правовое регулирование хозяйственных и финансовых процессов на всей территории страны непосредственно обеспечивает единство экономического пространства. Отнесение на федеральном уровне в национальной правовой сфере положений о едином рынке, о денежной эмиссии (закрепленной за Центральным банком), о валютных отношениях, о нормах кредитования, о финансовом рынке, о таможенном регулировании, о ценообразовании как элементе государственного экономического регулирования, о структуре государственных органов, включая экономические службы, федеральные банки, государственную статистику, нормы бухгалтерского учета, стандарты и эталоны, гарантирует единство экономического пространства [6]. Правовые отношения в обеспечении единства экономического пространства реализуются институтами, органами федеральной, региональной и муниципальной власти, субъектами хозяйствования [13, с. 12].

С точки зрения политических аспектов – именно ЕЭП служит базой для государственного суверенитета, им обеспечивается рациональность функционирования внутренних рынков капитала, услуг, товаров и труда [6].

3. Обзор основных типов преференциальных экономических зон

Вводя на определенной территории особые, льготные условия деятельности для хозяйствующих субъектов, государство, муниципалитеты ухудшают тем самым условия хозяйствования на непреференциальных территориях, препятствуют движению товаров и услуг, финансовых средств и т. д. путем переориентации их на ПЭЗ. В этом смысле как бы нарушается единство экономического пространства. К и без того обширной разнородности, фрагментарности российского экономического пространства добавляются еще действия преференциальных экономических зон.

Отметим, что понятие «фрагментарность» – «региональная фрагментация» (территориальная обособленность) относится к типу неустоявшихся. Нередко под ней понимается межрегиональная дифференциация по ВРП, по производству разных видов продукции, по размещению производства и населения, по природопользованию, по климатическим условиям безотносительно к их воздействию на хозяйственную деятельность и т. п. Понятие «фрагментация» российскими исследователями нередко используется, на наш взгляд, некорректно, как синоним понятий типа несбалансированность полномочий организаций управления территорией, отсутствие скоординированности территориального управления [13]. По нашему мнению, если здесь отказаться от понятия фрагментарность и ограничиться понятиями «несбалансированность» и «нескоординированность», как и понятием «межрегиональная дифференциация» и т. п., суть рассматриваемой проблемы никак не пострадает. Обычно при вышеизложенных трактовках фрагментарности делается вывод, что межрегиональная дифференциация, фрагментарность – это всегда плохо для сбалансированного экономического роста, для назревшей модернизации экономики, для ее конкурентоспособности, для повышения благосостояния населения. И что *единство экономического пространства требует минимизации такой фрагментации*, то есть требует полного выравнивания уровней развития регионов, повсеместно равного уровня и качества жизни, требует достижения единообразия по всей стране. Отметим, что для такой огромной страны, как Россия, реализация подобной задачи представляется практически неосуществимой. Территории и социально-экономические условия различны уже по географическим причинам.

Но уменьшать межрегиональную дифференциацию, сближать в относительно удаленной перспективе уровни социально-экономического развития регионов (насколько это возможно в нашей стране), координировать территориальное управление вполне можно через изменение нормативных параметров ведения хозяйственной деятельности на той или иной территории, через улучшение таким образом инвестиционного климата территории. В частности, через преференциальные экономические зоны.

Через ПЭЗ создаются льготные режимы хозяйствования для определенных территорий: либо для территорий – точек роста, либо для поддержки, спасения экономически слабых, депрессивных территорий. Преференциальные зоны хороши для единого экономического пространства тогда (при всем разнообразии целей и задач их создания), когда ПЭЗ тянут за собой прочие, обычные по условиям хозяйствования непреференциальные территории. Набор применяемых в нашей стране типов преференциальных экономических зон обширен, вкратце остановимся на основных из них.

В 2005 г. был принят федеральный закон об особых экономических зонах, заложивший правовую основу формирования современной системы ПЭЗ России⁵. За прошедшие годы специализация особых экономических зон трансформировалась из отраслевой в территориальную. Социально-экономическое развитие территорий стало для них основным приоритетом [15].

С 2015 г. в хозяйственную практику нашей страны введены территории опережающего социально-экономического развития (ТОР)⁶. Они в большей мере, чем особые экономические зоны, контролируются и регламентируются со стороны федеральных структур. Но при этом набор льгот, привилегий для их резидентов превышает аналогичный набор для особых экономических зон.

В середине второго десятилетия в нашей стране на новых территориях были созданы свободные экономические зоны. Они функционируют в таких субъектах Федерации, как Крым и Севастополь, Донецкая народная республика, Луганская народная республика, Запорожская и Херсонская области⁷. Свободные экономические зоны нацелены на

⁵ Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22673>

⁶ Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102090643&backlink=1&nd=102365301>

⁷ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201411300008>

повышение уровней развития новых территорий до среднероссийских параметров, на восстановление их хозяйств [16].

В преференциальной Арктической зоне РФ основной упор сделан не на развитие ее территории как таковой, а на государственную поддержку предпринимательской деятельности в этой зоне⁸.

ПЭЗ «Наукоград РФ» является муниципальным образованием, имеющим статус городского округа и обладающим своим научно-производственным комплексом с высоким научно-техническим потенциалом⁹. Назревшая необходимость прорыва развития науки в регионах России в большой степени связана именно с наукоградами [17].

В 2025 г. Правительство РФ утвердило документ с критериями, позволяющий относить те или иные территории к «кreatивным кластерам»¹⁰. Кластеры, и не только креативные, уже имеют широкое распространение в большинстве российских регионов. В значительной мере в своей деятельности, в льготах и субсидиях их субъектам хозяйствования – кластеры опираются на помошь не столько федеральных, сколько региональных органов власти, муниципалитетов.

К настоящему времени создан обширный инструментарий государственного и муниципального стимулирования развития ПЭЗ, стимулирования деятельности работающих в них хозяйственных субъектов. Государство и муниципальные органы вкладывают бюджетные средства в инфраструктуру ПЭЗ, занимаются строительством и обеспечением функционирования инфраструктуры, предоставляют право резидентам на ее использование по льготным ценам, осуществляют бюджетное финансирование в строительстве и в обеспечении функционирования объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур, необходимых для реализации инвестиционных проектов ее субъектов хозяйствования.

В практику преференциальных зон входит предоставление льгот по уплате налогов, в первую очередь налога на прибыль, пошлин, сборов, таможенных платежей (в том числе нулевые таможенные пошлины для

⁸ Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

⁹ Федеральный закон от 07.04.1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059069>; Постановление Правительства РФ от 22 сентября 1999 г. № 1072 «Об утверждении критерии присвоения муниципальному образованию статуса наукограда и порядка рассмотрения предложений о присвоении муниципальному образованию статуса наукограда и прекращении такого статуса». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102051250&backlink=1&&nd=102061884>

¹⁰ Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22673>

ввозимых товаров, предназначенных для использования исключительно на территории ПЭЗ, а также для возведения в ней объектов капитального строительства); льготы по налогу на инвестиции в основные средства и по подоходному налогу и налогу на имущество; субсидирование новых рабочих мест и НИОКР; отказ или уменьшение страховых взносов работодателей; улучшение общественной инфраструктуры и услуг, финансирование венчурных инвестиций; в ряде случаев не платится налог на добавленную стоимость; не применяется процедура нетарифного регулирования; упрощение административных процедур ведения хозяйственной деятельности; участие хозяйствующих субъектов в реализации федеральных, региональных и муниципальных целевых программ; наделение органа местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с одновременной передачей необходимых материальных и финансовых средств; государственное гарантирование кредитов, льготные кредиты для резидентов преференциальных зон и т.п. Льготы и прочие преференции получают именно резиденты ПЭЗ.

Видов преференциальных экономических зон намного больше вышеперечисленных. Всевозможные технопарки, промышленные зоны, инновационные центры и т. п. в значительной мере функционируют на базе субсидий, льгот, предоставляемых региональными и местными органами власти в меру их возможностей, а также благодаря целевым субсидиям регионам от федеральных органов власти.

Наработан опыт, практика дифференциации льгот и прочих преференций в приложении к входящим в ПЭЗ территориальным образованиям. Эта дифференциация призвана вносить гибкий характер и изменяться при неизбежных изменениях социально-экономической ситуации на различных территориях любой из преференциальных зон.

Преференциальные экономические зоны – это общемировая практика в современной экономике. Имеется немало позитивных примеров их функционирования, имеются и негативные, провальные примеры. В нашей стране можно найти и первое, и второе. Очевидно, что позитивные практики ПЭЗ должны получать распространение, а негативные ПЭЗ подлежат скорейшей ликвидации. Обращает на себя внимание тот факт, что российское правительство продолжает, и даже наращивает создание все новых ПЭЗ. Сказанное в полной мере может быть отнесено к новым ПЭЗ – опорным населенным пунктам с их очень большими различиями, их разбросом по громадной территории нашей страны.

4. Опорные населенные пункты как тип федеральных ПЭЗ

Опорные населенные пункты стали самым многочисленным видом федеральных преференциальных экономических зон, причем изначально поставленных в положение основного инструмента реализации Стра-

тегии пространственного развития России до 2030 г. (2160 единиц ОНП). «Опорный населенный пункт – населенный пункт, приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности, в том числе за счет обеспечения доступности образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей для жителей прилегающей территории»¹¹.

В Стратегии пространственного развития 2030 г. опорные населенные пункты в их новой трактовке подразделены на группы, причем со своими особыми критериями. Все они включены в Единый перечень опорных населенных пунктов¹² – важнейшей составной части этой Стратегии. Из Единого перечня следует, что в нем абсолютно доминирует группа опорных населенных пунктов, полностью ориентированная на вопрос повышения доступности социальных услуг для населения – 1548 из 2160 общего количества опорных населенных пунктов Единого перечня.

Центральное место в Стратегии пространственного развития уделено вопросам инвестиционного обеспечения социально-экономического развития. В Едином перечне Стратегии выделено 218 ОНП инвестиционной направленности. Их, несомненно, следует считать точками экономического роста.

Очевидны функции таких ОНП, которые обеспечивают безопасность нашей страны на государственной границе, в Закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО), в наукоградах. В совокупности таких ОНП в Едином перечне выделено 158.

Чрезвычайно важно то, что опорным населенным пунктам на реализацию их функций предполагается выделять целевые финансовые средства как из региональных, муниципальных, так и федерального бюджетов.

Но возникает вопрос: а для чего опорные населенные пункты выставлять в Стратегии 2030 главными инструментами пространственного развития? В предыдущей Стратегии основной упор был сделан на развитие крупных агломераций. Действительно, анализ многих зарубежных прак-

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102090643&backlink=1&nd=102365301>

¹² Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации. Протокол МШХ утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143 ПР). [https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perekhodnyy_opornyh_naselenennyh_punktov_rf/](https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovaniye_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perekhodnyy_opornyh_naselenennyh_punktov_rf/) (дата обращения: 12.03.2025).

тик, обобщенных в Новой экономической географии [7], – полностью подтверждает факт того, что пространственное развитие в современном мире происходит преимущественно через крупные агломерации. В них аккумулируется наиболее квалифицированная рабочая сила, концентрируются крупные, средние и мелкие капиталы, развивается инфраструктура, логистика. Через них налаживается межрегиональная кооперация, сотрудничество. Все это обеспечивает ускоренный социальный и экономический рост крупных агломераций и регионов – мест их нахождения. Причем в значительной мере с опорой на рыночные механизмы функционирования экономики, без существенных государственных дотаций и стимулирующих мер.

Дело в том, что ОНП в немалой степени снимают проблему поляризованного развития с ориентацией на крупные агломерации вроде Москвы и Санкт-Петербурга. Чисто рыночные механизмы в пространственном развитии нередко приводят к деградации, депопуляции стратегически важных для страны территорий, к развалу и ликвидации очень многих малых и даже средних городов.

Через ОНП заметно прибавляется количество территорий, подпадающих под стимулирующие меры воздействия государства. По сути, идея ОНП базируется на предположении, что опорные населенные пункты помогут добиться формирования наиболее сбалансированной модели пространственного развития нашей страны, лучшего размещения населения по территории.

До сих пор в российском законодательстве отсутствует определение понятию «населенный пункт». Как следствие – отсутствуют законодательно прописанные критерии к отнесению населенного пункта к городскому или сельскому типу, четкие критерии к определению их границ. Все это явно мешает сколь-либо безошибочно разобраться с вопросом о том, какое поселение может и должно быть отнесено к категории ОНП, а какое – нет. Более того, и в российской статистике отсутствует термин «населенный пункт». Вместо него используется термин «муниципальное образование» с минимальным набором данных. А именно дается лишь численность населения городов и муниципальных образований городского типа. Этого явно недостаточно для анализа состояния и развития ОНП с их прилегающими территориями [18, с. 60–63].

Законодательно не определено понятие «городская агломерация», на которое идут множественные ссылки и в Стратегии пространственного развития РФ 2030, и в Едином перечне опорных населенных пунктов РФ. Отсутствуют сколь-либо четкие критерии границ «городской агломерации». На практике это отсутствие вызывало и продолжает вызывать опасную путаницу в градостроительстве, в управлении территориями.

Наконец, в принятой Стратегии пространственного развития 2030 отсутствует необходимое, с учетом различия территорий и расстояний в них, разнообразие в предоставлении услуг населению как в самих ОНП, так и прилегающих территорий. В целом ОНП пока выстраиваются даже без попыток использования методики транспортных задач для выявления возможностей рационального размещения населения и производства. Заданные параметры расстояний (административно назначенный размер прилегающих к ОНП – агломерациям территории в 1,5-часовой транспортной доступности до ядра городской агломерации) определены в Стратегии чисто административно, универсально для всех территорий¹³. Российское значительное разнообразие плотности населения по территории страны – проигнорировано. Как следствие, административно назначенный размер прилегающих к ним территорий в 1,5-часовой транспортной удаленности от ОНП оказался неподходящим для малонаселенных российских регионов. А таких регионов немало в нашей стране. Значительная часть населения таких регионов находится вне как ОНП, так и прилегающих к ним территорий. Возникла острыя проблема, требующая оперативного решения.

Таким образом, предстоит еще много сделать для превращения ОНП в действенный инструмент государственной политики пространственного развития.

Заключение

Еще раз отметим, что имеется номинальное противоречие между нормативными формулировками в определении единства экономического пространства и изначально сложившимися и сохраняющимися реалиями хозяйственной жизни. Нормативные определения, включая конституционное, так или иначе сводят единство экономического пространства к недопущению барьеров на пути движения внутри страны товаров, услуг, финансовых средств, отсутствию препятствий для свободной экономической деятельности, к поддержке конкуренции. Но в реальности всегда имелись и имеются многочисленные барьеры, препятствия для их движения. В том числе те, которые порождаются ПЭЗ в отношении к непреференциальным, обычным территориям с их хозяйствами.

Вводя на определенной территории особые, льготные условия деятельности для хозяйствующих субъектов, государство, муници-

¹³ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201411300008>

палиеты ухудшают тем самым условия хозяйствования на непреференциальных территориях, препятствуют движению товаров и услуг, финансовых средств и т. д. В этом смысле как бы нарушается единство экономического пространства.

Но преференциальные экономические зоны создаются как раз для укрепления единства экономического пространства страны, снижения уровня межрегиональной дифференциации, в первую очередь по социальным и инвестиционным параметрам. Гармоничная, скоординированная связь между территориями через ПЭЗ призвана обеспечить ускоренное социально-экономическое развитие страны, повышение конкурентоспособности всей национальной экономики.

Через ПЭЗ создаются льготные режимы хозяйствования для определенных территорий – точек роста, для поддержки, спасения экономически слабых, депрессивных территорий. Преференциальные зоны хороши для единого экономического пространства тогда (при всем разнообразии целей и задач их создания, наиболее заметной из которых является привлечение инвестиций), когда вместе с льготными территориями они тянут за собой прочие, обычные по условиям хозяйствования непреференциальные территории.

Территориальная обособленность в виде ПЭЗ, при рациональном отношении общества и государства к ней, в большинстве случаев вписывается в единство национального экономического пространства, как России, так и других стран. Такая территориальная обособленность призвана обеспечивать слаженность элементов пространств, составных частей его внутренних механизмов. До тех пор, пока территориальная обособленность от применения ПЭЗ не мешает единству экономического пространства внутри страны и тем более содействует снижению межрегиональной дифференциации, росту конкурентоспособности национальной экономики, просто социально-экономическому развитию, – она полезна для экономики страны. Вредной она становится тогда, когда создание ПЭЗ оказывается ненужной самоцелью, противостоящей вышесказанному. ПЭЗ не должны по своим задачам превращать экономическое пространство страны в некое «лоскутное одеяло».

Такие ПЭЗ, как опорные населенные пункты, в немалой степени снимают проблему поляризованного территориального развития с ориентацией на крупные агломерации вроде Москвы и Санкт-Петербурга. Чисто рыночные механизмы в пространственном развитии нередко приводят к деградации, депопуляции стратегически важных для страны территорий, к развалу и ликвидации очень многих малых и даже средних городов.

Введение ОНП базируется на предположении, что опорные населенные пункты помогут добиться формирования наиболее сбалан-

сированной модели пространственного развития нашей страны, лучшего размещения населения по территории, нежели чисто рыночная модель.

Необходимо учитывать весь накопленный опыт гибкого использования преференций для реального превращения ПЭЗ в работающий механизм реализации новой Стратегии пространственного развития России 2030 со всеми ее целями и задачами.

Начинать следует с введения налоговых льгот для хозяйствующих субъектов ОНП – точек роста. Практика же покажет, какие меры приносят оптимальный положительный результат использования Опорных населенных пунктов в качестве основного инструмента государственной и муниципальной политики пространственного развития нашей страны.

При этом не следует отказываться от базирования государственной пространственной политики на крупных агломерациях. За их развитием необходимо кардинально усилить государственный контроль. Но все случаи использования рыночных возможностей позитивного саморазвития агломераций, развития, не требующего государственного субсидирования во всех его видах, должны быть реализованы в полной мере.

Необходимо полноценно применять методики транспортных задач в решении вопросов размещения населения и производства при создании новых опорных населенных пунктов, новых преференциальных зон по всей территории нашей страны, включая ее малонаселенные регионы.

Наконец, единое экономическое пространство – это не территориальноное однообразие ради однообразия. Отметим, что понятие ЕЭП в экономической литературе все более заменяется понятием «связанность территорий». По содержанию – это очень близкие понятия. Понятие «связанность территорий» позволяет экономистам уходить от вышеназванного противоречия между конституционной формулировкой единства экономического пространства и его реалиями. Понятие ЕЭП остается, преимущественно, за правоведами с их нормативным подходом к происходящему.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Полякова А.Г., Симарова И.С. Региональное экономическое пространство и территориальное развитие: оценка действия сил связанных // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2014. № 2. С. 48–60. [Polyakova A.G., Simarova I.S. Regional economic space and territorial development: assessment of the action of security forces // Bulletin of UrFU. Economics and Management series. 2014. No. 2. Pp. 48–60. (In Russ.).]

2. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы, Государственное издательство, Москва-Ленинград, 1930. [Gottner A. Geography. Its history, essence and methods, State Publishing House, Moscow-Leningrad. 1930. (In Russ.).]
3. Риттер К. Землеведение Азии: география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, то есть Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири / [соч.] Карла Риттера; Пер. по поручению Русского географического о-ва с доп., служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародов. с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Русского геогр. о-ва. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1856–1874. [Ritter K. Land Geoscience of Asia: geography of countries in direct relations with Russia, that is, the Chinese Empire, Independent Tartary, Persia and Siberia / [op.] by Karl Ritter; Translated on behalf of the Russian Geographical Society with additions, serving as a continuation of Ritter's work for materials published since 1832 and complied by P. Semenov, Full Member of the Russian Geographical Society. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1856–1874. (In Russ.).]
4. Котов А. Экономический ландшафт полосы Северных железных дорог от станции Москва до станции Пушкино. М.: б.и., 1923. [Kotov A. The economic landscape of the Northern Railway line from Moscow station to Pushkino station. Moscow: [s.n.], 1923. (In Russ.).]
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов / А.Г. Гранберг. М.: ГУ ВШЭ, 2000. [Granberg, A.G. Fundamentals of regional economics: Textbook for universities / A.G. Granberg. Moscow: Higher School of Economics, 2000. (In Russ.).]
6. Митрофанов А.В. Единство экономического пространства: подходы к трактовке и содержание понятия // Вестник Пензенского государственного университета. 2013. № 2. С. 46–52. [Mitrofanov A.V. The unity of the economic space: approaches to the interpretation and content of the concept // Bulletin of Penza State University. 2013. No. 2. Pp. 46–52. (In Russ.).]
7. Fujita M., Krugman P. The New Economic Geography: Past, Present and the Future // Papers in Regional Science. Wiley-Blackwell. 2004. Vol. 83. Pp. 139–164.
8. Сухинин С. А. Концептуальные подходы к рассмотрению, идентификация и структурирование экономического пространства региона // АНИ: экономика и управление. 2018. № 2 (23). С. 316–320. [Sukhinin S. A. Conceptual approaches to the consideration, identification and structuring of the economic space of the region // ANI: economics and management. 2018. No. 2 (23). Pp. 316–320. (In Russ.).]
9. Урунов А.А. Отличительные черты и особенности единого и общего экономического пространства // Вестник ГУУ. 2013. № 14. С. 163–167. [Urulov A.A. Distinctive features and peculiarities of the single and common economic space // Vestnik Universiteta GUU. 2013. No. 14. Pp. 163–167. (In Russ.).]
10. Кузовкин Д.В. Юридическое содержание конституционной категории «Единство экономического пространства» // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 17. С. 17–19. [Kuzovkin D. V. The legal content of the constitutional category “Unity of the economic space” // Siberian Law Review. 2011. No. 17. Pp. 17–19. (In Russ.).]
11. Анимица Е.Г., Сурнина Н.М. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы // Экономика региона. 2006. № 3. С. 34–46. [Animitsa E.G., Surnina N.M. Economic space of Russia: problems and prospects // Economy of Regions. 2006. No. 3. Pp. 34–46. (In Russ.).]

12. Урунов А.А. О теории и практике формирования и развития общего и единого экономического пространства России со странами СНГ // Вестник ГУУ. 2015. № 8. С. 165–171. [Urunov A.A. On the theory and practice of formation and development of the common and single economic space of Russia and the CIS countries // Vestnik Universiteta GUU. 2015. No. 8. Pp. 165–171. (In Russ.).]
13. Кузовкин Д.В. Единство экономического пространства как основа конституционного строя Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 1. С. 10–13. [Kuzovkin D.V. The unity of the economic space as the basis of the constitutional system of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 1. Pp. 10–13. (In Russ.).]
14. Исобчук М.В. Фрагментация регионализма как фактор его динамики // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 3. С. 36–45. [Isobchuk M.V. Fragmentation of regionalism as a factor of its dynamics // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. 2020. No. 3. Pp. 36–45. (In Russ.)] DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-35-45. EDN: JTFLT.
15. Виленский А. Особые экономические зоны как часть преференциальных режимов-территорий России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 9А. С. 360–367. [Vilenskiy A. Special economic zones as part of preferential regimes-territories of Russia // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2023. Vol. 13. No. 9A. Pp. 360–367. (In Russ.).] DOI: 10.34670/AR.2023.97.91.021. EDN: FESOFR.
16. Виленский А.В. Особенности новых свободных экономических зон России // Федерализм. 2023. № 3 (111). С. 137–151. [Vilenskiy A.V. Features of new free economic zones in Russia // Federalism. 2023. No. 3 (111). Pp. 137–151. (In Russ.).] DOI: 10.21686/2073-1051-2023-3-137-151. EDN: WZDKXN.
17. Виленский А. Наукограды как преференциальные территории России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 1А. С. 226–235. [Vilenskiy A. Science cities as preferential territories of Russia // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2024. Vol. 14. No. 1A. Pp. 226–235. (In Russ.).] DOI: 10.34670/AR.2024.53.10.054. EDN: LHLWJS.
18. Россия 2035: пространство развития. Научный доклад Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, М. 2025. [Russia 2035: a development space. Scientific report of the Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2025. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: 20.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виленский Александр Викторович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором экономики регионов и местного самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Vilenskiy – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Sector, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

UNITY OF THE NATIONAL ECONOMIC SPACE AND PREFERENTIAL ECONOMIC ZONES

The conducted research has shown that preferential economic zones with their special economic conditions in different territories of the country are not the opposite, but an integral part of the unity of the national economic space. Unity does not mean universal uniformity, sameness. The state purposefully creates preferential territorial zones with their own specific rules of management regulations, special organization of state and municipal management governance of the territory, special management governance techniques that nominally violate the unity of economic conditions in the country. However, preferential economic zones themselves, preferential regional and municipal taxation are being created and introduced to generally improve business conditions, to increase national competitiveness, to reduce inter-regional socio-economic differentiation and, consequently, to strengthen the unity of the national economic space. Preferential zones are designed to strengthen this unity.

Keywords: *common economic space, preferential economic zones, anchor settlements, barriers to the movement of goods, services and financial resources, territorial isolation, fragmentation of economic space.*

JEL: R1, R50.

И.Н. ДОМНИНА

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений
и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

В статье представлен анализ нового этапа стратегического планирования и управления экономическим пространством в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Показано, что трансформация пространственной модели экономики затрагивает и так называемые геостратегические территории, заметно меняя их количественный состав и качественное наполнение. Особое внимание уделено концептуальным вопросам их формирования и управления. Определены основные тренды эволюции места и роли этих территорий в стратегических планах развития экономического пространства Российской Федерации. Обоснованы направления повышения эффективности политики управления геостратегическими территориями с учетом новых вызовов и возможностей экономического пространства в реализации национальных целей развития страны.

Ключевые слова: геостратегические территории, макротерритории, пространственное развитие, стратегическое планирование, экономическое пространство.

УДК: 332.142

EDN: CHIARA

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_65_80

Введение

В конце 2024 г. на смену Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. пришла новая стратегия, нацеленная на поиск ответов на актуальные вызовы пространственного развития страны, реализацию целевых показателей экономического пространства в предстоящие годы и на перспективу. Она вносит заметные изменения в организацию экономического пространства,

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания ФГБУН Институт экономики РАН «Социально-экономическое пространство России: особенности развития и проблемы управления».

касающиеся концептуальных подходов к оценке роли экономического пространства как такового и к построению пространственного каркаса экономики.

Нельзя не отметить, что трансформация пространственной модели российской экономики, отраженная в появлении нового нормативного документа Правительства РФ, нацелена на задачу вовлечения пространства в достижение национальных целей развития². В качестве главной новации выступает создание сети опорных населенных пунктов по всей территории страны³, что свидетельствует о смещении приоритетов государственной политики в сторону регионального и муниципального уровней государственного управления. Кроме того, значимым трендом пространственной трансформации экономики становится рост геостратегического значения регионов как реакция на новые вызовы и риски. В современных условиях особую нагрузку берут на себя геостратегические территории, играющие важную роль в обеспечении интересов национальной безопасности и требующие специальных подходов к управлению.

Выбор акцентных объектов экономического пространства и точек приложения государственного регулирования в рамках модели пространственного развития России до 2030–2036 гг. актуализирует *новые аспекты изучения геостратегических территорий*. Направления их развития вместе с развитием федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны и новых субъектов Российской Федерации определены в Стратегии 2030 в качестве пространственных приоритетов страны наряду с задачей формирования системы опорных пунктов⁴.

Анализ нормативной базы и научных публикаций по вопросам присутствия геостратегических территорий в системе регулирования экономического пространства показывает, что до настоящего времени *многие теоретические вопросы и практические аспекты остаются дискуссионными*. Достаточно традиционно геостратегические территории рассматриваются в свете особой их уязвимости перед различными экономическими вызовами, в том числе перед угрозами для научно-

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <http://government.ru/docs/all/157308>

³ Утвержден перечень опорных населенных пунктов, в который вошли агломерации, административные центры, малые города и поселения (всего 2160). https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <http://government.ru/docs/all/157308>

технологического развития [8]. Специалисты консолидируются во мнении о том, что превалируют формальные признаки их формирования, что приводит к слишком большому числу этих территорий [6]. Отмечается высокой уровень межтерриториальной неоднородности геостратегических субъектов Российской Федерации и, как следствие, дифференциация адаптационных возможностей геостратегических территорий в зависимости от их локализации [11]. Трудно не согласиться с утверждением, что в силу периферийного географического расположения большинства геостратегических территорий и их удаленности от крупных экономических центров многие ограничения приобретают особую остроту для их социально-экономического развития, в том числе в демографической сфере [9], требуя от федерального центра больших усилий и специальных решений для обеспечения единства экономического пространства.

Нечеткость критериев выделения геостратегических территорий в документах пространственного стратегирования приводит к тому, что, с одной стороны, в их число включены только приграничные регионы, с другой стороны, не все регионы, имеющие приграничное положение, отнесены к категории геостратегических [10]. Многими экспертами и исследователями отмечается узость и необоснованность целевых показателей развития регионов, имеющих геостратегическое значение [7]. В предшествующих работах автора было показано, что географическая близость, особенность условий социально-экономического развития и производственная специализация субъектов Российской Федерации, имеющих соседское расположение, не являются достаточным основанием для обеспечения связности их экономик как отдельно оформленной части экономического пространства [3]. Главной же проблемой геостратегических территорий остается отсутствие реального экономического содержания, на что указывают Е. Бухвальд и О. Иванов [4]. Солидаризируясь с этой точкой зрения, ранее нами было сформулировано предложение по наполнению категории «геостратегической территории» экономическим императивом [2].

В рамках запланированной пространственной модернизации российской экономики представляется важным обосновать место геостратегических территорий в обеспечении устойчивости социально-экономического пространства на фоне происходящих изменений параметров его взаимодействия с внешним окружением. Смена географии международных связей страны и формирование новых транспортных коридоров на российской территории выдвигает в число приоритетных задачу формирования нового экономического пространства в границах геостратегических территорий как «территории экономического проникновения» и «коридора развития» для входящих в его состав субъектов Российской Федерации.

Для повышения эффективности управления геостратегическими территориями следует обратить внимание на их конфигурацию в новой модели пространственного развития, отказавшейся от деления этих территорий на приграничные и приоритетные. В настоящее время сетка геостратегических регионов выстроена следующим образом: геостратегические территории в границах нескольких субъектов Российской Федерации; геостратегические территории в границах отдельных субъектов Российской Федерации; и, наконец, муниципальные образования, получившие статус геостратегических⁵. Разношерстный характер субъектов федерации, включенных в перечень геостратегических, затрудняет выработку единой государственной региональной политики.

Особое внимание следует уделить первой группе территорий (геостратегические территории в границах нескольких субъектов Российской Федерации), занимающей большую часть геостратегического экономического пространства, и тем сложностям, которые связаны с правовыми и институциональными основами мезоуровня стратегического планирования [1]. Геостратегические образования в границах федеральных округов, в отличие от субфедеральных и муниципальных геостратегических образований, нуждаются в формировании специального вектора управления, обеспечивающего экономическую связанность регионов-участников. Этим целям могло бы послужить наделение федеральных округов полномочиями участников стратегического планирования, какими они в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в настоящее время не наделены.

Концептуального решения требует ситуация, при которой геостратегические субъекты Российской Федерации, полностью покрывающие территорию Дальневосточного федерального округа, Северо-Кавказского федерального округа, а также Арктическую зону, представляют собой не целостный объект пространственного стратегирования или устойчивое межрегиональное объединение, а лишь совокупность регионов, функционально объединенных своим географическим положением, специфическими условиями хозяйствования и задачами обеспечения национальной безопасности страны.

Можно констатировать, что появившийся новый контекст в отношении геостратегических территорий, в Стратегии 2030 делает особо актуальной оценку их места и вклада в реализацию стратегических планов пространственного развития. С этой целью потребуется уточнение концептуальных вопросов присутствия геостратегических тер-

⁵ Перечень геостратегических территорий представлен в Приложение № 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. <http://government.ru/docs/all/157308>

риторий в системе стратегирования и определение их перспектив в новой конфигурации экономического пространства, а также инструментальных вопросов управления ими. Сравнительный анализ Стратегии пространственного развития на период до 2025 г. и новой пространственной Стратегии 2030 позволяет выявить общие проблемы геостратегических территорий, которые остаются «законсервированными», рассмотреть их эволюцию в стратегических планах пространственного развития, уточнить функциональные возможности и определить движущие силы развития в рамках намеченной трансформации пространственной структуры российской экономики.

Геостратегические территории в стратегических планах развития экономического пространства России до 2030 г.

Для повышения эффективности вовлечения российского экономического пространства в достижение национальных целей в новой Стратегии 2030 запланирована заметная трансформация геостратегических территорий, что свидетельствует о смене трендов пространственного развития. Для оценки динамики происходящих изменений содержательного и субъектного наполнения геостратегических территорий целесообразно определить ту совокупность проблем, которая накопилась ко времени появления Стратегии 2030.

1) В ходе реализации Стратегии 2025 г. более 54% от общего количества субъектов РФ были отнесены к категории геостратегических⁶, то есть рассматривались как особая часть экономического пространства, нуждающаяся в специальных методах и подходах к пространственному регулированию. Однако предложенная в ней типизация геостратегических территорий, основанная на оценке угроз целостности страны, не была дополнена экономической моделью управления этими территориями, из-за чего возникали проблемы с ее работоспособностью.

2) На выбор приоритетов развития геостратегических территорий накладывали отпечаток два обстоятельства: во-первых, многие субфедеральные экономики, отнесенные к разряду геостратегических, заметно отставали от среднероссийских показателей, а, во-вторых, в составе геостратегических оказались регионы, принципиально различающиеся между собой по уровню социально-экономического развития, что делало затруднительным квалификацию соответствующей части пространства в качестве целостного объекта региональной политики.

⁶ Перечень геостратегических территорий. Приложение 4 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. <http://static.government.ru/media/files/UVALqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

тики с едиными задачами [3]. Так, если в целом по стране межрегиональная дифференциация по валовому региональному продукту на душу населения за период с 2017–2022 гг. выросла с 3,7 раза до 4,2 раза⁷, то разрыв по этому показателю между субъектами РФ Дальневосточного федерального округа, входящими в соответствующую геостратегическую территорию, по данным за 2023 г., был существенно больше среднероссийского и составлял более 7,5 раз, с наибольшим значением в Чукотском автономном округе (3895,053 тыс. руб.) и наименьшим в республике Бурятия (517,756 тыс. руб.)⁸. Что касается уже нового целевого сценария пространственного развития к 2030 г., то значения этого показателя в субъектах РФ Дальневосточного ФО в сравнении со средним его значением по всем субъектам Российской Федерации должно составлять 112,2%, что выглядит весьма оптимистично⁹.

3) В части определения роли и места геостратегических территорий в организации экономического пространства можно констатировать, что целеполагание геостратегических образований, связывалось, прежде всего, с опережающим социально-экономическим развитием регионов, расположенных на этих территориях, что отвечает интересам национальной безопасности страны. Однако императив «национальной безопасности» сам по себе не создает достаточных оснований, цементирующих связь субфедеральных экономик в рамках геостратегической территории как отдельной части экономического пространства. Поэтому в Стратегии 2025 г. геостратегическая территория выглядела как некая «рамочная» категория, фокусирующая на себе угрозы в сфере национальной безопасности страны, но не наделенная конкретными конструкциями для их снижения [2].

Очевидно, что принцип приоритетности в отношении субъектов Российской Федерации с различным уровнем экономического развития, оказавшихся благодаря приграничному или эксклавному экономико-географическому положению в соответствующей геостратегической территории, требует различных механизмов реализации. Проблема экономической спецификации геостратегической территории как отдельного контура пространственной организации остается открытой.

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

⁸ <https://statbase.ru/data/rus-gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

В целом Стратегия 2025 не позволяла идентифицировать *геостратегические территории* в качестве полноценного объекта пространственного стратегирования, не наделяя эти территории признаками, создающими основу для объединения экономик, входящих в их состав субъектов Российской Федерации. Цели и их место в развитии экономического пространства носили описательный характер.

В связи с этим представляется важным проследить, в какой степени происходящая трансформация архитектуры экономического пространства, призванная смягчить новые угрозы и ограничения для социально-экономического развития, затрагивает геостратегические территориальные образования. Отметим, что само понятие «геостратегических территорий» в модели пространственного развития 2030 г. сохраняется, но происходят принципиальные изменения в отношении их числа и территориальных контуров (см. табл.). Если на предыдущем отрезке времени к числу геостратегических территорий относились более половины субъектов РФ (47), то обновленный список стал короче и выглядит следующим образом:

- Калининградская область, Республика Крым и г. Севастополь, которые ранее обозначались как субъекты Российской Федерации, характеризующиеся эксклавным положением, т. е. как приоритетные геостратегические территории;
- все субъекты Российской Федерации Дальневосточного и Северо-Кавказского федерального округов (соответственно 11 и 7);
- входящие в Арктическую зону территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также муниципальные образования, расположенные на территории тех субъектов РФ, которые частично входят в состав арктических регионов. К числу последних относятся муниципальные образования на территории республики Карелия (6), республики Коми (4), республики Саха (Якутия) (13), Красноярского края (13), Архангельской области (9), Ханты-Мансийского автономного округа (2);
- муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, расположенные вдоль государственной границы с недружественными странами;
- Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области.

На основе проведенного анализа обозначим следующие принципиальные изменения, касающиеся места геостратегических территорий в Стратегии 2030.

Во-первых, сформирован новый перечень субъектов РФ, отнесенных к разряду геостратегических территорий, который заметно сократился. При этом на муниципальном уровне число образований, полу-

Геостратегические территории в стратегических планах пространственного развития Российской Федерации

Стратегия 2025	Стратегия 2030
<p><i>Приложение № 4 (всего 47 субъектов федерации)^{a)}</i></p> <p>I. Приоритетные геостратегические территории РФ (всего 22 субъекта Российской Федерации)</p> <ul style="list-style-type: none"> • Республика Крым; • город федерального значения Севастополь; Калининградская область; • субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе (7); • субъекты РФ, расположенные на Дальнем Востоке (11); • субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону РФ (4 субъекта РФ и 16 муниципальных образований на территориях еще 4-х субъектов РФ)^{b)} <p>II. Приграничные геостратегические территории РФ (всего 22)</p> <ul style="list-style-type: none"> • субъект РФ, граничащий со странами, входящими в Европейский союз, – Ленинградская область; • субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз (12); • субъекты РФ, граничащие с другими странами (7); • субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз, а также с другими странами или странами, входящими в Европейский союз (2) 	<p><i>Приложение № 2 (всего 29 субъектов Российской Федерации)^{b)}</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области; • Республика Крым; • г. Севастополь; • Калининградская область; • субъекты РФ, входящие в состав Дальневосточного ФО (11); • субъекты РФ, входящие в состав Северо-Кавказского ФО (7); • субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону РФ (4 субъекта РФ и 47 муниципальных образований на территории еще 6-ти субъектов РФ)^{c)}; • муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, примыкающие к государственной границе с недружественными странами

^{a)} Без учета тех субъектов РФ, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований;

^{b)} Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»;

^{b)} Без учета тех субъектов РФ, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований на их территории;

^{c)} Федеральный закон от 13.07.2020 №193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

Источник: составлено автором.

чивших статус геостратегических, в составе субъектов РФ Арктической зоны выросло, расширив ее географию¹⁰. Во-вторых, геостратегические территории, формирующие контур национальной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами, теперь не дифференцируются и представлены лишь одной группой без деления на «приграничные» и «приоритетные» территории, как это было в предыдущей Стратегии 2025. В-третьих, появляется группа геостратегических территорий, расположенных в новых регионах России¹¹, перед которыми стоят задачи интеграции в общероссийское социально-экономическое пространство и формирование макротерритории Приазовья к 2028 г. В-четвертых, делается акцент на привлечении дополнительных ресурсов для развития геостратегических территорий, в отношении которых происходят количественные и качественные изменения из-за смены состава стратегически важных стран – партнеров России. Геополитические риски актуализируют поддержку субъектов РФ, граничащих с недружественными странами, прежде всего с целью обеспечения достойного уровня жизни и сохранения проживающего здесь населения¹².

В-пятых, в рамках новых направлений международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с Индией, Турцией, ОАЭ, Ираном¹³, на геостратегических территориях формируется новое экономическое пространство, расширяющее внутренний рынок и точки приложения капитала для отечественных производителей. Речь идет в том числе о новых формах хозяйствования, pilotных проектах, выборе отраслевых моделей, специальных режимах ведения хозяйственной деятельности. Особо следует отметить новые возможности, которые появляются у приграничных субъектов РФ в связи с ростом товарооборота с КНР, который с 2019–2024 гг. увеличился в 2,2 раза¹⁴. Возникают новые возможности для формирования экономического пространства международного и межрегионального характера.

¹⁰ Перечень таких муниципальных образований увеличился практически втрое – с 16 до 47, а в число территорий, на которых они расположены, помимо Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области, теперь вошли еще и Республика Карелия и Ханты-Мансийский автономный округ.

¹¹ Вновь присоединенные территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

¹² Из 16 государств, имеющих общую сухопутную границу с Россией, семь отнесены к группе недружественных.

¹³ Товарооборот с этими четырьмя государствами за 2019–2024 гг. вырос с 41 млрд долл. до 136,5 млрд долл., то есть в 3,3 раза, особенно с Индией и ОАЭ // Кузнецова А.В. «Новое «открытие» Россией Юго-Западной и Южной Азии». Юбилейная научная конференция «Трансформация российской экономики в новых условиях», 23–25 июня 2025 г. Институт экономики РАН.

¹⁴ Там же.

нального сотрудничества на территории Приморского, Хабаровского, Забайкальского краев, Амурской и Еврейской автономной областей, входящих в состав геостратегических территорий.

В-шестых, вызовы пространственного развития одновременно создают объективную основу для расширения задач и повышения значимости геостратегических территорий в достижении национальных приоритетов, в том числе в установлении технологического суверенитета. Так, например, проектные решения, принятые в процессе выстраивания стратегического партнерства России с передовыми в технологическом отношении дружественными странами, в первую очередь с Китаем, включая развитие взаимосвязанной логистической системы, совершенствование пропускной инфраструктуры, расширение производственной кооперации¹⁵, являются достаточным основанием для оформления приграничной территории как отдельного объекта государственной региональной политики со своими специфическим задачами.

Учитывая повышение роли и места геостратегических территорий в модели пространственного развития российской экономики, особо значимым становится вопрос эффективного управления ими. Именно в современных условиях, на наш взгляд, возникают основания для перехода на проектный принцип управления макротерриториями, который позволяет выделять части экономического пространства, объединенные некой единой функцией, сформировав территориальное образование для ее реализации. В этом случае субъекты РФ, расположенные на геостратегических территориях, получают общую экономическую задачу, по крайней мере во временных рамках реализации проекта, имея ввиду достижение национальных приоритетов развития. В качестве примера можно рассматривать планы развития инфраструктуры трансграничных перевозок в субъектах РФ, имеющих геостратегическое значение, в том числе таких транспортных коридоров, как «Север – Юг», «Восточное направление», «Азово-Черноморское направление»; реализацию совместных инвестиционных проектов российских приграничных регионов с КНР¹⁶, Индией, Монголией и другими странами Азии,

¹⁵ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. 21 марта 2023 года. <http://www.kremlin.ru/supplement/5919>

¹⁶ На территории 28 субъектов Российской Федерации реализуются 50 совместных российско-китайских региональных инвестиционных проектов в 18 различных отраслях экономики, с заявленным объемом инвестиций более 3,8 млрд долл. США // Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

Африки и Ближнего Востока; развитие межгосударственного взаимодействия, производственной кооперации и туристического обмена с дружественными странами.

Проектно-программные принципы предполагают синхронизацию в пределах федеральных округов и макрозон приоритетов пространственного, территориального и отраслевого развития на геостратегических территориях как отдельной части экономического пространства. Однако в Стратегии 2030 основные направления пространственного развития представлены раздельно в отраслевом и региональном разрезах¹⁷, и какая-либо общая платформа, объединяющая субъекты РФ геостратегической территории для достижения конкретного приоритета, не фиксируется. На примере Дальневосточного ФО отметим, что развитие транспортной инфраструктуры, в том числе Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, Северного морского пути, представлено отдельно в региональном разделе в качестве основного пространственного приоритета и в отраслевом разделе в качестве приоритета развития в сфере транспорта и, безусловно, нуждается в согласовании.

Представляется, что доведение приоритета пространственного стратегирования до дробления его по конкретным задачам и регионам-исполнителям в рамках геостратегической территории позволяет сформировать ее общий контур не как закрепленной единицы пространства с раз и навсегда фиксированными границами, что влекло бы за собой обязательное наделение соответствующими управлением структурами и бюджетными ресурсами. Речь идет о подвижном территориальном образовании, в смысле площади и состава регионов, участвующем в реализации национальных целей, имеющем общие функциональные задачи и наделенных специальными механизмами их реализации.

Мобильность проектного управления позволяет выстраивать схемы управления геостратегическими макротерриториями под конкретные задачи и, в частности, состоит в том, что может осуществляться проектным офисом, не требуя формирования специальных органов, встроенных в вертикаль власти. Примером является создание такого офиса по управлению инфраструктурными и логистическим проектами на геостратегических территориях Арктики под управлением ВЭБ¹⁸.

¹⁷ См. Раздел VIII «Приоритеты пространственного развития Российской Федерации» и раздел IX «Приоритетные направления развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав федеральных округов Российской Федерации и Арктической зоны Российской Федерации, и новых субъектов Российской Федерации» // Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

¹⁸ ВЭБ.РФ укрепляет позиции Арктики в глобальной логистике // ВЭБ.РФ. 20.06.2025. <https://veb.ru/press-tsentr/61543/>

Заключение

Основываясь на анализе стратегических планов развития экономического пространства до 2036 г., можно заключить, что происходящая трансформация пространственной политики в отношении геостратегических территорий характеризуется следующими моментами:

- в новой модели развития экономического пространства главными методологическими проблемами в отношении геостратегических территорий, требующими своего решения, остаются: уточнение критерииев их формирования, а также закрепление для геостратегических макротерриторий общего «экономического императива» как связующей основы для интеграции входящих в их состав субъектов РФ и муниципальных образований;
- в правовом поле сохраняется ограниченность статуса геостратегических территорий как отдельной структурной единицы экономического пространства, что находит подтверждение в действующих стратегиях социально-экономического развития федеральных округов, в границах которых они расположены. Стратегии не позволяют идентифицировать геостратегическую территорию как целостный объект региональной политики, поскольку лишены контента, интегрирующего задачи и показатели развития входящих в нее субъектов РФ в одно целое. Несмотря на то что проблема усиления связности экономического пространства геостратегических территорий широко обсуждалась еще в 2020–2025 гг. в процессе принятия предыдущей Стратегии пространственного развития страны и стратегий социально-экономического развития Сибири, Дальнего Востока и Арктики [5], интеграционного характера стратегических инициатив в границах крупных территорий добиться не удалось. Включение в эти стратегии разделов, касающихся международного и межрегионального сотрудничества регионов – участников геостратегической территории, выглядит формальным и автоматически задачу не решает;
- по-прежнему нельзя утверждать, что в стратегических планах пространственного развития на 2030–2036 гг. геостратегическая территория как устойчивое пространственное образование становится полноценным субъектом стратегического планирования, поскольку реализация национальных проектов и государственных программ имеет привязку к соответствующим органам государственной власти на уровне федеральных округов и субъектов РФ. Такая субъектность появляется только тогда, когда геостратегическая территория укладывается в границы соответствующего административно-территориального образования.

Совершенствование политики пространственного стратегирования и регулирования в отношении геостратегических территорий предлагается осуществлять в следующих направлениях:

- уточнить критерии отнесения территорий к разряду геостратегических, для чего дополнить целевые установки обеспечения «территориальной целостности» и «национальной безопасности» экономическим содержанием, имея ввиду экономическую «связанность» субъектов Российской Федерации в границах макротерритории и нацеленность на достижение национальных приоритетов как необходимый основополагающий принцип ее формирования.
- проработать концептуальные основы формирования геостратегических территорий на основе проектно-программного подхода, позволяющего перейти к «подвижной» сетке крупных форм пространственной организации, выстроенной под задачи достижения конкретных национальных целей развития. С этой целью наделить геостратегические макротерритории «якорным» приоритетом, для достижения которого они становятся единым полем реализации проектных решений для всех регионов-участников через организацию межрегионального сотрудничества и взаимодействия;
- акцентировать внимание на необходимости наполнения категории «геостратегических территорий» новым экономическим содержанием, имея ввиду формирование пространства для развития локальных производств, обеспечение их связанности по цепочке создания добавленной стоимости, рост привлекательности сбыта продукции на внутреннем рынке, создание «экономики предложения» и гарантii устойчивого развития;
- обосновать расширение задач и повышение значимости геостратегических территорий в достижении национальных целей развития путем превращения этой части экономического пространства в трансграничный коридор сотрудничества с целью повышения отдачи от региональной и международной кооперации и освоения новых форм хозяйствования;
- в новой конфигурации экономического пространства важно не просто обозначить роль геостратегических регионов как пространства для реализации трансграничного и межрегиональных взаимодействия – такое понимание уже нашло формальное отражение в Стратегии 2025 г., а обратить внимание на отсутствие методической базы для оценки эффективности таких проектов. В связи с этим предлагается в перечень нормативно закрепленных показателей контроля за деятельностью руководителей региональных администраций ввести критерии, под-

талкивающие их к участию в реализации совместных проектов с соседями¹⁹.

Дальнейшим практическим шагом в этом направлении могло бы стать введение рейтингования самих макротерриторий (например, федеральных округов) на основе динамики реализации межрегионального инвестиционного сотрудничества. Задача особенно актуальна с учетом низкой интегрированности экономик субъектов Российской Федерации, расположенных на геостратегических территориях, например на Дальнем Востоке.

В целом можно констатировать, что геостратегические территории, претерпевшие в новой модели пространственного развития количественные и качественные изменения, получили основу для повышения потенциала их использования в реализации национальных целей развития. В качестве новации следует рассматривать, по сути, предлагаемый, но формально не заявленный проектный подход управления ими как объектами пространственного стратегирования. С учетом геополитической трансформации, барьеров развития и открывающихся возможностей роль геостратегических территорий в реализации потенциала экономического пространства предопределена на длительную перспективу. И решение обозначенных выше проблем позволит продвинуться в направлении совершенствования организации управляющей системы экономического пространства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бухвальд Е.М. Стратегическое пространственное планирование: макрорегионы и субъекты Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 31–44. [Buchwald E. M. Strategic spatial planning: macro-regions and subjects of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2020. No. 3. Pp. 31–44. (In Russ.).] EDN: ODIHCE. DOI: 10.12737/jrl.2020.0028.
2. Домнина И.Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 126–141. [Domnina I.N. «Geostrategic territory» as a form of spatial regulation of the economy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 6. Pp. 126–141. (In Russ.).] EDN: VELKJM. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10074.
3. Домнина И.Н. Макрорегиональное регулирование экономического пространства: функциональные задачи и проблемы реализации // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 3 (68). С. 91–97. [Domnina I.N. Macro-regional regulation of the economic

¹⁹ См. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402>

- space: functional tasks and problems of implementation // Business. Education. Right. 2024. No. 3 (68). Pp. 91–97. (In Russ.).] DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1065.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 7–23. [Ivanov O.B., Buchwald E.M. “Geostrategic territories” and “growth points” in strategizing the spatial development of the Russian Federation // STAGE: economic theory, analysis, practice. 2019. No. 4. Pp. 7–23. (In Russ.).] EDN: MVVQYQ. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10098.
 5. Крюков А.В., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22–40. [Kryukov A.V., Seliverstov V.E. Strategic planning of spatial development of Russia and its macroregions: in captivity of old illusions // Russian Economic Journal. 2022. No. 5. Pp. 22–40. (In Russ.).] EDN: STMBMA. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.
 6. Кувалин Д.Б. Выбор приоритетов пространственного развития и геостратегические регионы России. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования. 18.06.2024. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/04/prioritetnye-prostranstvennogo-razvitiya-i-geostrategicheskie-regiony-rossii.pdf> (дата обращения: 31.07.2025). [Kuvalin D.B. Selection of priorities of spatial development and geostrategic regions of Russia. Moscow: Institute of Economic Forecasting. 18.06.2024. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/04/prioritetnye-prostranstvennogo-razvitiya-i-geostrategicheskie-regiony-rossii.pdf> (accessed: 31.07.2025).]
 7. Михеева Н.Н. Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России // ECO. 2025. Т. 55. № 3. С. 40–55. [Mikheeva N.N. Priority geostrategic regions of Russia's spatial development strategy // ECO. 2025. Vol. 55. No. 3. Pp. 40–55. (In Russ.).] DOI: 10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52.
 8. Сенин А.В. Геостратегические территории Дальнего Востока: новый теоретический подход как ответ на «большие вызовы» для общества, государства и науки // Региональная экономика. Юг России. Т. 12. № 4. С. 47–57. [Senin A.V. Geostrategic Territories of the Far East: a new theoretical approach as a response to “big challenges” for society, Government and science // Regional economy. The South of Russia. Vol. 12. No. 4. Pp. 47–57. (In Russ.).] EDN: PJGVLO. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.4.5.
 9. Орлов С.Л. Современные проблемы социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 28–34. [Orlov S.L. Modern problems of socio-economic development of priority geostrategic territories of Russia // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 1. Pp. 28–34. (In Russ.).] EDN TCQPCM.
 10. Россия 2035: пространство развития: Научный доклад / А.А. Ширев, Б.Н. Порфириев, А.В. Петриков [и др.]. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2025. [Russia 2035: space of development: Scientific report / A.A. Shirov, B. N. Porfirev, A. V. Petrikov [et al.]. M.: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 2025. (In Russ.).] EDN DKVIKY. DOI: 10.47711/sr1-2025.
 11. Хмелева Г.А., Костромин К.О., Скреблов Н.И. Современное состояние и риски развития приграничных геостратегических территорий // Вестник Евразийской

науки. 2023. Т. 15. № 1. [Khmeleva G.A., Kostromin K.O., Skreblov N.I. Current state and risks of development of border geostrategic territories // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 1. (In Russ.)] DOI: 10.15862/64ECVN123.

Дата поступления рукописи: 15.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Домнина Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6377-2265
indfin.61@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Domnina – Cand. Sci (Econ), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6377-2265
indfin.61@mail.ru

GEOSTRATEGIC TERRITORIES IN STRATEGIC PLANS FOR SPATIAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

The article examines a new stage of strategic planning and management of economic space, presented by the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036. It is shown that the transformation of the spatial model of the economy affects, among other things, the so-called geostrategic territories, significantly changing their quantitative composition and qualitative content. Particular attention is paid to geostrategic territories, including conceptual issues of their formation and management. The main trends in the evolution of the place of these territories in strategic plans for the development of economic space are determined. The directions for increasing the effectiveness of the policy for managing geostrategic territories are substantiated, taking into account the new opportunities of the economic space in implementing national development goals.

Keywords: *geostrategic territories, macroterritories, spatial development, strategic planning, economic space.*

JEL: R1, R50.

С.С. ПАТРАКОВА

кандидат экономических наук, научный сотрудник
Лаборатории пространственного развития территориальных систем
и межотраслевых комплексов Центра исследования пространственного
развития социально-экономических систем Вологодского
научного центра РАН

С.А. КОЖЕВНИКОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник,
заведующий Центром исследования пространственного развития
социально-экономических систем Вологодского научного центра РАН

**ОЦЕНКА РАЗВИТОСТИ ГОРОДСКИХ
АГЛОМЕРАЦИЙ «ВТОРОГО ЭШЕЛОНА» В РОССИИ¹**

Статья посвящена проблематике развитости в России городских агломераций «второго эшелона» (с численностью населения менее 500 тыс. чел.), формирующихся вокруг ряда крупных и больших городов. Предложен авторский подход к оценке развитости, который базируется на понимании сущности агломерации как саморазвивающейся социально-экономической системы, внутренне интегрированной и продуцирующей позитивные агломерационные эффекты. Подход апробирован на данных восьми агломераций с ядрами в городах Архангельск, Вологда, Калуга, Норильск, Сургут, Тамбов, Ханты-Мансийск, Южно-Сахалинск за период 2014–2023 гг. В результате выявлено, что только пять из восьми агломераций относятся к таковым: к агломерациям со средним уровнем интегрированности относятся Южно-Сахалинская, Архангельская, с низким – Тамбовская, Сургутская и Вологодская.

Ключевые слова: городская агломерация, развитость, внутренняя интегрированность, агломерационный эффект, ядро, спутниковая зона.

УДК: 332.12, 332.14

EDN: DZJEBC

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_81_104

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10054. <https://rscf.ru/project/23-78-10054/>

Введение

В контексте реализации федеральной пространственной политики фокус внимания ученых и практиков сконцентрирован на развитии городских агломераций как центров экономического роста страны и ее регионов. Однако, несмотря на наличие большого числа научно-практических работ, посвященных вопросам формирования и развития, делимитации, оценки эффектов агломераций, результаты которых частично нашли отражение в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года² и новой Стратегии на период до 2030 года³, в этой теме были и остаются «узкие» места, требующие активного обсуждения. В их числе – городские агломерации так называемого «второго эшелона», с численностью населения менее 500 тыс. чел., уже сформировавшиеся и формирующиеся вокруг ряда крупных и больших городов России.

Так, в разработанном в 2016 г. проекте Концепции Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г.⁴ было указано на наличие в стране 124 сформировавшихся и формирующихся агломераций, численность населения $\frac{2}{3}$ которых составляет менее 500 тыс. чел. В утвержденной спустя три года Стратегии пространственного развития на период до 2025 г. был приведен список лишь 42 крупных и крупнейших агломераций людностью свыше 500 тыс. чел. В ее более поздних редакциях (2022 г.) список был расширен 23 перспективными центрами, в т.ч. образующими агломерации с населением менее 500 тыс. чел.⁵

В Концепции Стратегии пространственного развития на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года⁶ указано на наличие в стране 76 городских агломераций людностью более 250 тыс. чел., ядра которых

² Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 года №207-р.

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 года №4146-р.

⁴ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. Министерство экономического развития Российской Федерации http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Сведений о том, какие именно из 23 центров являются агломерациями, в документе приведено не было, что в определенной степени подтверждает изложенный в работе [1] вывод о том, что объективно необходимая для России полимасштабность федеральной политики пространственного развития была недостаточно четко артикулирована в Стратегии.

⁶ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. <https://www.economy.gov.ru/material/>

относятся к категории опорных населенных пунктов. При этом в Концепции и принятой в конце 2024 г. непосредственно самой Стратегии их перечня приведено не было (он получил отражение в Едином перечне опорных населенных пунктов Российской Федерации⁷).

Следует отметить, что рост числа городских агломераций в федеральных стратегических документах связан в основном с изменением подхода к государственному регулированию пространственного развития, в рамках которого фокус внимания постепенно сместился с приоритетного развития крупнейших (с населением более 1 млн чел.) и крупных агломераций (500–1000 тыс. чел.) на развитие агломераций более низкого уровня иерархии (с населением менее 500 тыс. чел.). При этом критерии делимитации агломераций в данных документах изменились незначительно: под ними понимаются формы расселения, включающие компактно расположенные (в Стратегии 2030 г. – в пределах 1,5-часовой транспортной доступности до ядра) и объединенные экономическими и социальными связями населенные пункты, общая численность населения которых превышает 250 тыс. чел.

Однако в научном сообществе проблематика развития в России агломераций людностью менее 500 тыс. чел. не получила должного внимания: исследовательский фокус направлен на такие крупные и крупнейшие агломерации, как Московская, Екатеринбургская и др. Среди работ, раскрывающих отдельные аспекты агломераций «второго эшелона», можно выделить исследования Института системного анализа ФИЦ ИУ РАН [2], Института экономики и организации промышленного производства СО РАН [3], Финансового университета при Правительстве Российской Федерации [4], Центра экономики инфраструктуры [5].

Устранение указанного научного пробела крайне важно для повышения эффективности государственного регулирования пространственного развития РФ в нескольких аспектах. Во-первых, для идентификации реальных агломераций среди множества пространственно локализованных социально-экономических систем⁸, которым в нормативно-правовых актах присвоен статус «городская агломерация». Во-вторых, как справедливо отмечают специалисты Института эконо-

file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konsepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁷ Утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda (дата обращения: 14.07.2025).

⁸ Агломерации отличаются наличием внутренней интегрированности, генерацией агломерационных эффектов и иными свойствами.

мики города: «одни и те же управлеченческие механизмы при прочих равных условиях будут работать с разной эффективностью в агломерациях, находящихся на разных уровнях развития, и по-разному влиять на внутриагломерационные взаимосвязи» [6]. В-третьих, формирующиеся агломерации «второго эшелона» потенциально могут стать новыми точками экономического роста регионального и межрегионального уровня, поэтому стратегически важными задачами являются своевременная идентификация и оценка уровня их развитости.

Цель исследования заключается в расширении представлений об уровне развитости в России городских агломераций с численностью населения менее 500 тыс. чел., формирующихся вокруг ряда крупных и больших городов.

Достижение цели предполагает последовательное решение следующих задач:

- критический анализ существующих в науке и практике подходов к оценке развитости городских агломераций и выявление их «узких» мест;
- разработка методического подхода к оценке, учитывающего недостатки существующих подходов;
- апробация авторского подхода на материалах городских агломераций «второго эшелона» с ядрами в городах Архангельск, Вологда, Калуга, Норильск, Сургут, Тамбов, Ханты-Мансийск, Южно-Сахалинск⁹.

Существующие методические подходы к оценке развитости городских агломераций

Отечественными и зарубежными исследователями разработано довольно большое число методик и методических подходов к оценке развитости агломераций. По этой причине для понимания их сущности, достоинств и недостатков видится целесообразным проведение типологизации. Одной из наиболее известных в России является типология Фонда «Институт экономики города», в соответствии с которой методики разделяются на два типа (см. табл. 1):

- «универсальные», позволяющие оценить развитость большого числа агломераций по причине использования открытых данных, устоявшихся и относительно простых методов, не требующих особых компетенций в программировании, моделировании и т.п.;

⁹ Согласно Стратегии пространственного развития на период до 2025 г., города являются перспективными центрами экономического роста субъектов РФ, в т.ч. образующими городские агломерации с численностью населения менее 500 тыс. чел.

Таблица 1

Сравнительная характеристика методик оценки уровня развитости городских агломераций

Характеристика	Универсальные методики	Индивидуальные методики
1. Используемые методы	Расчет специальных индексов, интегральных индикаторов, комплексных показателей и т.п.	Социологические обследования, экспертные оценки, анализ больших данных и т.д.
2. Основные достоинства	Универсальность, простота применения (расчетов, поиска информационной базы и др.), возможность сравнений и ранжирования агломераций.	Детальное представление об уровне развитости агломерации в целом и ее отдельных частей (например, ядра) в разных сферах общественной жизни.
3. Основные недостатки	Недостаточный учет специфики агломераций в части структуры экономики, специфики расселения.	Невозможность сравнения большого числа агломераций; сложность применения (необходимы специальные навыки, доступ к массивам больших данных и т.д.).
4. Примеры реализации методик	1) фокус на развитии системы расселения: методика ЦНИИП градостроительства (Листенгурт Ф.), методика Института географии РАН (Полян П.М., Лаппо Г.М.), унифицированная методика (П.М. Полян, Н.И. Наймарк, И.Н. Заславский), методика расчета индекса агломерированности (Agglomeration index; Uchida H., Nelson A.); 2) фокус на развитии агломерации в целом (разных сфер): подход Н.А. Труновой, подход И.В. Волчковой, методика расчета индекса устойчивого развития (Sustainable Development Index; Prakash M. et al.) и др.	Подход Глазычева В., Стародубровской И. и др. (использование экспертных оценок); подход Zhang S., Wei H. (анализ данных о ночном освещении и «точках интереса»); Fang Ch. et al. (анализ данных социальной сети); Roy B., Kasemi N. (анализ данных дистанционного зондирования и ГИС); Shi Q. et al. (анализ данных о грузоперевозках) и др.

Источник: составлено авторами с опорой на [6-17], (Prakash M., Teksoz K. Esprey J. et al. Achieving A Sustainable Urban America. The U.S. Cities Sustainable Development Goals Index 2017. <http://unsdsn.org/wp-content/uploads/2017/08/US-Cities-SDG-Index-2017.pdf> (дата обращения: 10.12.2024)).

- «индивидуальные», позволяющие оценить развитость одной или нескольких конкретных агломераций по причине использования методов исследования, требующих особых навыков, уникальных источников информации, «полевых» исследований [6; 7].

Представленная классификация не является единственно возможной: в ходе совершенствования методов проведения научных исследований, расширения накопленных данных, развития цифровых технологий методики совершенствуются. В результате, например, индивидуальные методики переходят в разряд универсальных. Появляются работы, где оценка развитости базируется на использовании целого комплекса уже существующих методик, индикаторов: исследование Ворошилова Н.В., в котором используются коэффициент развитости и показатель гравитации (экономической мощности) агломерации [18]; работы Tiwari A.K., Антонюк В.С., Лапоц А.С., Вансович Э.Р., где дополняют друг друга коэффициент агломерационного развития, показатель транспортной доступности ядра и иные показатели [19].

Справедливо отметить, что методики развиваются не только в части использования новых данных, методов, но и в содержательной части. Наблюдается переход к рассмотрению агломерации как сложной саморазвивающейся социально-экономической системы. Например, в работе Института экономики города «во главу» ставятся агломерационные процессы, в частности, процессы интеграции (формирования единых систем и рынков, выходящих за муниципальные и административные границы) и сбалансированности как следствия интеграции [6, 7]. На наш взгляд, эти аспекты являются необходимыми, но в то же время недостаточными для выявления уровня развитости, поскольку не учитывают саму сущность агломерации, проявляющуюся в формировании агломерационных эффектов¹⁰ в различных сферах общественной жизни, а не только в концентрации населения и бизнеса на территории.

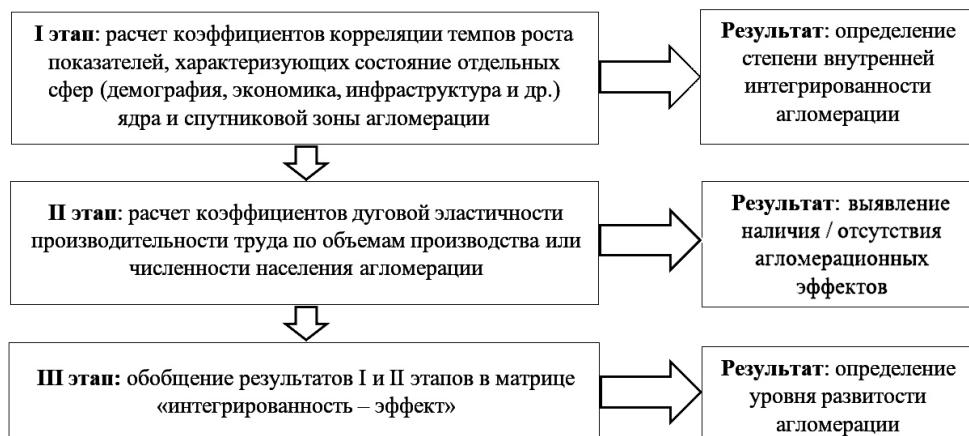
¹⁰ В наиболее общем виде под агломерационными эффектами понимаются позитивные и негативные экстерналии, т.е. внешние эффекты, возникающие в результате локализации производства (МЭР-эффекты, основанные на концентрации на территории предприятий одной специализации) и урбанизации (Джекобс-эффекты, основанные на концентрации предприятий разной специализации). В числе позитивных экстерналий в научном сообществе зачастую выделяется и исследуется опережающий рост производительности труда в сравнении с ростом объемов производства, численностью населения в результате использования предприятиями совместной инфраструктуры, объединения ресурсов, перетоков знаний и др. В числе негативных эффектов – обострение транспортных проблем, увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду вследствие роста численности населения.

В рамках настоящей работы исследовательский фокус сконцентрирован на позитивных эффектах формирования и развития агломераций, как желательных с точки зрения интересов общества в целом.

Таким образом, можно заключить, что существующие подходы не в полной мере соответствуют пониманию городской агломерации как социально-экономической системы, обладающей не только внутренней интегрированностью ядра и спутниковой зоны, но и продуцирующей агломерационные эффекты.

Авторский подход к оценке развитости городской агломерации: этапы, методы, данные

Методический подход исходит из понимания сущности городской агломерации как внутренне интегрированной и продуцирующей позитивные агломерационные эффекты саморазвивающейся социально-экономической системы и реализуется в три этапа (рис. 1).

Источник: составлено авторами

Рис. 1. Авторский методический подход к оценке развитости городских агломераций

На I этапе определяется степень внутренней интегрированности в ключевой для формирования и развития агломерации проекции «ядро – спутниковая зона». Для этого рассчитываются коэффициенты корреляции темпов роста показателей, характеризующих состояние и уровень развития отдельных сфер (например, экономическая, социально-демографическая, инфраструктурная) города-ядра с каждым муниципальным образованием¹¹ спутниковой зоны. Расчет корреляции по темповым, а не абсолютным значениям позволяет с опреде-

¹¹ Ввиду ограниченности официальных статистических данных (Росстата) по муниципальным образованиям поселенческого уровня (городские и сельские поселения), спутниковая зона рассматривалась не в фактических/реальных границах, а в обоснованных ранее административных границах муниципальных образований. См. [20].

ленной долей условности исключить т. н. «ложную» зависимость, обусловленную наличием тренда.

Для определения степени интегрированности во внимание берется направление¹² и сила¹³ корреляции, в зависимости от которых каждой паре «город-ядро – муниципальное образование спутниковой зоны» по каждому выбранному для анализа показателю присваиваются баллы (см. табл. 2). Максимальное значение (2 балла) присваивается в случае прямой и высокой/весьма высокой степени тесноты связи по шкале Чеддока, 1 балл – прямой и заметной, 0 баллов – прямой и умеренной/слабой степени тесноты связи, а также обратной связи любой силы.

Таблица 2

Значение баллов в зависимости от коэффициента корреляции

Значение коэффициента корреляции	[-1; 0,5)	[0,5–0,7)	[0,7; 1]
Балл	0	1	2

Источник: составлено авторами.

Сумма присвоенных агломерации баллов, деленная на сумму максимально возможных для нее (2 балла по каждому показателю для каждой пары), фактически отражает степень достигнутой интегрированности (формула 1).

$$I = \frac{\sum_{j=1}^k point_fact}{\sum_{j=1}^k point_max} \times 100\%, \quad (1)$$

где I – степень внутренней интегрированности городской агломерации, %; $\sum_{j=1}^k point_fact$ – сумма фактических баллов, присвоенных в результате расчетов коэффициентов корреляции темпов роста показателей согласно табл. 2 каждой j -ой паре «город-ядро – муниципальное образование спутниковой зоны», балл; $\sum_{j=1}^k point_max$ – сумма максимально возможных баллов (2 балла) каждой j -ой пары «город-ядро –

¹² По направлению корреляционная связь может быть прямой (положительной) и обратной (отрицательной). При прямолинейной корреляции более высоким значениям одного показателя соответствуют более высокие значения другого, более низким значениям одного показателя – низкие значения другого. При обратной корреляции – наоборот.

¹³ В соответствии со шкалой Чеддока значение коэффициента корреляции по модулю соответствует степени тесноты связи между двумя показателями: 0,1–0,3 – слабая связь, 0,3–0,5 – умеренная, 0,5–0,7 – заметная, 0,7–0,9 – высокая, 0,9–0,99 – весьма высокая.

муниципальное образование спутниковой зоны», балл; k – количество пар «город-ядро – муниципальное образование спутниковой зоны», ед.

Таким образом, степень интегрированности может варьироваться в пределах от 0 до 100%; при этом, чем ближе к 100%, тем более интегрированной является агломерация. Однако для более четкой градации уровней интегрированности целесообразно выделение трех равнозначных интервалов: 0–33% – низкий, 33–66% – умеренный, 66–100% – высокий уровень.

Информационную базу расчетов I этапа составляют данные территориальных органов, а также Базы данных показателей муниципальных образований Росстата. При этом неполнота (в территориальном и временном разрезе) и частичная несопоставимость данных существенно ограничивает набор показателей, пригодных для анализа. С учетом этого в исследовании были использованы показатели за период 2014–2023 гг., совпадение динамики изменения которых в городе-ядре и муниципальных образованиях спутниковой зоны отражает внутреннюю интегрированность агломерации:

- в социальной сфере (показатель «численность постоянного населения на конец года, чел.»);
- экономической сфере («отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.», «оборот розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.»; значения показателей были предварительно переведены из абсолютных в среднедушевые);
- инфраструктурной сфере («общая площадь жилых помещений,веденная в действие за год, приходящаяся в среднем на одного жителя, квадратный метр общей площади»).

На II этапе выявляется наличие/отсутствие агломерационных эффектов, которые выражаются в опережающем росте производительности труда в сравнении с ростом объемов производства или численности населения агломерации (т. н. эффекты масштаба, локализации, урбанизации)¹⁴.

Выявить такой рост позволяет расчет коэффициента дуговой эластичности – показателя, отражающего процентное изменение зависимой переменной (в настоящем исследовании – производительность труда) при изменении на 1% независимой переменной (объем производства или численность населения) в среднем за промежуток времени, т. е. в динамике (формула 2).

¹⁴ См., например, [Агломерации – точки роста в эпоху турбулентности // Фонд «Центр стратегических разработок». <https://www.csr.ru/upload/iblock/074/gcsv6k8sicxgtqiicxgzaexgldhjszv1.pdf> (дата обращения: 10.11.2024)].

$$E = \frac{\Delta P}{\bar{P}} \div \frac{\Delta Q}{\bar{Q}}, \quad (2)$$

где E – коэффициент дуговой эластичности; ΔP – изменение производительности труда; ΔQ – изменение объемов производства или численности населения агломерации (в зависимости от анализируемого фактора); \bar{P} – среднее значение производительности труда; \bar{Q} – среднее значение объемов производства или численности населения агломерации.

Справедливо отметить, что в научных работах для выявления эффектов используются различные показатели эластичности [21; 22]. Использование в данной работе коэффициента именно дуговой эластичности обусловлено рядом причин:

- во-первых, он позволяет оценить чувствительность изменения переменных в среднем за период (крайне важно, т.к. эффекты развиваются с течением времени), что невозможно сделать при использовании коэффициента точечной эластичности, дающем оценку на определенный момент времени;
- во-вторых, он позволяет оценить эластичность, несмотря на имеющуюся ограниченность информационной базы на муниципальном уровне, когда ее оценка путем построения регрессионных уравнений становится недостаточно надежной¹⁵.

По результатам расчета коэффициента дуговой эластичности могут быть получены следующие выводы относительно агломерационных эффектов.

Если коэффициент принимает значение больше «1», то при росте, например, объемов производства на 1% производительность труда увеличится более чем на 1%. Именно такой результат будет свидетельствовать о наличии позитивных агломерационных эффектов (опережающем росте производительности труда в сравнении с ростом объемов производства).

В случае если коэффициент равен «1», то процентное изменение объемов производства совпадает с процентным изменением роста производительности труда (эффект, проявляющийся в опережающем росте, отсутствует). Если коэффициент меньше «1», то при росте объемов производства на 1% производительность труда увеличится менее чем на 1%. Это говорит не об опережающем, а отстающем росте производительности труда и, следовательно, отсутствии эффектов.

¹⁵ Относительно небольшое число наблюдений, которые дают три исследуемых показателя (производительность труда, объем производства, численность населения) на 10-летнем периоде, а также малое число муниципальных образований, входящих в состав агломераций (например, два муниципалитета в Норильской агломерации) снижают статистическую надежность регрессионных оценок.

Информационную базу расчетов II этапа также составляют данные территориальных органов Росстата и Базы данных показателей муниципальных образований за 2014–2023 гг. Среди всего массива показателей были использованы «Численность постоянного населения на конец года, чел.», «Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)», «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)». Последний приведен в сопоставимый вид через индекс потребительских цен региона, в котором базируется каждая исследуемая агломерация.

На III этапе результаты оценки внутренней интегрированности и агломерационных эффектов обобщаются в матрице «интегрированность – эффект» (см. табл. 3). Даётся вывод об уровне развитости агломерации и в целом справедливости отнесения исследуемых пространственно-локализованных форм к агломерациям. Разрабатываются рекомендации, обосновываются перспективные направления развития территорий, отраслей и межотраслевых комплексов в рамках формирования агломерации. Информационную базу III этапа составляют результаты предшествующих расчетов.

Таблица 3

**Матрица уровня развитости городской агломерации
«интегрированность – эффект»**

Агломерационный эффект Уровень интегрированности	Отсутствует	Присутствует
От 0% включительно до 33% (низкий)	Пространственная локализованная социально-экономическая система (низкий уровень интегрированности при отсутствии эффектов).	Агломерация с низким уровнем интегрированности (низкий уровень интегрированности при наличии эффектов).
От 33% включительно до 66% (средний)	Формирующаяся агломерация со средним уровнем интегрированности (средний уровень интегрированности при отсутствии эффектов).	Агломерация со средним уровнем интегрированности (средний уровень интегрированности при наличии эффектов).
От 66% включительно до 100% включительно (высокий)	Формирующаяся агломерация с высоким уровнем интегрированности (высокий уровень интегрированности при отсутствии эффектов).	Агломерация с высоким уровнем интегрированности (высокий уровень интегрированности при наличии эффектов).

Источник: составлено авторами.

К сильным сторонам предлагаемого подхода можно отнести относительную простоту расчетов и тиражирования, т.к. он базируется на апробированных в мировой науке методах и приемах обработки информации, открытых данных официальной статистики; гибкость в выборе показателей (в зависимости от запросов потребителей и наличия данных, набор показателей может быть расширен при сохранении этапов); учет ключевых, на наш взгляд, свойств агломерации – внутренней интегрированности и способности генерировать агломерационные эффекты. К определенным ограничениям подхода можно отнести недоучет волн урбанизации и дезурбанизации, всего многообразия сфер интеграции (вне фокуса внимания вопросы интеграции рынка труда, транспортной инфраструктуры и т.д.).

Оценка развитости городских агломераций России

Авторский подход был апробирован на материалах агломераций с ядрами в городах Архангельск, Вологда, Калуга, Норильск, Сургут, Тамбов, Ханты-Мансийск, Южно-Сахалинск. Результаты оценки внутренней интегрированности исследуемых агломераций представлены в табл. 4. Как свидетельствуют расчеты, наиболее сильной интегрированностью (совпадением «темпоритмов» развития) в проекции

Таблица 4
Уровень внутренней интегрированности городских агломераций
в 2014–2023 гг.

Коэффициенты корреляции показателей социально-экономического развития городов-ядер и муниципальных образований спутниковых зон					Уровень интегрированности агломерации, %
пара «ядро – муниципалитет спутниковой зоны»	население	отгрузка	торговля	строительство	
Южно-Сахалинская агломерация					
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Корсаковский	0,166	0,712	0,979	-0,236	54,167
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Анивский	-0,785	0,892	0,983	0,153	
ГО г. Южно-Сахалинск – ГО Долинский	0,965	0,597	0,896	-0,126	

Продолжение табл. 4

Коэффициенты корреляции показателей социально-экономического развития городов-ядер и муниципальных образований спутниковых зон					Уровень интегрированности агломерации, %
пара «ядро – муниципалитет спутниковой зоны»	население	отгрузка	торговля	строительство	
Архангельская агломерация					
ГО г. Архангельск – ГО г. Новодвинск	0,996	0,381	0,926	0,180	33,333
ГО г. Архангельск – ГО г. Северодвинск	0,995	0,060	0,912	-0,155	
ГО г. Архангельск – Приморский МР	-0,992	0,158	-0,660	-0,491	
Ханты-Мансийская агломерация					
ГО г. Ханты-Мансийск – Ханты-Мансийский МР	-0,868	-0,052	0,838	-0,034	25,000
Норильская агломерация					
ГО г. Норильск – Таймырский Долгано-Ненецкий МР	0,834	-0,196	0,326	0,000	25,000
Тамбовская агломерация					
ГО г. Тамбов – ГО г. Котовск	-0,379	-0,415	0,016	-0,013	25,000
ГО г. Тамбов – ГО г. Рассказово	0,499	0,712	-0,275	0,512	
ГО г. Тамбов – Тамбовский МР	-0,438	-0,185	0,779	0,840	
ГО г. Тамбов – Рассказовский МР	0,397	0,044	-0,425	0,598	
ГО г. Тамбов – Знаменский МР	-0,135	0,448	-0,342	0,920	
ГО г. Тамбов – Сампурский МР	0,390	-0,016	-0,581	0,726	
Сургутская агломерация					
ГО г. Сургут – ГО город Нефтеюганск	-0,092	-0,018	0,467	0,090	15,625
ГО г. Сургут – ГО город Пыть-Ях	0,600	0,329	0,761	0,159	
ГО г. Сургут – Сургутский МР	-0,112	-0,236	0,526	0,362	
ГО г. Сургут – Нефтеюганский МР	0,440	-0,195	0,529	-0,112	

Окончание табл. 4

Коэффициенты корреляции показателей социально-экономического развития городов-ядер и муниципальных образований спутниковых зон					Уровень интегрированности агломерации, %
пара «ядро – муниципалитет спутниковой зоны»	население	отгрузка	торговля	строительство	
Вологодская агломерация					
ГО г. Вологда – Вологодский МР	0,719	0,253	-0,094	0,476	12,500
ГО г. Вологда – Грязовецкий МР	0,639	0,297	-0,192	-0,023	
ГО г. Вологда – Сокольский МР	-0,628	0,204	-0,436	0,363	
Калужская агломерация					
ГО г. Калуга – Бабынинский МР	-0,852	0,259	0,027	0,237	6,250
ГО г. Калуга – Дзержинский МР	0,973	0,033	-0,507	0,096	
ГО г. Калуга – Перемышльский МР	-0,894	-0,056	-0,562	-0,030	
ГО г. Калуга – Ферзиковский МР	-0,602	-0,213	0,039	-0,014	

Источник: составлено авторами.

Примечание: показатели «население», «отгрузка», «торговля», «строительство» обозначают сокращенные названия следующих показателей, публикуемых Росстатом в Базе данных муниципальных образований / рассчитанных авторами на основе Базы: численность постоянного населения на конец года, чел.; отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.; оборот розничной торговли на душу населения (без субъектов малого предпринимательства), тыс. руб.; общая площадь жилых помещений, введенная в действие за год, приходящаяся в среднем на одного жителя, квадратный метр общей площади. Агломерации в таблице ранжированы в порядке убывания уровня интегрированности; ГО – городской округ, МР – муниципальный район.

«город-ядро – муниципальное образование спутниковой зоны» отличаются Южно-Сахалинская и Архангельская агломерации. Объяснением этого, на наш взгляд, выступает факт того, что спутниковые зоны указанных агломераций представлены преимущественно крупными городскими населенными пунктами, в то время как в других агломерациях – преимущественно сельскими. Совпадение темпов и тенденций развития между городскими населенными пунктами более четко выражено, чем между городскими и сельскими. Еще одним объяснением лидерских позиций выступает достаточно высокая степень комплементарности экономики ядер и спутниковых зон (например, в Архангельской агломерации – машино- и приборостроение).

В свою очередь Калужская агломерация по уровню внутренней интегрированности находится «внизу рейтинга». Объяснением здесь служат те же причины: характер расселения в спутниковой зоне и специфика экономики. Так, в спутниковой зоне Калужской агломерации размещены один город, четыре поселка городского типа и более 500 сельских населенных пунктов; численность постоянного городского населения на 01.01.2024 г. составляла 49,4, сельского – 60,2 тыс. чел. (в 1,2 раза больше), в то время как, например, в Архангельской агломерации 188,3 и 25,6 тыс. чел. соответственно (в 7,4 раза меньше)¹⁶. Основу промышленности города-ядра Калуги составляет автомобилестроение, спутниковой зоны – производство бумажной и полиграфической продукции, пищевых продуктов, электротехники и т.п.

В табл. 5 представлены результаты расчета коэффициента дуговой эластичности производительности труда по численности населения и объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг своими силами.

Таблица 5

Коэффициенты дуговой эластичности производительности труда в агломерациях по численности постоянного населения и объемам отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами

Агломерация	Эластичность производительности труда			
	по численности населения в 2014–2023 гг.	по объему отгрузки в 2014–2023 гг.	в том числе	
			в 2014–2021 гг.	в 2021–2023 гг.
Вологодская	-13,659	2,599	1,600	0,502
Архангельская	-1,871	1,354	1,163	0,931
Тамбовская	3,144	1,498	1,649	1,181
Сургутская	4,937	1,029	1,135	1,001
Южно-Сахалинская	-23,050	1,024	1,023	1,039
Норильская	-30,347	0,873	1,081	10,848
Калужская	88,372	0,867	1,372	0,977
Ханты-Мансийская	2,665	0,650	0,672	0,576

Источник: составлено авторами.

Примечание: данные ранжированы в порядке убывания эластичности производства на объем отгрузки в 2014–2023 гг.

¹⁶ Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям». <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 10.11.2024).

Следует отметить, что коэффициент эластичности производительности по численности населения для половины агломераций имеет отрицательный знак. Это связано с тенденциями депопуляции и миграционного оттока населения, которые в целом не характерны для крупных и крупнейших российских агломераций. Более того, значение коэффициента для ряда агломераций в разы превосходит ранее полученные оценки для крупных и крупнейших агломераций, что также говорит о некорректности оценок (значение «88,4» для Калужской, «–30,3» для Норильской агломерации; при том, что зарубежные исследования зависимости средней производительности труда или общей факторной производительности от размера населенного пункта дают оценки эластичности производительности к людности агломерации от 2–5 до 10%, отечественные исследования – 9–11% [21]). В связи с этим использование коэффициента эластичности производительности труда по численности населения представляется не совсем корректным для анализируемых агломераций.

Расчет эластичности производительности труда по объему отгрузки дал, на наш взгляд, более корректные результаты. Как свидетельствуют данные табл. 5, в пяти из восьми рассматриваемых агломераций в 2014–2023 гг. наблюдался агломерационный эффект, связанный с ускоренным ростом производительности труда в сравнении с ростом объемов производства (исключение – Норильская, Калужская, Ханты-Мансийская агломерации). При этом важно отметить, что переломным периодом в отношении эластичности стал 2022 г. (усиление внешнего санкционного давления на Россию, закрытие либо продажа расположенных на российской территории филиалов/дочерних предприятий зарубежных фирм). Если в 2014–2021 гг. эффект был зафиксирован в семи из восьми агломераций, то в 2021–2023 гг. – только в четырех из восьми (Тамбовская, Сургутская, Южно-Сахалинская, Норильская). Так, Калужская агломерация стала одной из утративших эффекты, ранее формируемые автомобильным кластером, ввиду прекращения работы предприятий крупных иностранных компаний Volkswagen, Volvo и др.

В результате обобщения вышеизложенных результатов была построена матрица уровня развитости «интегрированность – эффект» (см. табл. 6), согласно которой лишь пять из восьми исследуемых агломераций можно отнести к таковым по состоянию за 10-летний период 2014–2023 гг. К агломерациям со средним уровнем интегриированности можно отнести Южно-Сахалинскую и Архангельскую, с низким уровнем интегрированности – Тамбовскую, Сургутскую, Вологодскую. Очевидно, что в рамках проведения активной политики пространственного развития целесообразным является поддержка их развития

Таблица 6

Распределение исследуемых агломераций по ячейкам матрицы уровня развитости «интегрированность – эффект»

Агломерационный эффект Уровень интегрированности	Отсутствует	Присутствует
От 0% включительно до 33% (низкий)	Пространственная локализованная социально-экономическая система: 1. Норильская. 2. Ханты-Мансийская. 3. Калужская.	Агломерация с низким уровнем интегрированности: 1. Тамбовская. 2. Сургутская. 3. Вологодская.
От 33% включительно до 66% (средний)	Формирующаяся агломерация со средним уровнем интегрированности: отсутствуют.	Агломерация со средним уровнем интегрированности: 1. Южно-Сахалинская. 2. Архангельская.
От 66% включительно до 100% включительно (высокий)	Формирующаяся агломерация с высоким уровнем интегрированности: отсутствуют.	Агломерация с высоким уровнем интегрированности: отсутствуют.

Источник: составлено авторами.

посредством реализации проектов обеспечения внутренней интегрированности во всех сферах общественной жизни (экономика, социальная сфера, управление и т. д.).

Пространственные локализованные социально-экономические системы, сформировавшиеся вокруг Норильска, Ханты-Мансийска и Калуги, в соответствии с авторской методикой агломерациями не являются. Однако здесь не все так однозначно. Норильск и Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, Ханты-Мансийск и Ханты-Мансийский муниципальный район отнести к агломерациям не позволяют ни специализация экономики (добыча природных ресурсов является слабо кластеризуемой отраслью, в то время как именно промышленная кластеризация, концентрация являются основой для генерации агломерационных эффектов в экономике), ни сформированный расселенческий каркас спутниковой зоны (разреженное, слабо заселенное пространство; отсутствие в спутниковой зоне городских населенных пунктов с комплементарной ядром структурой экономики). Иная ситуация у Калуги. С определенной долей вероятности можно предположить, что Калуга наряду с Обнинском и остальными территориями северо-востока Калужской области ориентированы на рынок Московской области, тяготеют к Московской агломерации,

потенциально образовывая агломерацию второго порядка в ее составе (существует ряд публикаций, в которых отражается этот аспект¹⁷). Именно этот факт объясняет наличие агломерационных эффектов на микроуровне¹⁸, проявляющихся в росте объемов выручки предприятий Калужской области по мере приближения к Калуге, а значит и к Москве.

Обобщая результаты апробации методического подхода к оценке развитости восьми городских агломераций «второго эшелона», расположенных в разных макрорегионах страны, обладающих разной экономической специализацией, структурой расселения в спутниковой зоне, следует отметить:

1. Общей чертой сформированных агломераций как со средним, так и с низким уровнем интегрированности является наличие в значительной степени комплементарной ядру экономики спутниковой зоны, что, в конечном счете, выступает фактором, усиливающим взаимосвязанность населенных пунктов на рынках труда, капитала и иных факторов производства; стимулом к развитию кластеров, малых промышленных районов и иных форм вертикальной и горизонтальной кооперации предприятий ядра и спутниковой зоны.

С учетом этого агломерационный эффект, продуцируемый пятью агломерациями со средним и низким уровнем интегрированности, можно отнести к т. н. локализационному, основанному на схожести экономической специализации предприятий. При этом подобный эффект наблюдался и в Калужской области до ухода из региона ряда крупных европейских предприятий автомобилестроения. Поддержание эффекта локализации при одновременном стимулировании эффекта урбанизации (посредством содействия развитию новых видов деятельности, в т. ч. научноемких) будет способствовать повышению уровня развитости Южно-Сахалинской, Архангельской, Тамбовской, Сургутской, Вологодской агломераций.

Качественными отличительными чертами агломераций со средним и низким уровнем интегрированности являются сила и широта совпадения «темпоритмов» развития города-ядра и муниципалитетов спутниковой зоны в разных сферах, что и отражает степень интегрированности внутриагломерационного социально-экономического пространства.

¹⁷ «Тула, Калуга, Рязань, Тверь, Владимир могут войти в агломерацию Москвы»: что будет со столицей к 2050 году <https://moslenta.ru/urbanistika/tula-kaluga-ryazan-tver-vladimir-mogut-voiti-v-aglomeraciyu-moskvy-chto-budet-so-stolicei-k-2050-godu.htm?ysclid=m6p4avxmkh261844267> (дата обращения: 10.11.2024); Журнал «Компания». Агломерации — вызов или угроза? Сайт «Ассоциация сибирских и дальневосточных городов» https://asdg.ru/mobile/?ELEMENT_ID=385199 (дата обращения: 10.11.2024); [23].

¹⁸ См., например, [24].

Так, в Южно-Сахалинской агломерации (средний уровень интегрированности) одна пара муниципалитетов по линии «ядро-спутниковая зона» имеет высокую степень корреляции по показателям экономического развития, заметную – по показателю социального развития, слабую – по показателю инфраструктурного развития (табл. 4); остальные две пары имеют высокую степень корреляции по показателям экономического развития, слабую – по показателям социального и инфраструктурного развития. Иными словами, имеет место достаточно сильное и масштабное по числу пар совпадение «темпоритмов» развития ядра и муниципалитетов спутниковой зоны в экономической и социальной сферах. В свою очередь в Вологодской агломерации (низкий уровень интегрированности) совпадение «темпоритмов» развития в экономической и инфраструктурной сферах во всех трех парах было слабым; зафиксирована заметная и высокая степень корреляции по показателю социального развития по линии «ядро-муниципалитет спутниковой зоны» лишь в двух из трех пар.

2. Общей чертой Норильской и Ханты-Мансийской социально-экономических систем, которая не позволяет отнести их к городским агломерациям в полном смысле этого слова ввиду отсутствия агломерационных эффектов, является относительно слабая развитость спутниковой зоны с точки зрения наличия в ней населенных пунктов (не только городских, но и сельских) и низкая связность ее экономики с экономикой городов-ядер. Изменить указанную ситуацию представляется проблематичным в силу ее объективных причин (экономико-географического положения, природно-климатических и иных условий), однако перспективным видится использование нереализованного потенциала различного рода цифровых форм взаимодействия экономических агентов, что позволяет минимизировать негативное влияние фактора географической удаленности населенных пунктов Севера. Несмотря на указанные факторы, оба города (Норильск и Ханты-Мансийск) были и остаются важными точками роста российской экономики и выполняют роль опорных населенных пунктов страны.

Заключение

Апробация авторского методического подхода к оценке уровня развитости городских агломераций показала, что в 2014–2023 гг. только пять из восьми исследуемых агломераций являлись таковыми. В частности, к агломерациям со средним уровнем интегрированности относились Южно-Сахалинская и Архангельская, с низким уровнем интегрированности – Тамбовская, Сургутская и Вологодская; все они характеризовались наличием агломерационных эффектов. Их

общей чертой является наличие комплементарной ядру экономики спутниковой зоны, что выступает фактором, усиливающим взаимосвязанность населенных пунктов на рынках факторов производства; стимулом к развитию разнообразных форм кооперации коммерческих, некоммерческих предприятий, взаимодействия органов власти муниципальных образований ядра и спутниковой зоны. В свою очередь отличия агломераций с низким и средним уровнем интегрированности заключаются в силе и масштабе совпадения «темпоритмов» развития города-ядра и муниципалитетов спутниковой зоны в разных сферах общественной жизни.

Пространственные локализованные социально-экономические системы, сформировавшиеся вокруг Норильска, Ханты-Мансийска, Калуги, в соответствии с авторской методикой агломерациями не являлись. Однако если первые две отнести к агломерациям не позволяют специализация на добыче природных ресурсов и разреженное пространство спутниковой зоны, в котором отсутствуют городские населенные пункты с комплементарной ядру экономикой, то ситуация с Калугой иная. До 2022 г., когда начался «уход» из Калужской области крупных иностранных компаний, здесь наблюдались агломерационные эффекты, что позволяло говорить о существовании Калужской агломерации (вероятно, являющейся агломерацией второго порядка в составе Московской).

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке методического подхода к оценке уровня развитости городских агломераций. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов органами государственной власти при совершенствовании политики социально-экономического и пространственного развития регионов, а именно, при разработке документов стратегического планирования, формировании и обосновании перечня проектов агломерационного развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кузнецова О.В., Дружинин А.Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 36–45. [Kuznetsova O.V., Druzhinin A.G. Towards a new strategy for the spatial development of Russia // Studies on Russian Economic Development. 2024. Vol. 205. No. 4. Pp. 36–45. (In Russ.).] DOI: 10.47711/0868-6351-205-36-45. EDN: VVXHSP.
2. Швецов А.Н. Городские агломерации в преобразовании урбанистического пространства // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 45–65. [Shvetsov A.N. Urban agglomerations in the transformation of urban space // Russian Economic Journal. 2018. No. 1. Pp. 45–65. (In Russ.).] EDN: NTOLQB.
3. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. № 7. С. 5–19. [Melnikova L.V. The size of cities, efficiency and economic growth // ECO. 2017. No. 7. Pp. 5–19. (In Russ.).] EDN: YUSMFZ.

4. Строев П.В. Трансформации пространственной структуры России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 4. С. 61–70. [Stroev P.V. Transformations of the spatial structure of Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4. Pp. 61–70. (In Russ.).] EDN: SMLIUF.
5. Дмитриев М.Э., Чистяков П.А., Ромашина А.А. Роль пространственной политики в ускорении экономического роста // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 31–47. [Dmitriev M.E., Chistyakov P.A., Romashina A.A. The role of the spatial factor in accelerating economic growth // Social sciences and modernity. 2018. No. 5. Pp. 31–47. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S086904990001496-7. EDN: YPOJGH.
6. Пузанов А., Попов Р. Подходы к оценке развитости городских агломераций. М.: Фонд «Институт экономики города», 2017. https://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf [Puzanov A., Popov R. Approaches to assessing the development of urban agglomerations. Moscow: Fund “Institute for Urban Economics”, 2017. https://www.urbaneconomics.ru/sites/default/files/iue_press.pdf (In Russ.).] EDN: UVJUKO.
7. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития / А.С. Пузанов, Р.А. Попов, Т.Д. Полиди, А.Я. Гершович; под научной редакцией кандидата географических наук А.С. Пузанова. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. [Urban agglomerations in modern Russia: problems and prospects of development / A.S. Puzanov, R.A. Popov, T.D. Polidi, A.Ya. Gershovich; edited by Candidate of Geographical Sciences A.S. Puzanov. Moscow: Fund “Institute for Urban Economics”, 2023. (In Russ.).]
8. Полян П.М. ТERRITORIALНЫЕ СТРУКТУРЫ – УРБАНИЗАЦИЯ – РАССЕЛЕНИЕ: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф, 2014. [Polyan P.M. Territorial structures – urbanization – settlement: theoretical approaches and methods of study. Moscow: New Chronograph , 2014. (In Russ.).] EDN: TAYFBZ.
9. Заславский И.Н., Наймарк Н.И., Полян П.М. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы изучения городских агломераций: Сборник статей. М.: Институт географии АН СССР, 1988. С. 27–41. [Zaslavsky I.N., Naimark N.I., Polyan P.M. Problems of delimitation of urban agglomerations: comparison and synthesis of leading methods // Problems of studying urban agglomerations: Collection of articles. Moscow: Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences, 1988. Pp. 27–41. (In Russ.).]
10. Uchida H., Nelson A. Agglomeration index: Towards a new measure of urban concentration // World Institute for Development Economics Research. 2010. No. 29. Pp. 1–16.
11. Трунова Н.А. Совершенствование методических подходов к анализу и оценке факторов, влияющих на развитие городских агломераций // Экономические науки. 2011. № 3. С. 205–208. [Trunova N.A. Improvement of methodological approaches to the analysis and assessment of factors influencing the development of urban agglomerations // Economic sciences. 2011. No. 3. Pp. 205–208. (In Russ.).] EDN: OYUBNH.
12. Волчкова И.В. Методические аспекты индикативного анализа состояния и развития агломераций // Экономические науки. 2014. № 1 (110). С. 73–77. [Volchkova I.V. Methodological aspects of indicative analysis of the state and

- development of agglomerations // Economic sciences. 2014. Vol. 110. No. 1. Pp. 73–77. (In Russ.)] EDN: SHDIMB.
13. Глазычев В., Стародубровская И. [и др.]. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск. 2008. [Glazychev V., Starodubrovskaya I. [et al.]. Chelyabinsk agglomeration: development potential. Chelyabinsk. 2008. (In Russ.).]
 14. Zhang S., Wei H. Identification of Urban Agglomeration Spatial Range Based on Social and Remote-Sensing Data—For Evaluating Development Level of Urban Agglomeration // ISPRS International Journal of Geo-Information. 2022. No. 11. Pp. 1–19. DOI: 10.3390/ijgi11080456.
 15. Fang Ch., Yu X., Zhang X., Fang J., Liu H. Big data analysis on the spatial networks of urban agglomeration // Cities. 2020. Vol. 102. 102735. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102735.
 16. Roy B., Kasemi N. Monitoring urban growth dynamics using remote sensing and GIS techniques of Raiganj Urban Agglomeration, India // The Egyptian Journal of Remote Sensing and Space Science. 2021. Vol. 24. Pp. 221–230. DOI: 10.1016/j.ejrs.2021.02.001.
 17. Shi Q., Yan X., Jia B., Gao Z. Freight Data-Driven Research on Evaluation Indexes for Urban Agglomeration Development Degree // Sustainability. 2020. Vol. 12. No. 11. Pp. 1–16. DOI: 10.3390/su12114589.
 18. Ворошилов Н.В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. № 4. С. 54–74. [Voroshilov N.V. Development of urban agglomerations in the European North of Russia // Federalism. 2021. No. 4. Pp. 54–74. (In Russ.).] DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-54-74. EDN: INUFHK.
 19. Tiwari A.K., Antoniuk, V.S., Lapo A.S., Vansovich E.R. Managing urban agglomeration processes in Russia in the context of agglomerative and socio-economic development // Heliyon. 2024. No. 7. Pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e28654
 20. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17. № 1. С. 91–109. [Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Agglomeration processes in Russian regions: features and problems of activating positive effects // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2024. Vol. 17. No. 1. Pp. 91–109. (In Russ.).] DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5. EDN: OGARTF.
 21. Лавриненко П.А., Михайлова Т.Н., Ромашина А.А., Чистяков П.А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3 (174). С. 50–59. [Lavrinenko P.A., Mikhailova T.N., Romashina A.A., Chistyakov P.A. Agglomeration effects as a tool for regional development // Studies on Russian Economic Development. 2019. No. 3 (174). Pp. 50–59. (In Russ.).] EDN: SFXHGX.
 22. Коломак Е.А., Шерубнёва А.И. Оценка влияния агломерационных факторов на экономическую активность (микроэкономический анализ) // Экономика региона. 2023. №3. С. 766–781. [Kolomak E.A., Sherubneva A.I. Assessing the influence of agglomeration factors on economic activity (microeconomic analysis) // Economy of Regions. 2023. No. 3. Pp. 766–781. (In Russ.).] DOI: 10.17059/ekon. reg.2023-3-12. EDN: ZCZFDD.
 23. Махрова А.Г. Особенности стадиального развития Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 10–16. [Makhrova A.G. Features of the stadium development of the Moscow agglomeration // Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography. 2014. No. 4. Pp. 10–16. (In Russ.).] EDN: TAVMWZ.

24. Кожевников С.А., Патракова С.С., Копытова Е.Д. Перспективные центры экономического роста регионов России и агломерационные эффекты: эмпирический анализ // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 5. С. 1075–1090. [Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S., Kopytova E.D. Promising centers of economic growth in Russian regions and agglomeration effects: an empirical analysis // Creative Economy. 2024. Vol. 18. No. 5. Pp. 1075–1090. (In Russ.).] DOI: 10.18334/ce.18.5.121016. EDN: HBPLAN.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в работу над этой статьей.

Дата поступления рукописи: 27.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Патракова Светлана Сергеевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Лаборатории пространственного развития территориальных систем и межотраслевых комплексов Центра исследования пространственного развития социально-экономических систем Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия

ORCID: 0000-0002-4834-3083
sspatrakova@bk.ru

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром исследования пространственного развития социально-экономических систем Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия

ORCID: 0000-0001-9063-6587
kozhevnikov_sa@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

Svetlana S. Patrakova – Cand. Sci. (Econ.), Researcher, Laboratory of Spatial Development of Territorial Systems and Intersectoral Complexes, Center for the Study of Spatial Development of Socio-Economic Systems, Vologda Research Center of the RAS, Vologda, Russia

ORCID: 0000-0002-4834-3083
sspatrakova@bk.ru

Sergey A. Kozhevnikov – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Head of the Center for the Study of Spatial Development of Socio-Economic Systems, Vologda Research Center of the RAS, Vologda, Russia

ORCID: 0000-0001-9063-6587
kozhevnikov_sa@bk.ru

ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT LEVEL OF SECOND-TIER URBAN AGGLOMERATIONS IN RUSSIA¹⁹

The article is devoted to the problems of development of second-tier urban agglomerations in Russia (with a population of less than 500 thousand people), which are formed around a number of large and big cities. The author's approach to assessing development is proposed, which is based on understanding the essence of an agglomeration as a self-developing socio-economic system that is internally integrated and produces positive agglomeration effects. The approach has been tested on the data of eight agglomerations with cores in the cities of Arkhangelsk, Vologda, Kaluga, Norilsk, Surgut, Tambov, Khanty-Mansiysk, Yuzhno-Sakhalinsk for the period 2014–2023. It was revealed that only five out of these eight agglomerations are classified as such: the agglomerations with an average level of integration include Yuzhno-Sakhalinsk, Arkhangelsk, with a low level – Tambov, Surgut and Vologda.

Keywords: *urban agglomeration, development level, internal integration, agglomeration effect, core, satellite area.*

JEL: R11, R58.

¹⁹ This research was funded by the Russian Science Foundation (Project No. 23-78-10054. <https://rscf.ru/project/23-78-10054/>)

С.В. КОЗЛОВА

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

**УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ КАЗНОЙ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ В НОВЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ¹**

В статье анализируется процесс управления трансформацией института имущественной казны в динамично меняющейся институциональной среде в России. Исследование проведено с учетом сложившихся в настоящее время геополитических и социально-экономических условий с акцентом на современных трендах и нововведениях. Предложены направления совершенствования и развития государственного управления имущественной казной на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: государственное имущество, институты управления, концептуальные подходы к управлению госимуществом, стратегические цели, трансформация институтов управления госимуществом.

УДК: 338.24

EDN: LNJFLY

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_105_120

Введение

В данной работе рассматривается имущественная казна как составная часть государственного имущества в целом. Актуальность темы данного исследования обусловлена рядом причин, в том числе сложившейся в настоящее время геополитической ситуацией, санкционным давлением на Россию, развитием цифровизации и появлением новых информационно-коммуникационных технологий, позволяющих принимать быстрые решения, что может приводить к росту рисков от ошибок при их принятии. Эти факторы требуют особого внимания в процессе управления государственной казной и ее сохранения как необходимой материальной базы, обеспечивающей возможность органам государственной власти выполнять свои функции и регулировать экономические процессы. Характерное для современного этапа

¹ Статья подготовлена в рамках темы государственного задания ФГБУН Институт экономики РАН «Трансформация и развитие институтов государственного управления в новых социально-экономических условиях».

увеличение интенсивности движения имущественных активов между различными формами собственности – между частной собственностью и государственной, в свою очередь, предполагает необходимость совершенствования институтов учета и контроля в рамках управления и повышения их качества. Поэтому, исходя из вышесказанного, «...логично в контексте трансформации стратегических целей развития экономики нашей страны и общества в целом, а также трансформации российской экономической модели на фоне кардинально изменившихся геополитических условий говорить о необходимости трансформации институтов управления государственным имуществом» [1, с. 45].

Прежде всего, следует отметить, что 2025 г. *закрепил привнесенные в предыдущие несколько лет новации в управлении госимуществом в виде двух противоположных трендов в функционировании института собственности*. В России продолжают одновременно набирать обороты как процессы приватизации, так и возврата активов в госсобственность (деприватизация)². С одной стороны, необходим поиск ресурсов для инновационного и технологического развития российской экономики за счет привлечения инвестиций от размещения акций и долей государственных компаний на фондовом рынке³. Так, до конца 2025 г. планируется провести несколько сделок по приватизации. Будет привлечено до 100 млрд руб. в доходную часть бюджета, сообщил глава Минфина России Антон Силуанов. По его словам, в России много компаний, которые «поступают в казну». Министерство выступает за то, чтобы эти компании «быстрее продавать в рынок». От приватизации бюджет уже получил почти 30 млрд руб., уточнил А. Силуанов⁴. Приватизация здесь рассматривается как способ компенсировать дефицит бюджета в условиях ограниченного доступа к заимствованиям.

С другой стороны, параллельно власти усилили курс на деприватизацию ранее приватизированных активов, в первую очередь в рамках усиления госконтроля в стратегических секторах. Генеральная прокуратура с 2023 г. проводит кампанию по оспариванию приватизационных сделок 1990-х годов (в числе примеров: АО «Челябинский электрометаллургический комбинат» (ЧЭМК), Ивановский завод тяжёлого

² Некоторые специалисты называют указанные процессы приватизацией и национализацией, однако в современном российском институциональном поле нет законодательного акта относительно национализации, поэтому автор использует в работе такие категории, как приватизация и деприватизация.

³ Тренд 2022-2024 гг. был проанализирован автором ранее (См. [1]).

⁴ Минфин ожидает от сделок по приватизации до 100 млрд рублей в этом году // Коммерсант. 09.09.2025 г. <https://www.kommersant.ru/doc/8023983> (дата обращения: 01.10.2025).

стакностроения (Ивановский станкозавод), АО «Метафракс Кемикалс» и др.). Основные судебные аргументы неоспоримы в контексте современных рисков: нарушения ранее проведенных приватизационных процедур, стратегический характер активов и потенциальный ущерб безопасности. Под деприватизацию подпали и активы иностранных компаний, покинувших Россию: временное внешнее управление вводилось на предприятиях Danone, Carlsberg, Fortum и др. (по сути – это форма контролируемого возврата под юрисдикцию государства). При этом Минфин обещает, что активы, изъятые в рамках судебных решений, не останутся в казне надолго – они будут вновь проданы частным инвесторам, что и происходит.

Таким образом, в течение последних нескольких лет было проведено большое количество сделок по имуществу, учет которых, как правило, проходит через имущественную казну. Ведь если происходит отчуждение из частной собственности, то имущество на то время, пока оно не передано новому собственнику, поступает в казну (федеральную, региональную, муниципальную). Передача имущества из государственной собственности в частную также осуществляется через институт имущественной казны. Именно поэтому в сложившихся условиях так важен учет и контроль госимущества в составе казны, поскольку от их прозрачности и достоверности зависят последующиеправленческие решения, их эффективность и результивность как на макроуровне, так и внутри каждой сделки, будь это приватизационная либо деприватизационная передача имущества.

Рассматривая немногочисленные теоретические подходы специалистов в данной области, отметим, что Г. Мальгинов и А. Радыгин в своей работе 2014 г. тогда еще указывали, что «...в структуре казны РФ можно выделить три основных блока: 1) бюджетные средства (за отчетный период или на определенную дату); 2) акции (доли, паи) хозяйственных обществ, находящиеся в федеральной собственности; 3) все прочее движимое и недвижимое имущество, из которого в зависимости от степени детализации выделяются земельные участки» [2, с. 23]. При этом они отмечали, «...что на протяжении почти всего периода рыночных реформ имущественный комплекс казны, замкнутый в границах собственно третьего блока, практически не рассматривался как самостоятельный объект в рамках процесса управления государственным имуществом» [2, с. 23].

Сейчас появляется острые необходимость и потенциальная возможность вернуться к формированию современного института имущественной казны в контексте трансформации институциональной среды управления госимуществом. Для правильных шагов на будущее необходимо коснуться основных моментов, рассматривая процесс управления казной в историческом ракурсе.

Развитие институциональной среды имущественной казны в современной России

В современной России отдельного федерального закона об имущественной казне не было и нет по настоящее время. Более того, понятие «имущественная казна» на федеральном уровне законодательно не вводилось. Однако отношение власти, экспертов и исследователей к данной категории государственного имущества менялось, соответственно трансформировалось и институциональное поле, в рамках которого осуществлялись хозяйствственные операции с казенным имуществом.

Рассматривая имущественные отношения государства начиная с 1990-х годов и до 2022 г., отметим несколько важных моментов. Ставление института управления имущественной частью казны происходило в контексте развития системы управления всей государственной собственностью. В этом процессе можно обозначить несколько главных этапов: процесс приватизации в контексте закона о приватизации⁵; принятие Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации; принятие региональных законов о казне и региональных законов об управлении собственностью; утверждение и реализация на протяжении практически десятилетнего периода государственной программы по управлению федеральным имуществом.

Базовое же толкование термина «казна» нашло отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), и оно не менялось с момента принятия ГК РФ до настоящего времени. В соответствии со ст. 214 и 215 ГК казну края, области, города федерального значения составляют средства бюджета и иное государственное имущество, не закрепленное на праве хозяйственного ведения и оперативного управления за государственными предприятиями и учреждениями. Средства местного бюджета и иное муниципальное имущество, не закрепленное за муниципальными предприятиями и учреждениями, составляют муниципальную казну соответствующего образования. При этом казенное имущество – это публичная собственность. «Согласно отечественной доктрине и действующему российскому законодательству (ст. 124, 125, 214 Гражданского кодекса РФ) публич-

⁵ Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». В соответствии со статьей 1 данного закона «Под приватизацией государственного и муниципального имущества понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации (далее - федеральное имущество), субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц».

ная собственность включает в себя государственную и муниципальную собственность – собственность Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, призванных действовать в интересах всего общества и населения соответствующей территории, т. е. в публичных интересах» [3, с. 12].

Но статьи ГК РФ не дают представления о порядке наполнения казны, о движении составляющих ее активов, а также о целом ряде других специфических моментов функционирования данного института. В 1999 г. на федеральном уровне принимается Концепция управления государственным имуществом и приватизации в РФ, в которой утверждался новый подход к управлению государственным имуществом⁶. В документе была сформулирована цель государственной политики в области приватизации – кардинальное повышение эффективности функционирования республиканских предприятий и народно-хозяйственного комплекса в целом. Концепция определила основные цели, задачи и принципы государственной политики России в сфере использования государственного имущества. Тем не менее, несмотря на правильно поставленные в Концепции цели и задачи по управлению государственным имуществом и приватизации и законотворческую работу, казна как отдельный объект управления в Концепции не рассматривалась, а была задействована исключительно в контексте решения приватизационных задач⁷. Поэтому было важно регламентировать прочими законодательными и нормативными актами порядок поступления, учета, выбытия имущества из казны, принятия решений о распоряжении ее объектами.

С 2014 г. на федеральном уровне начинается новый этап в управлении государственным имуществом, в том числе и в управлении казной, – утверждение государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом», включающей

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1999, № 39, ст. 4626); Постановление Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2000 г. № 903 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2000, № 49, ст. 4825).

⁷ В самом конце 2024 г. Концепция прекратила существование: вышло Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2024 г. № 1845 О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации, в котором указывалось, что Правительство Российской Федерации постановляет: Признать утратившими силу: Постановление Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации»....»

подпрограмму «Повышение эффективности управления федеральным имуществом и приватизации». Однако и в государственной программе активы казны рассматривались лишь как показатели приватизационных процессов, на что мы указывали в предыдущих работах (см, например: [4]). Повышение эффективности управления отождествлялось с сокращением госимущества. Так, «...показатели сокращения имущества государственной казны РФ были перевыполнены по всем годам. Наибольшее перевыполнение плановых показателей госпрограммы по сокращению имущества казны пришлось на 2019 и 2020 г. Средние фактические темпы сокращения имущества государственной казны РФ в 2019 г. превышали плановые в 1,34 раза, а в 2020 г. – в 1,92 раза. Сокращение имущества государственной казны РФ в 2021 г. планировалось довести до 34,5%...» [4, с. 94]. При этом учет казенного имущества также не был оптимальным, поскольку «...переход к оценке эффективности приватизации исключительно через финансовые индикаторы вынуждает исполнителей ГП «выталкивать» госактивы на рынок любой ценой, в том числе неликвидные и неподготовленные к продаже, что снижает как доходность от их продажи, так и результативность их дальнейшего использования» [4, с. 94].

В этом же периоде в контексте развития правового поля управления федеральной собственностью шел процесс развития законодательной базы по управлению имуществом субъектов РФ (региональный уровень), в том числе региональной казной, при этом региональные подходы были аналогичны федеральным⁸. Отличия составляли, пожалуй, только два субъекта: Москва с ее законом «Об имущественной казне города Москвы»⁹ и Свердловская область, в которой до 2019 г. действовал очень подробный закон о государственной казне¹⁰.

Что касается самих правил учета имущественной казны, то обозначим следующее. До принятия нового закона № 414-ФЗ нормативно-правовое регулирование в сфере управления государственным имуществом субъектов РФ строилось на основании норм, закрепленных в Федеральном законе от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – закон № 184-ФЗ).

⁸ Подробно о формировании институциональной среды имущественной казны регионов см. [5].

⁹ Закон г. Москвы от 26 декабря 2007 г. № 53 «Об имущественной казне города Москвы» (с изменениями и дополнениями).

¹⁰ Закон Свердловской области от 22 ноября 1999 г. № 31-ОЗ «О государственной казне Свердловской области». Утратил силу Законом Свердловской области от 12.12.2019 г. № 137-ОЗ.

Анализ положений нормативных правовых актов, размещенных в открытом доступе, показывает, что в каждом регионе действовали законы об управлении и распоряжении государственным имуществом субъекта РФ, принятые во исполнение нормы, установленной п. 2 ст. 5 закона № 184-ФЗ. Указанными законами об управлении и распоряжении государственным имуществом разграничивались полномочия в сфере управления государственным имуществом между законодательным и исполнительными органами государственной власти субъекта РФ, устанавливались отдельные нормы, регулирующие порядок учета государственного имущества. В большинстве регионов, по аналогии с Постановлением Правительства РФ от 16.07.2007 № 447 «О совершенствовании учета и контроле за использованием федерального имущества»¹¹, уполномоченными органами исполнительной власти РФ были приняты решения о совершенствовании учета государственного имущества, которыми утверждались положения о ведении реестра объектов государственной собственности субъекта РФ; состав подлежащего учету государственного имущества субъекта РФ; порядок учета имущества и порядок предоставления информации из реестра объектов государственного имущества. В каждом регионе имелись свои особенности и отличия от федерального уровня и других субъектов РФ. Например, по оценке имущества казны. При этом, как считают некоторые специалисты, «можно предположить, что от подходов к управлению и распоряжению государственной и муниципальной собственностью зависит объем получаемых неналоговых доходов публично-правовыми образованиями» [6, с. 48].

С учетом многолетнего исследования можно сделать следующие выводы. Базовые риски в данной области управления государственными имущественными отношениями связаны в первую очередь с фрагментарностью данных о государственном (муниципальном) имуществе, которые в результате тридцатилетних российских реформ так и не составили полноценную, связанную воедино систему данных для принятия управленческих решений. Сложившаяся институциональная среда, в которой осуществлялись все операции по казне различного уровня, также не давала такой возможности, а скорее, наоборот, – отсутствие системности приводило к развитию неформальных норм и правил в управлении государством.

Далее рассмотрим, что изменилось, начиная с 2023 г.

¹¹ В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 14 марта 2024 г. № 302 Постановление № 407 стало называться «О совершенствовании учета федерального имущества».

Анализ современного этапа в развитии института имущественной казны

С 1 января 2023 г. вступила в силу глава 8 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – закон № 414-ФЗ), положения которой регулируют экономические основы деятельности органов публичной власти субъекта Российской Федерации, в том числе затрагивают и вопросы учета государственного имущества на уровне региона¹².

Новации в учете государственного имущества субъектов РФ, введенные законом № 414-ФЗ, касаются в первую очередь таких общепринятых понятий, как «Учет государственного имущества», «Объекты учета», «Доходы от использования имущества».

Имущество, которое может находиться в государственной собственности РФ, определено в ст. 55 Федерального закона № 414-ФЗ¹³. В соответствии со ст. 54 экономическую основу деятельности органов публичной власти субъекта Российской Федерации составляют находящиеся в собственности субъекта Российской Федерации:

- имущество, в том числе имущественные права субъекта Российской Федерации;
- средства бюджета субъекта Российской Федерации и территориальных государственных внебюджетных фондов субъекта Российской Федерации.

Учет государственного имущества субъекта РФ осуществляется с целью формирования полной и достоверной информации о государственном имуществе путем получения, экспертизы и хранения документов, содержащих сведения о государственном имуществе в объеме, необходимом для осуществления органами исполнительной власти субъекта РФ полномочий по управлению и распоряжению таким имуществом.

¹² Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями вступил в силу с 01.09.2025).

В действующей ранее редакции ст. 26.11 Федерального закона № 184-ФЗ имущество, необходимое для осуществления полномочий, предоставленных органам государственной власти субъектов РФ, было перечислено, согласно перечню полномочий, установленных в п.2 ст. 26.3 этого же закона. В редакции Федерального закона № 414-ФЗ, вступающей в силу с 1 января 2023 г., детализация по полномочиям исключена, и говорится о том, что в собственности субъекта РФ может находиться имущество, предназначенное для осуществления полномочий и обеспечения деятельности органов государственной власти субъекта РФ, необходимое для осуществления задач и публичных функций.

Учет имущества субъекта Российской Федерации предусматривает получение, экспертизу и хранение документов, содержащих сведения об имуществе субъекта Российской Федерации, а также внесение указанных сведений в реестр имущества субъекта Российской Федерации в объеме, необходимом для осуществления полномочий по управлению и распоряжению имуществом субъекта Российской Федерации. Объектами учета являются:

- 1) недвижимое имущество;
- 2) акции (вклады, доли) в уставных (складочных) капиталах хозяйственных обществ и товариществ;
- 3) транспортные средства и иное движимое имущество в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъекта Российской Федерации;
- 4) иное имущество в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации.

Закон № 414-ФЗ обязал субъекты РФ принять региональные законы по вопросам учета регионального имущества, подчеркнув тем самым важность данного вопроса.

Учет и инвентаризация активов казны являются инструментами управления казнью, позволяющими повышать эффективность ее использования.

В настоящее время учет имущества казны осуществляется с помощью двух основных взаимосвязанных систем – реестра имущества и бухгалтерского учета. Каждая из этих систем выполняет свои специфические функции и предоставляет различную информацию об имуществе [7]. Новый федеральный Стандарт бухгалтерского учета государственных финансов «Государственная (муниципальная) казна», утвержденный приказом Министерства финансов РФ № 84н, вступил в силу в 2023 г.¹⁴ Он раскрывает понятие «учет имущества казны» и определяет корректность отражения хозяйственных операций в бухгалтерском учете. Стандарт устанавливает единые требования к бюджетному учету активов, классифицируемых нефинансовыми активами имущества казны. Стандарт не применяется в отношении: а) биологических активов; б) библиотечных фондов, независимо от срока их полезного использования; в) финансовых инструментов; г) незавершенного производства, возникающего в деятельности получателя бюджетных средств, осуществляющего функ-

¹⁴ Приказ Минфина России от 15.06.2021 № 84н «Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета государственных финансов «Государственная (муниципальная) казна» (Зарегистрирован в Минюсте России 14.07.2021 № 64264. Федеральный стандарт «Государственная (муниципальная) казна» разработан в целях обеспечения единства системы требований к бюджетному учету активов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, операций, изменяющих указанные активы.

ции подрядчика по договорам строительного подряда, порядок учета которого устанавливается нормативно-правовыми актами, регулирующими ведение бюджетного учета и составление бюджетной отчетности; д) объектов, относящихся к активам культурного наследия.

Нефинансовые активы имущества казны – это являющиеся активами объекты государственного (муниципального) имущества, за исключением финансовых активов, составляющие государственную казну Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальную казну, включая основные средства, нематериальные активы, непроизведенные активы и материальные запасы, не закрепленные за государственными (муниципальными) предприятиями и учреждениями.

Важно отметить отличие трактования имущества казны в бухгалтерском учете, согласно Стандарту, от трактовки в Гражданском кодексе РФ, что связано в первую очередь с тем, что в учете недостаточно того, что имущество принадлежит субъекту РФ или муниципальному образованию, – необходимо, чтобы оно использовалось. Согласно п. 17 Стандарта № 84н, имущество казны в бухгалтерском балансе будет отражаться только тогда, когда оно соответствует критериям актива¹⁵. Следовательно, *в учете балансовое имущество трактуется следующим образом*.

Имущество казны – это то имущество, право собственности на которое принадлежит субъекту РФ или муниципальному образованию, и оно не закреплено за государственными и муниципальными учреждениями и предприятиями на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления. Кроме первого условия существует и второе: *это имущество обладает критериями актива*. То есть оно обладает полезным потенциалом или экономической выгодой, согласно пункту 36 Приказа Минфина России № 256н. Только после того, как комиссия примет решение, что имущество казны соответствует критериям актива, бухгалтер отражает его на соответствующих счетах бухгалтерского учета и отразит это имущество в балансе учреждения, а не на забалансовых счетах. Имущество казны – это понятие гражданского-правовое, а активы в составе имущества казны – это понятие учета.

Согласно Приказу Минфина России № 256н от 31 декабря 2016 г. Об утверждении федерального Стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора», (раздел III. Объекты бухгалтерского учета, пункты 36, 37): «Для целей бухгалтерского учета, формирования и публичного раскрытия показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности активом признается

¹⁵ Информация об объектах имущества казны, не соответствующих критериям признания актива, раскрывается на забалансовых счетах субъекта учета.

имущество, включая наличные и безналичные денежные средства, принадлежащее субъекту учета и (или) находящееся в его пользовании, контролируемое им в результате произошедших фактов хозяйственной жизни, от которого ожидается поступление полезного потенциала или экономических выгод. Контроль над активом имеет место, если субъект учета обладает правом использовать актив, в том числе временно, для извлечения полезного потенциала или получения будущих экономических выгод в процессе достижения целей своей деятельности (выполняемых функций, полномочий) и может исключить или иным образом регулировать доступ к этому полезному потенциальному или экономическим выгодам». Сразу возникает вопрос: в чем состоит полезный потенциал актива? Ответ на этот вопрос содержится в п. 37 Приказа 256н: «Для целей бухгалтерского учета полезный потенциал, заключенный в активе, – это его пригодность для:

- а) использования субъектом учета самостоятельно или совместно с другими активами в целях выполнения государственных (муниципальных) функций (полномочий) в соответствии с целями создания субъекта учета, осуществления деятельности по оказанию государственных (муниципальных) услуг либо для управленческих нужд учреждения, не обязательно обеспечивая при этом поступление указанному субъекту учета денежных средств (эквивалентов денежных средств);
- б) обмена на другие активы;
- в) погашения обязательств, принятых субъектом учета»¹⁶.

Все лишнее имущество, т. е. то, что не может использоваться как актив, государство берет на себя¹⁷.

Таким образом, новый этап в управлении имущественной казной характеризуется определенными положительными сдвигами в становлении учета. Однако сложность современной ситуации заставляет государство предпринимать дальнейшие шаги по совершенствованию управления, и в первую очередь это должно касаться качества учета имущества как базы для принятия правильных управленческих решений.

¹⁶ Министерство финансов Российской Федерации. Приказ от 31 декабря 2016 г. № 256н «Об утверждении федерального стандарта Бухгалтерского учета для организаций государственного Сектора “концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора”».

¹⁷ Министерство финансов Российской Федерации, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Приказ от 30 мая 2024 г. № 74 «Об утверждении методических рекомендаций о порядке рассмотрения предложений федеральных органов исполнительной власти и иных правообладателей о передаче излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению федерального имущества в государственную казну Российской Федерации и размещения информации о таком имуществе на официальном сайте Росимущества в разделе «Маркетплейс».

«Управление как процесс предназначено для воздействия управляющего субъекта на управляемый объект в целях реализации задач, которые стоят перед системой управления, а также для координации деятельности объектов управления. При осуществлении управления управляющий субъект имеет право получать информацию о поведении объекта управления, которая поступает из внутренней и внешней среды. После получения информации необходимо ее оценить и проанализировать, исходя из поставленных задач, для принятия управленческого решения, которое впоследствии необходимо передать объекту управления для осуществления управленческого воздействия» [8, с. 87].

Заключение

Усиленное внимание к государственному имуществу в настоящее время связано, на наш взгляд, с выстраиванием долгосрочной стратегии социально-экономического развития России, с обеспечением ее национальной безопасности и экономического суверенитета. Для достижения данной цели государство вынуждено балансировать между рыночными механизмами и государственным управлением структурной перестройкой с использованием государственных активов, которые должны приносить доход в бюджет и одновременно с этим активно участвовать (быть вовлечеными) в модернизацию российской экономики. «Государственная собственность является экономической базой для выполнения государством своих функций. В разные временные периоды государству необходимо решать определенные стратегические социально-экономические и политические задачи, выполнять регулирующие функции. Все это требует значительных финансовых затрат, привлечения различных типов активов и больших или меньших их объемов. Масштаб используемого государственного имущества может меняться, исходя из выбранных стратегий и тактики, временных ограничений, структуры и эффективности работы самой системы управления» [9, с. 31].

За последние 3-4 года проделана большая работа по формированию институциональной среды имущественной составляющей казны, начиная с федерального и до муниципального уровней управления. Реализуются мероприятия, способствующие дальнейшему развитию механизмов управления государственным (муниципальным) имуществом, основанных на таких основных принципах, как соответствие состава имущества функциям и полномочиям государства и открытость информации об объектах имущества, а также сделок с ними. Но этого недостаточно.

В качестве серьезных недостатков в сфере государственного управления материальными активами следует отметить:

- фрагментарность сведений, на основании которых принимаются управленческие решения;
- устоявшиеся сильные неформальные институты (правила, нормы), которые идут вразрез с формальными (например, коррупция в области имущества, административная рента и др.).
- низкий уровень управления рисками, вытекающими из неправильно поставленных целей в области использования активов казны. «В целом можно сказать, что выбор неадекватных целей вместо решения одних проблем может провоцировать возникновение других или новых “провалов государственного управления”» [10, с. 25].

Для повышения эффективности и качества государственного управления имущественной составляющей государственной казны прежде всего необходимо:

- 1) усилить прозрачность института учета и контроля имущества казны всех уровней (федерального, регионального и муниципального). В рамках учета необходима четкая процедура оценки стоимости передаваемого в ту или иную сторону имущества. В противном случае это приводит к имеющим негативные последствия управленческим ошибкам;
- 2) минимизировать основные риски или полностью исключить возможность их появления из-за неправильно принятых решений по использованию имущества казны. При этом достоверность данных должна сочетаться с оперативностью и быстротой протекания экономических процессов и их трансформации в современных условиях;
- 3) уделять особое внимание анализу возможных негативных последствий принятых на всех уровнях власти решений по приватизации и деприватизации имущества казны и оперативно реагировать на них.

Решение сложных задач, стоящих перед Россией на современном этапе исторического развития, требует совершенствования и повышения качества государственного управления, в том числе и управления государственным материальным имуществом, адекватного сложности решаемых проблем. Безусловно, в ближайшем будущем нужна новая концепция управления государственным имуществом, стратегическое ядро которой должно обладать следующими характеристиками: прозрачностью, эффективностью и ответственностью лиц, принимающих решения, за получаемые в итоге результаты.

Что касается долгосрочной перспективы, то в рамках новой концепции было бы правильным принять специальные государственные программы (с выделением целевых денежных средств для их реализации) на разработку процедур инвентаризации государственного

имущества с применением новых цифровых технологий, с новыми организационными структурами и профильными специалистами, с системой ответственности для лиц, принимающих решения в данной области. На базе проводимой инвентаризации следующим звеном в управлении имущественной казной могла бы стать информационная база государственного (муниципального) имущества с принятыми управленческими решениями, их мониторингом и отчетом по внесенным исправлениям. То есть так называемая информационная матрица учета и контроля: мониторинг принятых решений - оценка их эффективности – ответственность. На наш взгляд, в новых социально-экономических условиях роль общественно-экспертного сообщества также должно переоценить. Тогда эффекты и результаты от управления госимуществом будут соответствовать его предназначению и будут направлены на процветание нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Козлова С.В. Трансформация институтов управления государственным имуществом: итоги 2022–2024 // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. С. 42–57. [Kozlova S.V. Transformation of state property management institutions: results for 2022–2024 // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 5. Pp. 42–57. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_42_57. EDN: HWKQIA.
2. Мальгинов Г.Н., Радыгин А.Д. Проблемы управления имуществом государственной казны и реализация государственной программы «Управление федеральным имуществом» // Экономическое развитие России. 2014. Т. 21. № 8. С. 55–61. [Malginov G.N., Radygin A.D. Problems of managing the property of the state treasury and the implementation of the state program “Federal Property Management” // Economic development of Russia. 2014. Vol. 21. No. 8. Pp. 55–61. (In Russ.).] EDN: SNOPEZ.
3. Згонников П.П., Гладнева Е.П. Проблемы правового регулирования становления и развития государственной казны: история и пути развития // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2017. № 1. С. 9–14. [Zgonnikov P.P., Gladneva E.P. Problems of legal regulation of the formation and development of the state treasury: history and development paths // FES: Finance. Economy. Strategy. 2017. № 1. Pp. 9–14. (In Russ.).]
4. Козлова С.В., Звягинцев П.С. Трансформация государственной программы «Управление федеральным имуществом» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 90–105. [Kozlova S.V., Zvyagintsev P.S. Transformation of the state program “Federal Property Management” // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1. Pp. 90–105. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_90_105. EDN: PCLKGJ.
5. Козлова С.В., Грибанова О.М. Формирование институциональной среды управления казной в современной России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 66–81. [Kozlova S.V., Gribanova O.M. Formation of the institutional environment for treasury management in modern Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 4. Pp. 66–81. (In Russ.).]

6. Савина А.В. Отдельные категории и особенности имущественных отношений в сфере публичной финансовой деятельности // Legal Bulletin. 2024. № 1. Т. 9. С. 42–51. [Savina A.V. Certain categories and features of property relations in the sphere of public financial activity // Legal Bulletin. 2024. No. 1. Vol. 9. Pp. 42–51. (In Russ.).]
7. Макаркова В.Н. Учет имущества муниципальной казны Финконтроль. 2025. № 2. [Makarskova V.N. Accounting of property of the municipal treasury Financial Control. 2025. No. 2. (In Russ.).]
8. Хамалинская В.В., Хамалинский И.В., Кузнецова Е.К. Современные проблемы управления государственным имуществом в Российской Федерации // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2023. № 3 (46). С. 86–93. [Khamalinskaya V.V., Khamalinsky I.V., Kuznetsova E.K. Modern problems of state property management in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1. Economics and Management. 2023. No. 3 (46). Pp. 86–93. (In Russ.).]
9. Козлова С.В., Грибанова О.М. Институт имущественной казны и его роль в системе государственного управления // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. № 3. С. 30–39. [Kozlova S.V., Gribanova O.M. Institute of property treasury and its role in the public administration system // Management and business administration. 2019. No. 3. P. 30–39. (In Russ.).]
10. Братченко С.А. Целеполагание в государственном управлении: вопросы достижимости, релевантности и согласованности целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 24–46. [Bratchenko S.A. Goal setting in public administration: issues of achievability, relevance and consistency of goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 1. Pp. 24–46. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_24_46. EDN: FXOLFG.

Дата поступление рукописи: 18.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Светлана Вячеславовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором институтов и механизмов государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия

ORCID: 0009-0009-1708-4945

svk1020@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kozlova – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Sector, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0009-1708-4945

svk1020@mail.ru

PROPERTY TREASURY MANAGEMENT: TRANSFORMATION OF APPROACHES IN NEW SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

The article analyses the process of managing the transformation of the institute of property treasury in a dynamically changing institutional environment in Russia. The study was conducted taking into account the current geopolitical and socio-economic conditions, with an emphasis on current trends and innovations. The directions of improvement and development of the state management of the property treasury for the medium and long term are proposed.

Keywords: *state property, management institutions, conceptual approaches to state property management, strategic goals, transformation of state property management institutions.*

JEL: H82, H19.

В.Л. БЕРСЕНЁВ

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики УрО РАН

О.Н. БУЧИНСКАЯ

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики УрО РАН

АНАЛИЗ УГРОЗ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ С ПОМОЩЬЮ АЛГОРИТМОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

Увеличение количества экзогенных и эндогенных шоков, с которыми сталкиваются национальные экономики, а также различных способов внешнего негативного воздействия на экономику страны обуславливают необходимость диагностики угроз жизнестойкости экономики. На основе статистических данных РФ за период 1990–2023 гг. были выявлены восемь шоков различного типа, которые были классифицированы как внешние или внутренние, имеющие естественное либо искусственное происхождение. Часть из них стала точками бифуркации, изменившими вектор развития экономики России. Поскольку влияние искусственно вызванных шоков не может быть проанализировано с помощью детерминированных моделей, то для диагностики угроз жизнестойкости российской экономики возникла необходимость в использовании текущих статистических данных вместо длинных временных рядов. С этой целью авторами были использованы алгоритмы машинного обучения, в том числе определены отдельные алгоритмы машинного обучения, позволяющие достаточно точно диагностировать воздействия шоков на жизнестойкость экономической системы нашей страны. Наилучшие результаты показали алгоритмы AdaBoost и дерева решений. С помощью машинных вычислений были выявлены переменные, которые алгоритмы отбирали для диагностики шокового воздействия, а также определены пороговые значения показателей, которые использовали алгоритмы для диагностики шокового состояния экономики.

Ключевые слова: экономические шоки, экономические кризисы, жизнестойкость, устойчивость экономики, диагностика состояния экономики, машинное обучение.

УДК: 338.12.017

EDN: СВАРНВ

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_121_145

Введение

Циклические колебания, развитие по спирали, устойчивость к внешним воздействиям – термины, применяемые преимущественно в естественных и технических науках, стали востребованными и в общественных науках. В данном контексте можно отметить исследования, направленные на выявление закономерностей экономического развития, общих для разных способов производства и различных политических систем. Одна из таких закономерностей проявляется в циклических колебаниях конъюнктуры, а также в кризисах как своего рода реперных точках, характеризующих конец и начало определенных стадий развития социально-экономических систем. Современное состояние как мировой, так и национальных экономик, также включает в себя в качестве одного из имманентных признаков периодические шоковые воздействия различной природы. Тем самым остается актуальным вопрос о разработке новых подходов и новых инструментариев анализа наблюдаемых при этом процессов и явлений. Однако для его решения прежде всего требуется уточнить, что понимается под категориями, отражающими комплекс проблем, подпадающих под общее определение «кризисное состояние мировой (национальной) экономики».

Угрозы жизнестойкости экономики: от терминологии к содержанию

Теоретические поиски, восходящие еще к периоду расцвета классической школы политической экономии и получившие развитие в рамках неоклассики, кейнсианства, институционализма и ряда других направлений экономической мысли первой половины XX в., были направлены на обоснование и разработку инструментов прогнозирования экономических процессов и явлений. Одним из результатов анализа в данном направлении, в частности, явилось создание концепций цикла деловой активности различной продолжительности, появление разнообразных толкований природы экономических кризисов и т. д. Данные концепции развивались параллельно, и вполне естественно, что их зарождение, эволюция, научная и практическая судьба несут в себе существенные различия. При этом, к примеру, проблема среднесрочных колебаний изначально была связана с теорией экономических кризисов и логически вытекала из нее.

Между тем примечательно, что разработка теории кризисов начиналась с обоснования их невозможности или по меньшей мере случайности. Если У. Петти, Ф. Кенэ и А. Смит были просто не знакомы с данным явлением, то современник первых кризисов Д. Рикардо, отрицая неизбежность периодического перепроизводства товаров [1, с. 147, 245–247],

исходил из «закона рынков Сэя», впервые сформулированного в 1803 г. Суть его можно свести к одной фразе из главы V «Теория сбыта» знаменитого «Трактата политической экономии» Ж.Б. Сэя: «...сбыт для продуктов создается самим производством» [2, с. 36]. Иными словами, между производством и потреблением устанавливается соответствие, выражющееся в постоянном равновесии между совокупным спросом и совокупным предложением. Затруднения со сбытом какого-либо отдельного продукта, по мысли Ж.Б. Сэя, могли возникать лишь вследствие того, что прочие товары произведены в ненадлежащей пропорции.

Пожалуй, в наиболее законченном виде объяснение причин кризисных явлений неравномерностью развития различных отраслей предложил М.И. Туган-Барановский [3, с. 277–311]. Отталкиваясь от тезиса о диспропорциональности капиталистического производства как о ведущей причине кризисов, М.И. Туган-Барановский обратил внимание на тесную связь «фазисов капиталистического цикла» с колебаниями цен на железо: они бывали неизменно высоки в период подъема и низки – в период застоя, а промышленным кризисам нередко предшествовали биржевые кризисы. На фоне поверхностных и экзотических трактовок природы промышленного цикла концепция М.И. Туган-Барановского отличалась как обоснованностью, так и простотой объяснения, за которой скрывались возможности дальнейшего углубления анализа циклических колебаний в экономике.

Последующие исследования позволили распространить выявленные закономерности на циклы большей продолжительности – от длинных волн конъюнктуры Н.Д. Кондратьева [4] до технологических укладов С.Ю. Глазьева [5] и других концептуальных построений. В целом же было установлено, что, имея общие причины возникновения, повышательные стадии длинной волны и среднего цикла различаются не столько продолжительностью, сколько содержательно – составом и структурой обновляемого капитала. Однако данный подход, акцентируя внимание на материально-производственных (технико-технологических в первую очередь) аспектах природы экономического цикла и кризиса, не учитывает влияние на динамику и содержание хозяйственной практики со стороны политических, экологических, этнокультурных и иных факторов. Между тем *все они, и в совокупности, и по отдельности, образуют целую систему угроз, также обуславливающих возникновение кризисных явлений в экономике*. А.Дж. Тайнби, кроме непосредственно угроз, предусматривал в качестве обязательно сопутствующего элемента и «ответ», то есть реакцию общества на возникшую проблему. Более того, от варианта решения проблемы зависело дальнейшее развитие общества [6, с. 90]. В свою очередь А.С. Сенявский утверждал, что в настоящее время наука способна определить лишь вектор движения человечества на отрезках

истории, но пока не может в достаточной полноте и точности объяснить механизмы данного процесса. Причина такого рода неудач «в слабости самих гуманитарных и социальных наук, разобщенных в своей специализации и отстающих в своей инструментарной оснащенности от наук точных и естественных» [7, с. 39]. Поэтому, опираясь на схему А.Дж. Тойнби «Угрозы-и-Ответы», предлагается использовать метод системного анализа для рассмотрения «угроз как динамично изменяющегося комплекса проблем социума (внутреннего и внешнего порядка), угрожающих (ситуационно) самому существованию либо (стратегически) эффективному развитию социума» [7, с. 41]. В частности, аналогичный подход применял С.А. Нефёдов, выводящий анализ угроз и угроз за рамки практической конфликтологии, но с опорой на конкретный материал из российской истории XVII–XIX столетий [8; 9; 10].

Детальное изучение возникавших в прошлом угроз существованию или развитию государства подтверждает необходимость обращения к данной проблематике, рассматриваемой в контексте сложившейся в современном мире ситуации. При этом в работах исследователей угрозы рассматриваются как в философском, так и в конкретном политico-правовом измерении. К примеру, Э. Гидденс, выделяя четыре «значимых вида риска как следствие современности» (рост тоталитарной власти; ядерный конфликт большой войны; экологическое бедствие или кризис; крах механизмов экономического роста), предлагал весьма пессимистичный прогноз: «Обратной стороной модерна, и это никто на Земле фактически уже не может не осознать, может оказаться всего лишь “республика насекомых и травы” или группа поврежденных и травматизированных человеческих сообществ» [11, с. 345, 347].

В практическом плане разработка способов оценки и мер противодействия существующим и возможным угрозам сталкивается с определенными трудностями, связанными и с неясностью направленности и содержания угроз, так и с «персональным» составом объектов исследования. Это проявляется даже при принятии нормативных актов стратегического характера в рамках единого правового поля.

Тем не менее, при всей неопределенности общего перечня угроз, они способны порождать кризисы иррегулярного характера. Примерами тому могут служить экономические потрясения вследствие политических катаклизмов (революции, военные перевороты и т. д.) либо явлений природного характера (масштабные засухи или наводнения, пандемия COVID-19 и т. п.), ставшие в том числе следствием невнимания к нараставшим угрозам. Как показал Р. Очкин, экономические шоки наступают неожиданно, а следовательно, предсказать их крайне трудно или даже невозможно [12]. Шоки могут быть как одномоментными, так и медленно текущими, однако в любом случае любая экономическая система, по мысли В.В. Акбердиной, должна

быть способной дать определенный отклик на шок, что проявляется в степени жизнестойкости (резильентности) экономики, от которой зависят сроки выхода экономической системы из рецессии, восстановления и возобновления роста [13, с. 1414].

В связи с этим актуализируется вопрос о разработке и применении новых методических подходов и использовании оригинального инструментария для анализа кризисных явлений или шоков различного характера. В свое время Ф. Фукуяма, наблюдая серию революционных преобразований в Восточной Европе в конце 1980-х годов, высказал тезис о «конце истории», обусловленном повсеместным торжеством либеральной демократии» [14, с. 291]. «Новый дивный мир», по Ф. Фукуяме, не предполагал никаких грядущих кризисов, в том числе экономических. Между тем начиная с рубежа 1980–1990-х годов и мировая, и российская экономика пережили немало потрясений (кризисов, шоков). Это породило новую волну исследований стохастических шоков. С. Чаттерджи связывал нерегулярные шоки с колебаниями остатка Солоу в рамках теории реального делового цикла [15]. М. Галлегати построил модель, в которой стохастический шок воздействует на систему и заставляет ее менять тренд развития, допуская несколько динамических решений системы [16]. С. Нг сделал попытку использовать измерение экономической динамики путем учета шоков, связанных с пандемией COVID-19 [17]. Дж. Хурдузеу и др., используя авторегрессионную модель и динамическую факторную модель, сделали попытку учесть влияние таких шоков, как европейский долговой кризис, Brexit и пандемия COVID-19, на динамические взаимосвязи международной торговли [18]. К. Чен и др. исследовали жизнестойкость островных территорий Китая в условиях потрясений, вызванных финансовым кризисом 2008 г., новой экономической нормой и пандемией COVID-19, определяя детерминирующие факторы, влияющие на жизнестойкость [19]. С. Стасна и др. проанализировали связь между структурой промышленности и устойчивостью региональной экономики в Чехии во время пяти различных кризисов новой реальности [20]. Т. Нчофонг и И. Нгоухоу использовали обобщенный метод моментов для изучения факторов, определяющих устойчивость экономики в странах Африки к югу от Сахары [21].

Достаточно большое распространение получило исследование нерегулярной экономической динамики посредством использования инструментария теории хаоса. П. Чен продемонстрировал модель, в которой происходит фазовый переход от периодического движения к хаотическому [22]. Эта модель объясняла многопериодичность (в оригинале – multiperiodicity) и неравномерность бизнес-циклов, а также маломерность хаотических денежных атTRACTоров. М. Ахмет и др. исследовали возникновение хаоса в экономических моделях в результате экзо-

генных шоков [23]. Т. Алексеева и др. в своей работе привели результаты выявления детерминированного эндогенного механизма нерегулярных колебаний в экономике [24]. В.-Б. Занг утверждал, что хорошо наблюдаемое сложное поведение должно быть обусловлено сложными причинами, а нерегулярное поведение на фондовых рынках должно регулироваться множеством независимых компонентов под влиянием случайных внешних сил [25]. В то же время Дж. Орландо представил обновленную модель Калдора-Калецки с использованием элементов теории хаоса, которая может учитывать внешние шоки [26]. М. Фаразманд и Т. Сапсис фокусировались на триггерах как вероятностно выполнимых решениях задачи оптимизации с соответствующими ограничениями, где функция, подлежащая максимизации, представляет собой наблюдаемую систему, демонстрирующую периодические экстремальные всплески [27]. С. Чоудхури и др. решали вопрос прогнозирования экстремальных событий в двух различных контекстах с использованием динамической нестабильности и алгоритмов машинного обучения с использованием нейросети [28]. Р. Рай и др. использовали алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа влияния влияние цифровых финансов на повышение экономической устойчивости городов [29]. 3. Ву предложил систему измерения и анализа экономической устойчивости Китая на основе алгоритма машинного обучения XGBoost, используя алгоритм байесовской оптимизации (ВО), алгоритм экстремального повышения градиента (XGBoost) [30].

А. Виласис и др. использовали различные алгоритмы машинного обучения, включая логистическую регрессию, метод случайного леса, градиентный бустинг и искусственные нейронные сети для обнаружения жизнестойкости в регионах, пострадавших от пандемии, подчеркивая при этом, что результаты моделирования являются не причинно-следственными связями, а эмпирическими ассоциациями, что необходимо учитывать в разработке экономической политики, основанной на результатах моделирования [31]. М. К. Ахмед и др. подчеркивали роль машинного обучения и больших данных в разработке экономической политики стран [32]. Данные достижения экономической мысли обусловили наш подход к оценке жизнестойкости экономики России в условиях нерегулярного внутреннего и внешнего шокового воздействия.

Алгоритмы машинного обучения в контексте выявления угроз отечественной экономике

Многообразие факторов, порождающих экономические кризисы, затрудняет как анализ их природы, так и попытки предсказания ожидаемых потрясений. Впрочем, в специальной литературе достаточно детально рассматриваются методы прогнозирования кризисов, имею-

ших финансовую природу [33], однако к таковым относятся далеко не все негативные явления в мировой экономике. В частности, в России за последние три с половиной десятилетия непосредственно с последствиями кредитно-денежной политики были связаны лишь дефолт 1998 г. и последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Кроме того, ряд кризисов был порожден причинами неэкономического характера (например, пандемия COVID-19 и санкционное давление на Россию).

Для исследования возможностей машинного обучения в обнаружении шоков нами использовались четыре алгоритма машинного обучения, основанных на классификации данных. В виду малого объема наблюдений в первую очередь был задействован алгоритм адаптивного бустинга (AdaBoost) [34], посредством которого несколько слабых классификаторов объединяются во взвешенную сумму, представляющую собой окончательный результат расширенного классификатора. Также были использованы дерево решений [35], алгоритм случайного леса [36] и логистическая регрессия [37]. В исследовании были использованы статистические данные Мирового банка¹. В качестве показателей были отобраны:

- ежегодный прирост ВВП (в процентах);
- экспорт услуг (в долларах США по текущему курсу);
- изменение товарно-материальных запасов (ТМЗ) (в рублях по текущему курсу);
- экспорт промышленной продукции в страны с высоким уровнем дохода как процент от всего промышленного экспорта (далее – экспорт в СВУД);
- общая природная рента (представляющая собой сумму нефтяной, газовой, угольной, минеральной и лесной ренты) как процент от ВВП;
- чистый приток и отток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (в процентах от ВВП);
- индекс реального эффективного обменного курса (далее – индекс РЭОК) (2010 г. принят за 100 %);
- процент расходов на потребление от ВВП;
- процент государственных расходов от ВВП (далее – госрасходы);
- валовые сбережения как процент от ВВП.

Отбор осуществлялся путем исключения показателей, не ухудшающих качество модели. Для расчетов использовалась аналитическая среда Orange [38].

¹ DataBankWorld Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.05.2025).

В процессе применения алгоритмов машинного обучения выборка данных была случайным образом поделена пополам: 50% выборки использовалось для обучения алгоритмов, а другие 50% выступали в качестве тестовых данных. После этого было проведено 20 итераций оценивания выборки. Результаты тестирования обучающей выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели качества моделей в тренировочной выборке

Модель	AUC	Аккуратность классификации	F1-метрика	Точность	Полнота	MCC
Адаптивный бустинг	0,578	0,703	0,692	0,684	0,703	0,168
Дерево решений	0,584	0,715	0,694	0,684	0,715	0,164
Случайный лес	0,719	0,724	0,704	0,695	0,724	0,194
Логистическая регрессия	0,464	0,712	0,644	0,621	0,712	0,003

Источник: рассчитано авторами.

Показатель AUC является мерой качества классификатора относительно идеального. При этом только алгоритм случайного леса показывает удовлетворительное качество классификации, у алгоритмов адаптивного бустинга и дерева решений оно плохое, а модель логистической регрессии показывает неудовлетворительные результаты. Аккуратность классификации отражает, сколько наблюдений, как положительных, так и отрицательных, было правильно классифицировано. F1-метрика объединяет показатели «точность» и «запоминаемость» в один показатель, вычисляя среднее гармоническое между ними. Точность – доля истинных положительных прогнозов от всех положительных прогнозов, сделанных моделью. Коэффициент отзыва – это доля истинно положительных прогнозов от всех реальных положительных выборок в наборе данных. Коэффициент корреляции Мэтьюса (MCC) представляет собой коэффициент корреляции между фактическими и предсказанными моделью бинарными классификациями. В результате тренировочная модель правильно классифицирует порядка 70 % выборки, что не является удовлетворительным для прогнозирования, хотя следует иметь в виду, что в ряде случаев данных для анализа было недостаточно.

Результаты анализа

Как уже отмечалось, с начала современной экономической реформы Россия столкнулась с целой серией кризисов (шоков) раз-

личного содержания и направленности (наиболее значимые – см. табл. 2). Очевидно, большая их часть имела искусственное происхождение², хотя и с разными первопричинами. В ряде случаев это было внешнее воздействие (отстранение КПСС от власти и распад СССР, санкционное давление), в иных ситуациях – внутренние причины, связанные с нерациональной макроэкономической политикой.

Таблица 2

**Краткая характеристика кризисных явлений в экономике России
(1990–2022 гг.)**

Год	Основные события	Характер происхождения кризиса	Внешнее/внутреннее воздействие	Бифуркация
1991–1992	Распад СССР, начало современной экономической реформы	Искусственный	Внутреннее и внешнее	Да
1994	«Черный вторник» (обвал курса рубля 11 октября 1994 г.)	Искусственный	Внутреннее	Нет
1998	Дефолт 17 августа 1998 г.	Искусственный	Внутреннее	Да
2001	«Пузырь доткомов»	Естественный	Внешнее	Нет
2009	Последствия «Великой Рецессии»	Естественный	Внешнее	Да
2015	Санкционное давление после Крымского референдума	Искусственный	Внешнее	Да
2020	Пандемия коронавируса COVID-19	Естественный	Внешнее	Да
2022	Беспрецедентное санкционное давление после начала специальной военной операции	Искусственный	Внешнее	Да

Источник: составлено авторами.

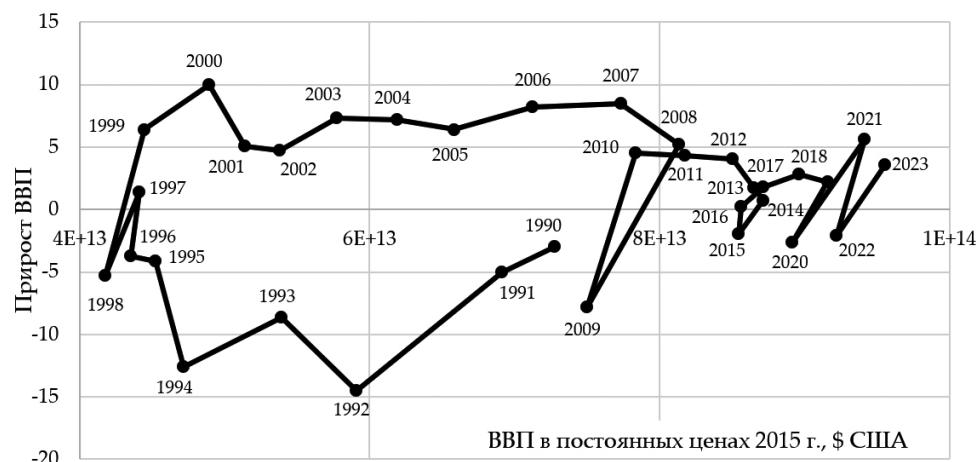
К шокам естественного характера можно отнести «кризис доткомов», достаточно специфический и произошедший за пределами России, но сокращение деловой активности и волатильность фондовых

² Авторы разделяют *шоки естественного происхождения*, связанные с влиянием объективно экономических диспропорций в мировой экономической системе, и *шоки искусственного происхождения*, связанные с намеренным воздействием на систему для ее выведения из текущего тренда развития.

рынков замедлили рост ВВП страны. Другим примером естественного шока является «Великая Рецессия», которая была вызвана естественным развитием цикла конъюнктуры в США, но это сказалось как на мировой, так и на российской экономике, пусть и с некоторым опозданием. Наконец, шок, вызванный COVID-19, представляет собой пример кризиса естественного происхождения, обусловленного объективным замедлением производства и торговли в связи с локдауном для противодействия распространению пандемии. Проблемы сугубо медицинского характера и ранее вызывали шоки в экономике и отдельных стран и даже континентов (чума в средневековой Европе наиболее показательна), но в 2020–2021 гг. пандемия обусловила сокращение объемов производства, снижение товарооборота и иные последствия практически во всех странах мира.

Все эти кризисные явления коррелируют с динамикой реального ВВП Российской Федерации, представленной в фазовой диаграмме на рис. 1. Тем самым можно дополнительно проследить продолжительность и глубину воздействия внешних и внутренних факторов, оказавших существенное влияние на жизнестойкость российской экономики. Исходя из имеющейся общей картины, анализ данных по годам, в соответствии с избранными алгоритмами машинного обучения, выявил следующий набор результатов, представленных в табл. 3. При этом наличие шока кодировалось как 1, а его отсутствие принимало в модели значение 0.

Достаточно наглядно было определено, что алгоритмы AdaBoost и дерева решений полностью справились с обнаружением шоков по введенным данным, в то время как алгоритм случайного леса допустил

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Фазовая диаграмма динамики ВВП России в 1990–2023 гг., в постоянных ценах 2015 г., в долл. США

один ложноположительный результат. Если обратить внимание на рис. 1 и табл. 3, то ложноположительный результат относится к 1993 г., в котором не наблюдалось непосредственных шоков в экономике, но сама экономическая система продолжала находиться в глубоком кризисе, демонстрируя лишь слабое оживление после 1992 г. Впрочем, и верные результаты давались с некоторыми погрешностями, а логистическая регрессия отметила восемь ложноотрицательных результатов, не отразив ни одного реального шока. При этом в правильно отмеченных результатах также наблюдались погрешности. Такой результат, возможно, связан с малым объемом выборки и с нелинейностью связи между шоками и анализируемыми данными.

Качество моделей по итоговой выборке можно оценить исходя из данных метрик, представленных в табл. 4. Необходимо отметить существенное расхождение в показателе *AIC* между тренировочными и тестовыми результатами. Это связано с малым количеством выборки, обусловленной нехваткой статистических данных в долгосрочном периоде, что является ограничением данного исследования, однако при накоплении статистической информации в будущем данная проблема может быть устранена. При анализе качества моделей необходимо уточнить два дополнительно применяемых параметра: специфичность и потери логистической регрессии. Специфичность – это доля истинно отрицательных классификаций в общем числе отрицательных классификаций. Функция потерь логистической регрессии измеряет степень расхождения прогнозируемой вероятности с фактической меткой. Соответственно, чем меньше значение потери логарифма, тем выше качество модели. Данные табл. 4 не только доказывают эффективность моделей адаптивного бустинга и дерева решений, но и позволяют выявить некоторые проблемы в работе алгоритма случайного леса и непригодность для прогнозирования модели логистической регрессии ввиду их крайне низкой специфичности. Вследствие этого результаты логистической регрессии были исключены из нашего дальнейшего рассмотрения. Результаты прогнозирования остальных алгоритмов приводятся далее исходя из логики простоты интерпретации результатов по принципу «от простого к сложному».

Наиболее простым для интерпретации является дерево решений, представленное на рис. 2. Светлым серым на рисунке выделены показатели, изменения в которых повышают вероятность шока, а темным серым – изменения с низкой вероятностью шока, белым – относительно нейтральные показатели. Цифра 0 в левом верхнем углу свидетельствует об отсутствии шоковых состояний, цифра 1 – о вероятности шоков, вызванных изменением данных показателей. На каждой ветви дерева алгоритм рассчитывает пороговые значения показателя, влияющие на вероятность наступления шока.

Таблица 3

**Результаты обнаружения и характеристики кризисных явлений
по годам с применением алгоритмов машинного обучения**

Наличие кризиса	Год	Предсказание AdaBoost	Ошибка Ada Boost	Предсказание дерева решений	Ошибка дерева решений	Предсказание случайного леса	Ошибка случайного леса	Предсказание логистической регрессии	Ошибка логистической регрессии
0	1990	0	0	0	0	0	0,175	0	0,287
1	1991	1	0	1	0	1	0,206	0	0,706
1	1992	1	0	1	0	1	0,251	0	0,714
0	1993	0	0	0	0	1	0,569	0	0,280
1	1994	1	0	1	0	1	0,025	0	0,546
0	1995	0	0	0	0	0	0,470	0	0,438
0	1996	0	0	0	0	0	0,445	0	0,422
0	1997	0	0	0	0	0	0,150	0	0,417
1	1998	1	0	1	0	1	0,1	0	0,581
0	1999	0	0	0	0	0	0,2	0	0,427
0	2000	0	0	0	0	0	0,454	0	0,431
1	2001	1	0	1	0	1	0,296	0	0,576
0	2002	0	0	0	0	0	0	0	0,408
0	2003	0	0	0	0	0	0	0	0,388
0	2004	0	0	0	0	0	0	0	0,360
0	2005	0	0	0	0	0	0	0	0,326
0	2006	0	0	0	0	0	0	0	0,289
0	2007	0	0	0	0	0	0	0	0,249
0	2008	0	0	0	0	0	0	0	0,19
1	2009	1	0	1	0	1	0,350	0	0,771
0	2010	0	0	0	0	0	0	0	0,219
0	2011	0	0	0	0	0	0	0	0,184
0	2012	0	0	0	0	0	0	0	0,168
0	2013	0	0	0	0	0	0	0	0,140
0	2014	0	0	0	0	0	0	0	0,153
1	2015	1	0	1	0	1	0,422	0	0,793
0	2016	0	0	0	0	0	0	0	0,211
0	2017	0	0	0	0	0	0	0	0,183

Окончание табл. 3

Наличие кризиса	Год	Предсказание AdaBoost	Ошибка Ada Boost	Предсказание дерева решений	Ошибка дерева решений	Предсказание случайного леса	Ошибка случайного леса	Предсказание логистической регрессии	Ошибка логистической регрессии
0	2018	0	0	0	0	0,045	0	0,156	
0	2019	0	0	0	0	0	0	0	0,166
1	2020	1	0	1	0	1	0,175	0	0,777
0	2021	0	0	0	0	0	0	0	0,192
1	2022	1	0	1	0	1	0,246	0	0,782
0	2023	0	0	0	0	0	0,178	0	0,259

Источник: рассчитано авторами.

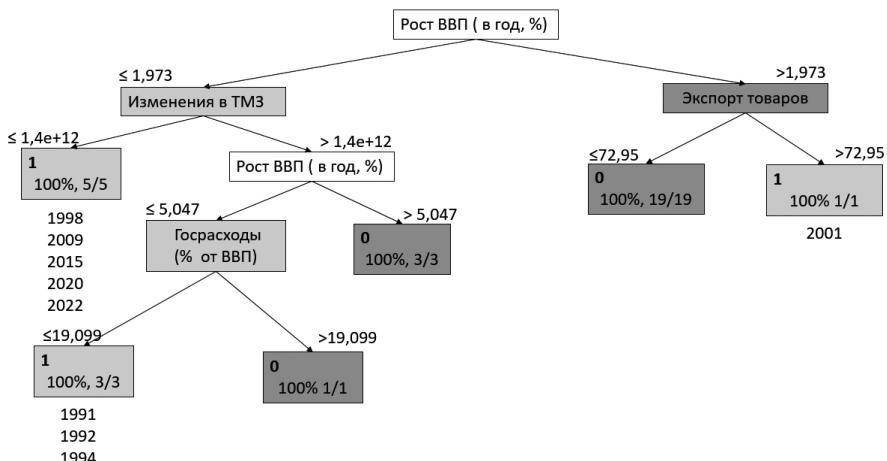
Таблица 4

Показатели качества моделей при выявлении кризисов (шоков) по фактическим данным

Модель	AUC	Аккуратность классификации	F1- метрика	Точность	Полнота	MCC	Специфичность	Потери
Адаптивный бустинг	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,000
Дерево решений	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	1,000	0,003
Случайный лес	1,000	0,971	0,971	0,974	0,971	0,930	0,989	0,175
Логистическая регрессия	0,618	0,735	0,623	0,541	0,735	0,000	0,265	0,572

Источник: рассчитано авторами.

На первом уровне было выявлено критическое значение роста ВВП в $-1,97\%$ для отнесения ситуации к возможным шокам. Это менее строгое ограничение, чем пороговые значения, выделяемые В.К. Сенчаговым и С.Н. Митяковым (не менее 6%) [39], а также В.В. Криворотовым и др. в диапазоне 0,5–4 % [40]. С другой стороны, Э.В. Дубинина и Е.В. Жилина рассматривают 2%-ное падение ВВП в 2020 г. в пределах нормы для года с тяжелой шоковой ситуацией, вызванной пандемией COVID-19 [41]. Это можно связать с разностью подходов: если в работах предыдущих исследователей использован нормативный подход к определению пороговых индикаторов шока, то в настоящей работе

Источник: рассчитано авторами по данным DataBankWorld Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.05.2025).

Рис. 2. Результаты выявления шоков посредством алгоритма дерева решений

использован позитивный подход, основанный на машинном анализе имеющихся данных с учетом экономической турбулентности, сложившейся в новейшей экономической реальности.

В случае, если падение ВВП оказалось менее заданного критерия, вероятность шока значительно снижается, однако не исключается: правая ветвь дерева показывает вероятность шока при малом падении роста ВВП, если имеется значительная зависимость от экспорта в СВУД. В данном случае было рассчитано пороговое значение в 72,95%, при котором прогнозируется вероятность шока. Это иллюстрирует «кризис доткомов», когда шок 2001 г. оказался связан со значительной зависимостью экономики России от внешних связей с развитыми странами, на которые оказал прямое влияние данный кризис, и, соответственно, последствия лопнувшего в развитых странах пузыря негативно отразились на экономике страны за счет падения минеральной ренты и сокращения экспорта.

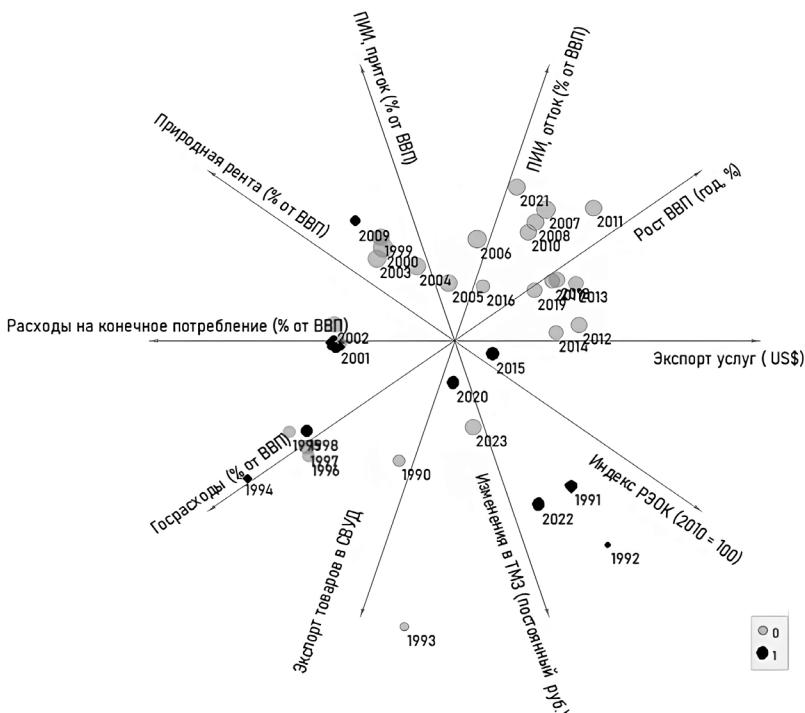
Случаи падения ВВП более чем на -1,97 % анализировались по левой ветви дерева решений. Основное внимание алгоритма было посвящено выявлению порогового значения изменения в запасах. Критическим порогом изменений оказалась сумма в 1399,5 млрд руб. (в постоянных ценах). Подобное падение характеризовало шоки 1998, 2009, 2015, 2020 и 2022 г. Под этот же критерий подпадали 1999, 2016 и 2018 г., однако они не были признаны шоковыми ввиду положительного прироста ВВП в эти годы. Остальные индикаторы не поддаются сравнительному анализу, поскольку не были задействованы для анализа шоков в известных на текущий момент исследованиях.

В случае, если инвестиции в ТМЗ превышали пороговый уровень в 1399,5 млрд руб., алгоритмом применялся критерий прироста ВВП с новым пороговым значением падения в -5,05 %, отражающим глубокое системное падение ВВП. В качестве внекризисных были отмечены 1990, 1995 и 1996 г., когда падение ВВП не достигло порогового значения. Еще одним показателем, свидетельствующим о глубоком падении, стал уровень государственных расходов с пороговым значением в 19,1% от ВВП. Исходя из данного критерия, 1993 г. был признан годом без шоков (что соответствует данным рис. 2), когда динамика показала некоторое улучшение, несмотря на общее депрессивное состояние российской экономики. Падение же государственных расходов ниже порогового уровня наблюдалось в 1991, 1992 и 1994 г.

Тем самым напрашивается вывод, что дерево решений, при наличии значительного количества данных, представленных в фиксированных ценах илиолях от ВВП, способно достаточно точно выявить случившиеся шоки вне зависимости от того, были ли они естественного или искусственного происхождения, а также определить критерии, отвечающие за угрозу жизнестойкости системы.

Поскольку алгоритм адаптивного бустинга использует ансамбль из слабых классификаторов, четкую логику построения системы выбора для построения системы классификации достаточно трудно выразить в двумерном пространстве. С этой целью нами был использована диаграмма FreeViz аналитической среды Orange, представленная на рис. 3. Точки на графике (кризисные годы отмечены черным цветом, не кризисные – серым, размер точек определяется приростом/падением ВВП, в %) показывают влияние 10 наиболее значимых переменных на классификацию экономической ситуации по степени схожести. Точки из одного класса притягиваются друг к другу, точки из разных классов отталкиваются друг от друга, а результирующие силы воздействуют на единичные векторы каждой размерной оси.

К сожалению, алгоритм не позволяет рассчитать однозначные пороговые значения для иллюстрации принятия решений об отнесении того или иного года к кризисному либо к бескризисному, но позволяет показать участие отдельного фактора в итоговой классификации. Исходя из данных рисунка, видно, что наибольшее влияние для классификации бескризисных лет дали показатели прироста ВВП, притока и оттока ПИИ и экспорта услуг. Для классификации кризисных лет были задействованы индекс РЭОК, изменение ТМЗ, а также другие переменные, специфичные для каждого отдельного шока. При этом видно, что бескризисные годы имеют тенденцию к группировке по отдельным признакам, а кризисные годы – к обособленности, поскольку каждый из анализируемых шоков достаточно уникален и является различную картину реакции экономической системы на угрозу жизнестойкости.

Источник: рассчитано авторами по данным DataBankWorld Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.05.2025).

Рис. 3. Влияние 10 наиболее значимых переменных на классификацию экономической ситуации по степени схожести алгоритмом аддитивного бустинга

Алгоритм случайного леса на основе пяти деревьев с глубиной 10 выстроил несколько критериев отнесения периода к кризисному. Как видно из данных табл. 5, алгоритм не только предлагает различные критерии для определения наличия кризиса, но также сам, на основе критерия информационного прироста, отбирает переменные, используемые в анализе, и подбирает различные пороговые значения для классификации периода в кризисные либо в бескризисные годы – это свойство алгоритма случайного леса, в котором происходит выбор случайных пороговых значений для каждого признака вместо поиска наилучшего, как это реализовано в алгоритме дерева решений. В виду данной неопределенности полученные результаты достаточно трудно интерпретировать и соотнести с тем или иным конкретным кризисом. Более того, это может привести к ложной классификации при незначительных изменениях показателей (о чём свидетельствовали данные табл. 3 и 4), поэтому данный алгоритм признан менее желательным для исследования кризисных явлений по сравнению с алгоритмами простого дерева решений и аддитивного бустинга.

Таблица 5

**Критерии и пороговые значения алгоритма случайного леса
для выявления шоков**

Критерии	
Дерево 1	Природная рента $\leq 7,604\%$ от ВВП
	Природная рента $> 7,604\%$ от ВВП в сочетании с экспортом в СВУД $> 73,772$
	Природная рента $> 7,604\%$ от ВВП в сочетании с экспортом в СВУД $\leq 73,772$ и изменениями в ТМЗ $\leq -1061\,499\,994\,112$ руб.
	Природная рента $> 7,604\%$ от ВВП в сочетании с экспортом в СВУД $\leq 73,772$ и изменениями в ТМЗ $> -1061\,499\,994\,112$ руб., ростом ВВП $\leq -0,890\%$ и притоком ПИИ $\leq 0,512\%$ от ВВП
Дерево 2	Госрасходы $\leq 16,815\%$ от ВВП
	Госрасходы $> 16,815\%$ от ВВП при индексе РЭОК $\leq 54,552$
	Госрасходы $> 16,815\%$ от ВВП при индексе РЭОК $> 54,552$ и природной ренте $\leq 5,946\%$ от ВВП
	Госрасходы $> 16,815\%$ от ВВП при индексе РЭОК $> 54,552$ и природной ренте $> 5,946\%$ от ВВП, в сочетании с притоком ПИИ $\leq -1,127\%$ от ВВП
Дерево 3	Природная рента $\leq 8,374\%$ от ВВП при росте ВВП $\leq -0,667\%$
	Рост ВВП $> -0,667\%$ в сочетании с экспортом в СВУД $> 73,772$
Дерево 4	Природная рента $\leq 8,376\%$ от ВВП
	Природная рента $> 8,376\%$ от ВВП в сочетании с госрасходами $\leq 20,786\%$ от ВВП и оттоком ПИИ $\leq 0,926\%$ от ВВП
Дерево 5	Отток ПИИ $\leq 0,212\%$ от ВВП
	Отток ПИИ $> 0,212\%$ от ВВП в сочетании с госрасходами $\leq 16,691\%$ от ВВП

Источник: рассчитано авторами по данным DataBankWorld Development Indicators. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 20.05.2025).

Приведенные деревья решений показывают, что отклонение одного параметра не является необходимым и достаточным показателем шока, и даже при благополучном пороговом значении базового параметра шок может возникнуть при неблагоприятном сочетании дополнительных параметров.

Рассмотрим дерево 1. Низкая доля природной ренты может делать страну более уязвимой к внешним шокам за счет ограниченных воз-

можностей накопления ресурсов для предотвращения шоков или смягчения их последствий. Однако рента выше пороговой может и сокращать возможности развития нересурсной экономики и делать страну более зависимой от цен на энергоносители. Значительная доля экспорта в СВУД повышает возможность «заражения» кризисными явлениями от стран, переживающих экономический кризис (как показали шоки 2001, 2009 и 2020 г.), а также делает страну уязвимой в случае недружественных действий данных стран. Снижение ТМЗ ниже порогового уровня может привести к повышению уязвимости экономики к шокам за счет торможения собственного производства, роста зависимости от импорта, повышения инфляционного давления, в то время как приток ПИИ связан с ростом доли иностранного бизнеса в стране, что также приводит к увеличению ее зависимости от внешних связей, не всегда действующих в интересах страны.

Если рассматривать дерево 2, то тут базовым показателем являются низкие государственные расходы, которые указывают на хроническое недофинансирование критически важных сфер – инфраструктуры, образования, здравоохранения, что делает экономику менее конкурентоспособной и устойчивой в долгосрочной перспективе, повышая ее уязвимость к шокам. Кроме того, при угрозе внешних шоков у государства не хватает финансовых ресурсов для проведения активной антикризисной политики, а принимаемые антикризисные меры вызывают минимальный мультиплекативный эффект. РЭОК ниже порогового значения показывает слабость национальной валюты, что ведет к удорожанию импорта, разгону инфляции, росту издержек национального бизнеса и оттоку капитала, однако его завышение приводит к проблемам уязвимости от размера природной ренты и притоков ПИИ, рассмотренных в рамках дерева 1.

Дерево 3 фактически является упрощенной разновидностью дерева 1 с измененными пороговыми значениями ренты и роста ВВП. Дерево 4 показывает уязвимость экономики при природной ренте выше порогового уровня, но в сочетании с низкими государственными расходами и оттоком ПИИ, что снижает инвестиционные возможности экономики, особенно в сочетании с нежеланием или невозможностью государства поддерживать отечественный бизнес. Дерево 5 показывает угрозу кризиса при оттоке ПИИ выше порогового уровня в сочетании с низкими государственными расходами либо при оттоке ПИИ ниже порогового уровня, что хоть и в меньшей степени, но является признаком вывода капитала из страны и сокращения инвестирования в экономику, а эти явления приводят к торможению экономического развития страны и снижают жизнестойкость национальной экономики.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что прогнозирование кризисных явлений (вне зависимости от их проис-

хождения) посредством классификации с использованием алгоритмов машинного обучения является возможным и выполнимым, хотя для этого необходим подбор и обучение алгоритмов. Критически важными для прогнозирования являются полнота и длительность периода наблюдения, чтобы можно было аккумулировать данные, достаточные для обучения алгоритмов. Однако экстраполяция такой классификации на будущие периоды затруднена ввиду как недостатка информации для прогнозов, так и вследствие повышенного количества шоков, вызванных искусственно и, соответственно, не зависящих от циклических колебаний в развитии экономической системы.

Заключение

Современная экономика претерпевает метаморфозы, включающие повышение непредсказуемости экономических процессов и участие экономических кризисов, которые могут представлять собой не только естественные колебания, происходящие в рамках циклов и поддающиеся анализу, но также и ациклические шоки, которые могут возникать из-за событий, не связанных напрямую с экономическими процессами, как, например, пандемия COVID-19, а также шоки, которые имеют рукотворный характер и непосредственно нацелены на то, чтобы вывести из равновесия ту или иную национальную экономическую систему.

В работе мы провели классификацию подобных шоков, используя исторические факты и статистические данные Российской Федерации за период 1990–2023 гг., классифицировав шоки по происхождению на внешние и внутренние, имеющие естественное либо искусственное происхождение, и определили шоки, ставшие, по сути, точками бифуркации, после которых наблюдались качественные изменения в экономике, определявшие новые траектории экономического развития страны. Все это многообразие шоков является угрозами для жизнестойкости экономической системы государства, поэтому одной из задач по повышению экономической устойчивости страны является возможность выявления этих угроз в текущем времени с целью своевременной разработки мер по противодействию им. Учитывая, что многообразие шоков различного происхождения не поддается традиционным, основанным на анализе длинных временных рядов способам предсказания, нашей задачей стало выявление возможностей определения угроз для жизнестойкости страны средствами машинного обучения.

Результаты нашего исследования показали, что оптимальной диагностической способностью обладают алгоритмы AdaBoost и дерева решений. При этом если адаптивный бустинг позволяет определять

только факт наличия угрозы, алгоритм дерева решений позволяет определить пороговые значения показателей, отслеживание которых может обеспечить диагностирование угрозы жизнестойкости экономики. Алгоритм случайного леса показал наличие ложных предсказаний и допускает многозначность трактовок изменения показателей, что делает его менее удобным в использовании на практике. Результаты исследования могут быть использованы органами власти для выбора комплекса дополнительных показателей для отслеживания изменений в жизнестойкости национальной экономики при разработке комплекса мер по противодействию шокам.

Мы вынуждены отметить, что существенным ограничением потенциала использования машинного обучения для диагностики угроз жизнестойкости страны является ограниченность статистических данных. Недостаток данных существенно снижает качество оценки и возможности экстраполяции результатов. Особенно важно обеспечение непрерывности и единобразия данных, поскольку смена методологии расчетов показателей, часто встречающаяся в отечественной статистике, использование интерполяции для заполнения пропущенных данных или их игнорирование может привести к искажению результатов диагностики. В то же время при наличии значительного количества непрерывных статистических данных будет возможно осуществить продолжение данного исследования в двух направлениях: во-первых, методика может быть адаптирована для диагностики угроз жизнестойкости на региональном уровне, что будет полезно для региональных органов власти в рамках осуществления проектов развития территорий. Во-вторых, при условии накоплении информации за значительный период времени, будет возможно осуществлять прогнозные исследования для экстраполяции модели на будущие периоды.

Дальнейшие исследования в данной области могут заключаться не только в поиске и использовании иных алгоритмов машинного обучения для выявления наиболее эффективных алгоритмов диагностики определения наиболее комплексного набора показателей, но также и в обеспечении возможности определения эффективности тех или иных мер по преодолению шоков и укрепления жизнестойкости экономики нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2007. [Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.).]
2. Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии // Библиотека экономистов. Выпуск VII. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1896. С. 1–112. [Sey J.B. A treatise on political economy // Library of Economists. Issue VII. Moscow: Publishing house of K.T. Soldatenkov, 1896. Pp. 1–112. (In Russ.).]
3. Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. [Tugan-Baranovsky M.I. Selections. Periodic industrial crises. The history of the English crises. The General Theory of Crises, Moscow: Nauka, The Russian Political Encyclopedia (ROSSPAN), 1997. (In Russ.).]
4. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры: Доклад // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 170–411. [Kondratiev N.D. Large cycles of the market: the report // N.D. Kondratiev. Problems of economic dynamics, Moscow: Ekonomika, 1989. Pp. 170–411. (In Russ.).]
5. Глазьев С.Ю. Некоторые закономерности технико-экономического развития и возможности ускорения НТП // Известия АН СССР: Серия экономическая. 1987. № 3. С. 3–15. [Glazev S.Y. Some patterns of technical and economic development and the possibility of accelerating scientific and technological progress. // Izvestia of the USSR Academy of Sciences: Economic Series. 1987. No. 3. Pp. 3–15. (In Russ.).]
6. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996. [Toynbee A. J. A Study of History. Moscow: Progress, 1996. (In Russ.).]
7. Сенявский А.С. Большие вызовы в имперской и советской истории России: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник. 2018. № 2. С. 39–48. [Senyavsky A.S. Big challenges in the imperial and soviet history of Russia: comparative analysis // Ural Historical Journal. 2018. No. 2. Pp. 39–48. (In Russ.).] DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-39-48. EDN: UQVEQA.
8. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России (на примере допетровских и петровских реформ, 1615–1725) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 78–87. [Nefedov S.A. “Challenges” and “Responses” in the history of Russia (using the example of the pre-Petr and Petr reforms, 1615–1725) // Sociological Research. 2017. No. 9. Pp. 78–87. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S0132162517090094. EDN: ZFTRNP.
9. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России XVIII века // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 130–139. [Nefedov S.A. “Challenges” and “responses” of the 18th century Russia // Sociological research. 2018. No. 10. Pp. 130–139. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S013216250002165-4. EDN: YOUXVZ.
10. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России: первая половина XIX века // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 86–96. [Nefedov S.A. “Challenges” and “responses” in Russian history: the first half of the 19th century // Sociological research. 2019. No. 6. Pp. 86–96. (In Russ.).] DOI: 10.31857/S013216250005484-5. EDN: KHTCVI.
11. Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 340–347. [Giddens E. The Consequences of Modernity // Philosophy of history: An anthology. Moscow: Aspect Press, 1995. Pp. 340–347. (In Russ.).]

12. Очкин Р.О. Теоретико-методологические аспекты исследования внешних шоков как детерминирующего фактора национально-государственных экономических интересов // Теоретическая экономика. 2018. №. 2 (44). С. 161–167. [Ochkin R.O. Theoretical and methodological aspects of the study of external shocks as a determinant factor of national and state economic interests // Theoretical economics. 2018. No. 2 (44). Pp. 161–167. (In Russ.).] EDN: YPTVML.
13. Акбердина В.В. Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 7. № 8. С. 1412–1432. [Akberdina V.V. Factors of resistance in the Russian economy: a comparative analysis for the period 2000-2020 // National interests: priorities and security. 2021. Vol. 7. No. 8. Pp. 1412–1432. (In Russ.).] DOI: 10.24891/ni.17.8.1412. EDN: UTWWQM.
14. Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории: Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 200–310. [Fukuyama F. The end of history? // Philosophy of History: An Anthology. Moscow: Aspect Press, 1995. Pp. 200–310. (In Russ.).]
15. Chatterjee S. From cycles to shocks: Progress in business cycle theory // Business Review. 2000. Vol. 3. Pp. 27–37. <https://core.ac.uk/download/pdf/6648921.pdf> (accessed: 20.05.2025).
16. Gallegati M. Irregular business cycles // Structural Change and Economic Dynamics. 1994. Vol. 5. No. 1. Pp. 73–79. DOI: 10.1016/S0954-349X(05)80020-7.
17. Ng S. Modeling macroeconomic variations after COVID-19. National Bureau of Economic Research, 2021. No. w29060. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29060/w29060.pdf (accessed: 20.05.2025).
18. Hurduzeu G., Lupu R., Lupu I., Filip R. I. Evolving Economic Relationships: A TVP-VAR Analysis of Trade, World Uncertainty, and Stock Market Volatility in Europe // Economic Computation & Economic Cybernetics Studies & Research. 2024. Vol. 58. No. 4. Pp. 20–41. DOI: 10.24818/18423264/58.4.24.02.
19. Chen K., Di Q., Chen X. The resilience of island economy in the face of adverse shocks and its influencing factors: A case study from county-level islands in China // Marine Policy. 2024. Vol. 165. Pp. 106178. DOI: 10.1016/j.marpol.2024.106178.
20. Šťastná S., Ženka J., Krtička L. Regional economic resilience: insights from five crises // European Planning Studies. 2024. Vol. 32. No. 3. Pp. 506–533. DOI: 10.1080/09654313.2023.2267250.
21. Nchofoung T. N., Ngouhouo I. Determinants of economic resilience response in sub-Saharan Africa to a common exogenous shock: roles of demographic differences, exchange rate regimes and institutional quality // Journal of Social and Economic Development. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 186–213. DOI: 10.1007/s40847-023-00258-9.
22. Chen P. Empirical and theoretical evidence of economic chaos // System Dynamics Review. 1988. Vol. 4. No. 1–2. Pp. 81–108. DOI: 10.1002/sdr.4260040106.
23. Akhmet M., Akhmetova Z., Fen M. O. Chaos in economic models with exogenous shocks // Journal of Economic Behavior & Organization. 2014. Vol. 106. Pp. 95–108. DOI: 10.1016/j.jebo.2014.06.008.
24. Alexeeva T. A., Kuznetsov N. V., Mokaev T. N. Study of irregular dynamics in an economic model: attractor localization and Lyapunov exponents // Chaos, Solitons & Fractals. 2021. Vol. 152. Pp. 111365. DOI: 10.1016/j.chaos.2021.111365. EDN: CYHAVX.
25. Zhang W. B. Chaos, complexity, and nonlinear economic theory/ World Scientific, 2023.

26. Orlando G., Sportelli M. On business cycles and growth // Nonlinearities in Economics: An Interdisciplinary Approach to Economic Dynamics, Growth and Cycles. 2021. Pp. 153–168.
27. Farazmand M., Sapsis T. P. Extreme events: Mechanisms and prediction // Applied Mechanics Reviews. 2019. Vol. 71. No. 5. Pp. 050801. DOI: 10.1115/1.4042065.
28. Chowdhury S.N., Ray A., Dana S.K., Ghosh D. Extreme events in dynamical systems and random walkers: A review // Physics Reports. 2022. Vol. 966. Pp. 1–52. DOI: 10.1016/j.physrep.2022.04.001.
29. Ray R.K., Sumsuzoha M., Faisal M.H., Chowdhury S.S., Rahman Z., Hossain E., Rashid M.M., Hossain M., Rahman M.S. Harnessing Machine Learning and AI to Analyze the Impact of Digital Finance on Urban Economic Resilience in the USA // Journal of Ecohumanism. 2025. Vol. 4. No. 2. Pp. 1417–1442. DOI: 10.62754/joe.v4i2.6515.
30. Wu Z. Evaluation of Provincial Economic Resilience in China Based on the TOPSIS-XGBoost-SHAP Model // Journal of Mathematics. 2023. Vol. 2023. No. 1. Pp. 6652800. DOI: 10.1155/2023/6652800.
31. Villacis A. H., Badruddoza S., Mishra A. K. A machine learning-based exploration of resilience and food security // Applied Economic Perspectives and Policy. 2024. Vol. 46. No. 4. Pp. 1479–1505. DOI: 10.1002/aepp.13475.
32. Ahmed M.K., Bhuiyan M.M. R., Saimon A.S. M., Hossain S., Hossain S., Manik M.M.T.G., Rozario E. Harnessing Big Data for Economic Resilience the Role of Data Science in Shaping US Economic Policies and Growth // Journal of Management. 2025. Vol. 2. Pp. 26–34. DOI: 10.53935/jomw.v2024i4.865.
33. Данилов Ю.А., Пивоваров Д.А., Даудыдов И.С. К вопросу о предвидении глобальных финансово-экономических кризисов // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. №. 1. С. 87–104. [Danilov Yu.A., Pivovarov D.A., Davydov I.S. On the issue of anticipating global financial and economic crises // Finance: theory and practice. 2020. Vol. 24. No. 1. Pp. 87–104. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-1-87-104. EDN: YBOVDS.
34. Freund Y., Schapire R., Abe N. A short introduction to boosting // Journal-Japanese Society For Artificial Intel-ligence. 1999. Vol. 14. No. 5 Pp. 771–780.
35. Quinlan J. R. Induction of decision trees // Machine learning. 1986. Vol. 1. Pp. 81–106. DOI: 10.1007/BF00116251.
36. Breiman L. Random forests // Machine learning. 2001. Vol. 45. Pp. 5–32. DOI: 10.1023/A:1010933404324.
37. Hosmer Jr/D.W., Lemeshow S., Sturdivant R.X. Applied logistic regression. John Wiley & Sons, 2013. DOI: 10.1002/9781118548387.
38. Demšar J., Curk T., Erjavec A., Gorup C., Hočevat T., Milutinović V., Možina M., Matija Polajnar M., Toplak M., Starić A., Štajdohar M., Umek L., Žagar L., Žbontar J., Žitnik M., Zupan B. Orange: data mining toolbox in Python // The Journal of machine Learning research. 2013. Vol. 14. No. 1. Pp. 2349–2353.
39. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. 2011. № 5. С. 41–50. [Senchagov V. K., Mityakov S.N. Using the index method to assess the level of economic security // Bulletin of Economic Security. 2011. No. 5. Pp. 41–50. (In Russ.).] EDN: OGXLJL.

40. Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Т. 18. № 6. С. 892–910. [Krivorotov V.V., Kalina A.V., Belik I.S. Threshold values of indicative indicators for diagnostics of economic security of the Russian Federation at the present stage // Bulletin of UrFU. Economics and Management series. 2019. Vol. 18. No. 6. Pp. 892–910. (In Russ.).] DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.043. EDN: JRQDEP.
41. Дубинина Э.В., Жилина Е.В. Диагностика угроз экономической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. 2023. С. 498–508. [Dubinina Je.V., Zhilina E.V. Diagnostics of threats to the economic security of the Russian Federation // Actual problems of science and education in the context of modern challenges. 2023. Pp. 498–508. (In Russ.).] DOI: 10.34755/IROK.2023.29.97.092. EDN: QNVSUR.

Дата поступления рукописи: 30.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Берсенёв Владимир Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-3554-6965
colbers@bk.ru

Бучинская Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия
ORCID: 0000-0002-5421-2522
buchinskaia.on@uiec.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir L. Bersenev – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Urals Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3554-6965
colbers@bk.ru

Olga N. Buchinskaia – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics of the Urals Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-5421-2522
buchinskaia.on@uiec.ru

ANALYSIS OF THREATS TO THE RESILIENCE OF THE RUSSIAN ECONOMY USING MACHINE LEARNING ALGORITHMS

The increasing number of exogenous and endogenous shocks faced by national economies, as well as various measures of external negative impact on the country's economy, necessitate a diagnosis of threats to the viability of the economy. Based on the statistical data of the Russian Federation for the period 1990–2023, eight different types of shocks were

identified, which were classified as external or internal, natural or artificial in origin. Some of these became bifurcation points, changing the vector of Russian economic development. Since the impact of artificially induced shocks cannot be analyzed through deterministic models, it becomes necessary to use current statistical data instead of analyzing long time series to diagnose threats to the resilience of the Russian economy. To this end, the authors used machine learning algorithms, including identifying specific machine learning algorithms that allow for a fairly accurate diagnosis of the impact of shocks on the resilience of our country's economic system. The AdaBoost and decision tree algorithms demonstrated the best results. Machine learning was used to identify the variables the algorithms selected for shock impact diagnostics, as well as to determine the threshold values for the indicators used by the algorithms to diagnose economic shocks.

Keywords: *economic shocks, economic crises, resilience, economic stability, economic diagnostics, machine learning.*

JEL: E37.

О.Н. ГУТНИКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга,
торгового и таможенного дела Института экономики и управления
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Н.Н. КАЛЬКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга,
торгового и таможенного дела Института экономики и управления
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВОСПРИЯТИЕ УПАКОВКИ ТОВАРА ПОТРЕБИТЕЛЯМИ¹

В статье рассмотрены различные факторы, влияющие на восприятие товара потребителями, проведена оценка влияния отдельных аспектов товарной информации, нанесенной на упаковку товара. Объектом исследования послужили разные марки фруктового сока. В качестве методологии исследования использовался нейромаркетинг, а конкретно – технология айтрекинга. В работе дана характеристика требований национальных стандартов Российской Федерации в отношении правил нанесения товарной информации. Была предпринята попытка определить уровень влияния формирующегося у покупателя когнитивного диссонанса, возникающего в случае фиксации внимания на наименовании, нанесенном на упаковку с товарами, с неправильно поставленными переносами, а также определить степень возникновения желания совершить покупку или факта образования негативного восприятия с учетом данного маркетингового хода. Нейромаркетинговое исследование не выявило положительного влияния намеренно допущенных орфографических ошибок в названии продукта на формирование покупательского интереса. Окулографический анализ подтвердил, что некорректные переносы в названиях оказывают незначимое воздействие на восприятие товара. Выявлено, что ключевыми факторами привлечения внимания являются площадь размещения названия, его когнитивная доступность, обусловленная узнаваемостью бренда, тогда как второстепенные типографические погрешности нивелируются целостностью восприятия и нисходящей обработкой зрительной информации, а также месторасположением товара на полке.

Ключевые слова: товарная информация, упаковка товара, параметры информации, когнитивный диссонанс, нейромаркетинговое исследование, потребительское восприятие, орфографические ошибки, технология eye-tracking.

УДК: 346.544.44, 339.138

EDN: IHNKDM

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_146_166

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20286.
<https://rscf.ru/project/25-28-20286/>

Введение

Информация о товаре представляется нам в качестве сведений, предназначенных для пользователей и покупателей. По признаку направленности вся товарная информация делится на основополагающую и коммерческую. Именно основополагающая товарная информация играет решающую роль в идентификации товара. К основополагающей товарной информации относятся: данные, идентифицирующие наименование товара, его производителя, состав, массу, дату производства и сроки реализации, условия хранения и прочие данные, позволяющие покупателю сделать правильный выбор. Название продукта и его месторасположение на лицевой стороне упаковки представляют собой ключевые элементы маркетинговой коммуникации, требующие исследования с точки зрения формирования ассоциаций, привлечения внимания и облегчения когнитивной обработки. Такие аспекты нанесения товарной информации, как размеры шрифта, его типы и начертания, цветовые решения и прочие параметры, являются наиболее значимыми элементами в разрабатываемой концепции упаковки, основная задача которой – привлечь потребителя. В частности, задача маркетолога заключается в увеличении времени фиксации внимания на чтении и восприятии товарной информации.

Название продукта является инструментом для создания ассоциативного ряда в сознании потребителя, поскольку, согласно теории сетевой памяти Дж. Андерсона, «информация в памяти организована в виде взаимосвязанных узлов, и название продукта может служить отправной точкой для активации целого комплекса связанных с ним представлений, фактов, эмоций и ощущений» [1, р. 23]. Каждый узел связан с другими узлами посредством ассоциативных связей, отражающих степень их семантической и эмпирической близости, а название продукта на упаковке выступает в качестве ключевого узла в этой сети, и его влияние распространяется на другие узлы, связанные с брендом, категорией продукта, потребительскими нуждами и желаниями. Когда потребитель видит название продукта на упаковке, этот узел активируется, и активация распространяется по сети, вызывая в памяти связанные с ним концепты и ассоциации.

Требования к товарной информации, как элементу концепции упаковки, разрабатываемой предприятием и являющейся атрибутом товара, регламентируются рядом нормативно-правовых актов. Согласно этим документам, в маркировке товара вся предоставляемая производителем информация должна быть достоверной, представленной на русском языке и продублированной на государственных языках субъектов Российской Федерации, текст и надписи должны соответствовать нормам русского или иного языка, на котором дается

информация о продукте². Отдельные требования и грамматические нормы рассмотрены в ряде научных источников [2, с. 995–996]. Следовательно, основываясь на требованиях национального стандарта, вся товарная информация должна быть представлена покупателю в соответствии с нормами русского языка, т. е. с нормами орфографического, стилистического, пунктуационного и грамматического представления текста. Это, в свою очередь, требует от производителей нанесение текста на упаковку с товаром или предоставления текстовой информации в других форматах с учетом правил правописания слов, включая постановку знаков препинания, переноса слов и других требований к грамматическому изложению текста.

Отдельно в стандартах регламентируются требования к наименованию продукта. Оно должно быть «...понятным потребителю, конкретно и достоверно характеризовать продукт, раскрывать его природу, место происхождения, позволять отличать данный продукт от других»³. Регламентируемые в стандарте требования к названию продукта акцентируют внимание на запрете давать продуктам наименования, вводящие покупателя в заблуждение о природе, составе, идентичности продукта и прочее. В таком случае правомерным можно считать нарушение производителем норм, касающихся товарной информации, предоставляемой покупателю сознательно с допущенными орфографическими и пунктуационными ошибками. Сложным становится вопрос о том, необходимо ли рассматривать как некорректно предоставленную товарную информацию наименование продукта, нанесенное на упаковку с допущенными ошибками в переносе или правописании, или это искажение информации относится к категории «фантазийное (придуманное) наименование», так как, согласно указанного выше стандарта, под фантазионным названием понимается «...слово или группа слов, которые могут не характеризовать потребительские свойства продукта, но позволяют отличить конкретные, близкие по составу и органолептическим показателям продукты друг от друга»⁴.

Данный вопрос приобрел особую актуальность в последнее время, когда производители, действуя в условиях высокой конкуренции на товарном рынке, стали прибегать к разным способам привлечения внимания покупателя к товару, пренебрегая в некоторых случаях устоявшимися нормами передачи товарной информации. В основу данных инструментов привлечения был положен когнитивный дис-

² ГОСТ Р 51074-2003. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования. <https://internet-law.ru/gosts/gost/2080>

³ Там же.

⁴ Там же.

сонанс, который по своей сути выполняет функции антирекламы, т. е. привлекает покупателя за счет формирующегося дискомфорта, вызванного столкновением с открытым фактом нарушения правил правописания.

Примером может служить нанесенное на упаковку с товаром наименования продукта, в котором осознанно производителем поставлены неправильные переносы, что, в свою очередь, вероятно, должно привлекать внимание покупателя, увеличивать время считывания информации и подсознательно формировать неоднозначное мнение о продукте. Это может рассматриваться в качестве эффективного стимула для совершения покупки товара, привлекшего внимание покупателя столь необычным способом.

Цель исследования заключалась в оценке эффективности использования производителем некорректных грамматических конструкций в названии на упаковке товара (конкретно – неверных переносов в названии товара) по сравнению с другими факторами, влияющими на восприятие товара покупателями (площади надписи, общей площади картинки с надписью, месторасположения названия на товаре, расположения товара на полке), и выявление факторов, привлекающих максимальное внимание покупателя (исходя из времени фиксации взгляда на товаре).

Обзор литературы

Исследования в области нейромаркетинга демонстрируют, что название продукта способно модулировать активность мозговых структур, связанных с эмоциями и принятием решений, тем самым оказывая непосредственное влияние на потребительский выбор [3]. Д.А. Аакер утверждает, что название продукта может укрепить позитивные ассоциации с брендом, вызвать чувство доверия и лояльности, а также дифференцировать данный продукт от продуктов-конкурентов [4]. Значимость изучения потребительского восприятия бренд-идентификаторов, размещенных на упаковке, в том числе названия продукта, отмечают российские исследователи: А.Ф. Степанцова [5], О.М. Жерлицын [6], Е.Н. Лосевская [7], О.Б. Ярош и др. [8].

Исследование восприятия названия продукта на упаковке имеет первостепенное значение в контексте потребительского поведения, поскольку название служит начальным триггером когнитивной обработки информации о товаре, формируя первое впечатление и последующее восприятие его характеристик [9]. А.Л. Алтер и Д.М. Оппенгеймер в 2009 г. предложили теорию когнитивной легкости и утверждали, что легкость, с которой информация обрабатывается, влияет на субъективные суждения и предпочтения, т. е. если что-то легко понять

и обработать, то это воспринимается как более правдивое, надежное и ценное [10, р. 15]. Когнитивная легкость может возникать из различных источников, включая ясность шрифта, простоту языка, повторяемость информации и предварительное знакомство с ней [10, р. 14]. Теория когнитивной легкости в процессе визуального восприятия названия продукта тесно связана с концепцией двух систем мышления Д. Канемана, где Система 1 (быстрое, интуитивное мышление) активируется при легкой обработке информации, формируя быстрые и положительные впечатления, а Система 2 (медленное, аналитическое мышление) включается при сложностях в обработке, заставляя анализировать ситуацию критически [11]. Таким образом, легкость обработки информации определяет, какая система мышления доминирует, влияя на потребительские суждения и выбор, что особенно важно в контексте визуального восприятия упаковки, где высокая когнитивная легкость названия продукта может повысить вероятность его выбора.

Наряду с размером и цветом для привлечения визуального внимания к названию продукта на упаковке, производители также используют типографику (шрифт, начертание, кегль), расположение (позиционирование относительно других элементов, выравнивание), визуальные элементы (логотипы, иконки, рамки), освещение (блики, тени), текстуру (материал упаковки, рельеф) и стратегическое использование пустого пространства (негативное пространство). В качестве нестандартных методов используются элементы, нарушающие нормы типографики, такие как частично искаженные или перевернутые буквы, нестандартные интервалы между символами, а также намеренные (хотя и не рекомендуемые) неправильные переносы слов по буквам, создающие эффект неожиданности и/или привлекая внимание к конкретной части названия, целесообразность применения которых может быть объективно оценена с использованием методологии айтрекинговых исследований [12], включающей в себя несколько последовательных этапов, обеспечивающих сбор и анализ объективных данных о визуальном поведении респондентов.

Айтрекинг, основанный на регистрации движений глаз респондента, позволяет количественно измерить параметры визуального внимания, такие как время первой фиксации, общее время фиксации и количество фиксаций на различных элементах упаковки, включая название продукта, а также проанализировать траектории сканирования взгляда [12, р. 41–42]. Анализ этих данных позволяет определить, действительно ли нестандартные приемы привлекают внимание к названию или же они приводят к когнитивной перегрузке, снижению читабельности и негативному влиянию на общее восприятие бренда.

Методология исследования

Алгоритм данного исследования включал два методологических подхода. Первоначально, с целью определения объектов исследования и формирования органолептического профиля продукта, был проведен социологический опрос, позволивший оценить особый интерес потребителя к соковой продукции. Было установлено, что товарное предложение характеризуется видовым разнообразием, определяются явные рыночные лидеры, конкуренция базируется преимущественно на ценовых методах борьбы. В подобных условиях отдельные национальные производители применяют на практике механизмы продвижения, эффективность которых вызывает сомнения. В ходе исследования был определен региональный производитель ООО «Нижнегорский консервный завод» (далее НКЗ), (Республика Крым), осуществлявший ребрендинг упаковки соковой продукции и представивший на товарном рынке напитки с допущенными ошибками правописания товарной информации (см. рис. 1).

Рис. 1. Вариант нанесения основополагающей товарной информации с орфографическими ошибками на соковой продукции торговой марки (далее – ТМ) «Соки Крыма»

Концепция продвижения продуктов, в которых были нарушены правила переноса слов, относящихся к основополагающей информации (вид продукта, его масса), базировалась на привлечении внимания покупателя к данному предложению, формированию у него интереса к продукту и к стимулированию покупки⁵. Для доказательства данного предложения, которое было заложено производите-

⁵ Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 023/2011. <https://docs.cntd.ru/document/902320562> (дата обращения: 04.03.2025).

лем в концепцию упаковки, в рамках социологического исследования была дана потребительская оценка эмоционального восприятия дизайна упаковки соковой продукции. С этой целью сформированной группе испытателей было предложено оценить три разных торговых марки соковой продукции, представленной на товарном рынке. Для оценки были предложены визуализированные листы испытания, включающие ряд показателей, характеризующих коммерческие характеристики продукта. Задача исследования заключалась в определении отношения потребителя к товарной информации, чтение которой затруднено из-за допущенных орфографических ошибок в названии продуктов. Оценивание проводилось по предложенной бальной шкале.

На втором этапе испытания, для подтверждения или опровержения нашей гипотезы, был реализован лабораторно айтрекинговый эксперимент, алгоритм которого представлен на рис. 2.

Рис. 2. Алгоритм нейромаркетингового эксперимента с использованием технологии eye-tracking

В рамках исследования, направленного на изучение влияния визуального оформления названия продукта на восприятие упаковки, применялся 24-дюймовый монитор с разрешением 1920x1080 пикселей. Окулографическая регистрация осуществлялась с использованием стационарного айтрекера VT 3mini, с программным обеспечением EventID. Для обеспечения оптимальных условий регистрации и минимизации влияния индивидуальных анатомических особенностей на результаты, айтрекер был зафиксирован на расстоянии 600 мм от испытуемых, что позволило поддерживать погрешность измерения в пределах ± 5 мм (угол коррекции $<0,5^\circ$). Применяемый алгоритм детекции центра зрачка характеризовался высокой точностью (98% с погрешностью ± 1 мм) [13, с. 47], обеспечивая надежную основу для анализа окуломоторной активности.

Нейромаркетинговый эксперимент заключался в регистрации движений глаз (фиксаций и саккад) с целью количественной оценки зрительного внимания испытуемых при экспозиции к трем различным вариантам дизайна упаковок мультифруктового сока: ТМ «Соки

Крыма», ТМ «Сочная долина», ТМ «Вико», отличающимся стандартным и нестандартным стилистическим оформлением названия продукта.

Протокол исследования был разработан в соответствии с общепринятой методологией [8, с. 53] и строгим соблюдением этических норм [14, с. 108]. В исследовании приняли участие 24 здоровых добровольца (12 женщин и 12 мужчин, представляющих различные возрастные категории) без диагностированных неврологических, психиатрических или сенсорных нарушений (зрение, слух). Согласно данным, представленным в ряде публикаций, объем выборки и количество собранных нейрофизиологических данных соответствуют критериям, обеспечивающим статистическую достоверность и валидность полученных результатов [8, с. 67; 15].

Перед проведением статистического анализа окулографические данные в выборках были проверены на нормальность распределения с использованием теста Шапиро-Уилка ($n < 50$) в пакете SPSS Statistics 23.0. Результаты тестирования показали, что распределение значений по всем исследуемым параметрам зрительного внимания (продолжительность фиксаций, количество фиксаций, амплитуда саккад) не отклонялось от нормального ($p > 0,05$), что подтвердило возможность применения параметрических методов статистического анализа.

Для нивелирования возможного влияния смещения взгляда на регистрируемые параметры переход к следующему стимулу происходил только после успешного подтверждения стабильной фиксации взгляда в центральной точке экрана посредством повторной калибровки.

Синхронизированные с изображениями стимулов окулографические данные анализировались в программном комплексе Ogama, позволяющем количественно оценивать ключевые метрики визуального внимания: количество, общую и среднюю продолжительность фиксаций (мс) для стимула в целом и выделенных зон интереса (AOIs).

Результаты исследования

В рамках экспериментального исследования испытуемые первоначально визуально изучали каждую упаковку по отдельности. Для количественной оценки восприятия товарной информации, включая дизайн упаковки, читабельность и доступность маркировки, испытуемым было предложено выставить баллы по показателям, формирующими визуализированный органолептический профиль упаковки продукта. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Согласно бальной оценки визуализированного органолептического профиля упаковки соковой продукции с позиции дизайна и марки-

Таблица 1

**Результаты оценки визуализированного
органолептического профиля упаковки соковой продукции**

Показатель	Пояснение	Объект исследования		
		нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Вико»
Привлекательность дизайна упаковки	Цветовое решение, сочетание цветов	4,2	4,0	4,1
Идентифицируемость товара	Соответствие графического материала наименованию продукта	4,4	3,8	4,4
Читабельность товарной информации	Размер шрифта, контрастность нанесения на упаковку, правильность написания	3,6	2,5	3,8
Достаточность товарной информации	Перечень реквизитов товарной информации, в том числе дополнительной	3,9	4,1	4,2
Доступность получения товарной информации	Место расположения основополагающей информации, способ ее нанесения	4,0	3,9	4,3
Итого средний балл		4,02	3,66	4,16

Источник: составлено авторами по результатам проведенного исследования.

ровки, было установлено, что натуральный нектар ТМ «Соки Крыма» производства ООО «НКЗ» получил минимальное количество баллов – 3,66, что составило 73,2% от максимально допустимого уровня. Особое влияние на количественную оценкуказал такой показатель, как читабельность товарной информации. Испытуемые отмечали неудобство ее чтения, а также негативное восприятие формы нанесения.

Для подтверждения достаточно субъективной вербальной оценки, касающейся восприятия товарной информации, в дальнейшем, с целью нивелирования потенциального влияния фактора местоположения на виртуальной полке, испытуемые визуально изучали экспозицию всех трех упаковок, при этом их местоположение на полке систематически варьировалось в случайном порядке. Представленные в табл. 2 усредненные окулографические метрики отражают результаты визуального внимания к выделенной зоне интереса – названию

сока, размещенному на лицевой стороне упаковки, полученные в процессе трех этапов исследования визуального внимания.

Таблица 2

Метрики визуального нейромаркетинга при изучении названия сока на лицевой стороне упаковки в выделенной зоне интереса (AOI) на названии сока и усредненные вербальные оценки упаковок испытуемыми

Метрики	Объект исследования		
	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Вико»
$S_{общ}, \text{см}^2$	592,12	593,04	481,12
$S_{надписи}, \text{см}^2$	10,51	69,05	4,64
Усредненные окулографические метрики при визуальном изучении каждой упаковки по отдельности			
Вид упаковки			
Продолжительность фиксаций, мс.	18886,0	50661,0	7492,0
Количество фиксаций, ед.	65,0	227,0	31,0
Средняя продолжительность фиксаций, мс	291,0	223,0	227,0
Усредненные окулографические метрики при изменении месторасположения упаковки на виртуальной полке			
Окулографические метрики	Вариант 1 размещения упаковок на виртуальной полке		
	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Вико»
Продолжительность фиксаций, мс	10826	11840	653
Количество фиксаций, ед.	68	47	3

Окончание табл. 2

Метрики	Объект исследования		
	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Вико»
Средняя продолжительность фиксаций, мс	159	252	218
Окулографические метрики	Вариант 2 размещения упаковок на виртуальной полке		
	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Вико»
Продолжительность фиксаций, мс	3033	33580	1613
Количество фиксаций, ед.	22	168	9
Средняя продолжительность фиксаций, мс.	138	200	179
Окулографические метрики	Вариант 3 размещения упаковок на виртуальной полке		
	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Вико»	нектар ТМ «Соки Крыма»
Продолжительность фиксаций, мс.	3132	3810	5079
Количество фиксаций, ед.	16	13	28
Средняя продолжительность фиксаций, мс.	196	293	181
Окулографические метрики	Средние окулографические метрики с учетом фактора месторасположения		
	нектар ТМ «Соки Крыма»	нектар ТМ «Сочная долина»	нектар ТМ «Вико»
Продолжительность фиксаций, мс	16495,0	6001,7	2025,3
Количество фиксаций, ед.	88,0	28,3	8,3
Средняя продолжительность фиксаций, мс.	180,0	195,3	230,0

Источник: составлено авторами по результатам проведенного исследования.

Площадь зоны интереса, выделенной для надписи названия сока ТМ «Соки Крыма», существенно превосходит аналогичный показатель для упаковок соков ТМ «Сочная долина» и ТМ «Вико», превышая его в 6,6 и 14,9 раз соответственно. Представленные данные окулографического, а также статистического анализов позволяют утверждать, что наблюдается тесная корреляционная связь между площадью названия и показателями визуального внимания ($r = 0,980, p = 0,05$). Продолжительность фиксаций на названии сока ТМ «Соки Крыма» в 2,75 раза превышает показатель ТМ «Сочная долина» и в 8,14 раз превышает показатель для изучаемой области на упаковке сока ТМ «Вико». Аналогичные показатели характерны и для метрики количества фиксаций. При этом количество фиксаций на названии сока ТМ «Соки Крыма» также значительно выше, превосходя соответствующие показатели для сока ТМ «Сочная долина» в 3,11 раза и для сока ТМ «Вико» в 10,56 раз. Эти данные совместно указывают на повышенное визуальное внимание, привлекаемое названием сока ТМ «Соки Крыма».

Одновременное предъявление всех трех упаковок с систематическим изменением их расположения привело к перераспределению паттернов визуального внимания. Наблюдалось общее снижение как продолжительности, так и количества фиксаций на названии соков. Данный эффект, вероятно, обусловлен конкуренцией между стимулами за ограниченные ресурсы визуального внимания испытуемых, что привело к фрагментации внимания и, как следствие, к снижению продолжительности и количества фиксаций на каждой упаковке и ее объектах. Несмотря на общее снижение показателей, название ТМ «Соки Крыма» имеет более выраженную визуальную аттрактивность, позволяющую ему сохранять доминирующую позицию в иерархии визуального внимания даже в условиях повышенной конкуренции.

Для статистического анализа различий в зрительном внимании к упаковкам брендов с разной площадью размещения надписи был осуществлен попарный t -тест в SPSS Statistics 23.0. Результаты показали выраженную иерархию восприятия, где площадь названия сока выступает ключевым, но не единственным фактором привлечения внимания. Наиболее значимые различия наблюдаются для упаковки ТМ «Соки Крыма» с наибольшей площадью исследуемой зоны интереса (AOI).

Результаты статистического анализа свидетельствуют о том, что центральное расположение упаковки обеспечивает достоверно большее количество визуальных фиксаций (медиана (M)=1034,27, среднеквадратическое отклонение (SD)=1191,67, $t=4,071, p=0,001$) по сравнению с правой позицией, а также значительное преимущество перед левым расположением ($M=1295,50, SD=1175,33, t=5,170, p<0,001$). При этом даже при сравнении левой и правой позиций упаковки сохраняется

статистически значимое преимущество размещения слева ($M=261,23$, $SD=573,42$, $t=2,137$, $p=0,045$), что обусловлено механизмом чтения слева направо, в результате чего потребители непроизвольно начинают сканирование полки с левой стороны, что увеличивает вероятность фиксации взгляда на упаковках и элементах на них, расположенных в этой зоне.

Для ТМ «Сочная долина», имеющей средний размер площади исследуемой зоны интереса, левое расположение демонстрирует достоверное преимущество перед правым ($M=395,82$, $SD=595,99$, $t=3,115$, $p=0,005$), а центральное размещение, вопреки ожиданиям, оказывается менее эффективным, чем левое ($M=-400,32$, $SD=553,72$, $t=-3,391$, $p=0,003$). При этом различия между правой и центральной позициями статистически незначимы ($M=4,50$, $SD=222,84$, $t=0,095$, $p=0,925$).

Наиболее интересными являются результаты для упаковки сока ТМ «Вико», имеющей наименьшее по площади исследуемое название, где ни одна из парных комбинаций расположения не продемонстрировала статистически значимых различий (все $p>0,05$), что особенно заметно при сравнении левой и правой позиций ($M=-143,50$, $SD=490,13$, $t=-1,373$, $p=0,184$), правой и центральной ($M=99,86$, $SD=520,65$, $t=0,900$, $p=0,379$), а также левой и центральной ($M=-43,64$, $SD=165,67$, $t=-1,235$, $p=0,230$).

Важно отметить, что абсолютные значения визуального внимания к названию на упаковке ТМ «Соки Крыма» в любой позиции на полочном пространстве существенно превышают аналогичные показатели для других брендов, даже когда последние находятся в наиболее выгодных позициях на полочном пространстве: средняя продолжительность фиксаций на названии сока данной ТМ в правой позиции (наименее выгодной для этого бренда) превышает аналогичный показатель для ТМ «Сочная долина» в левой позиции на полке (наиболее выгодной для этого бренда). Этот факт убедительно доказывает, что площадь визуального представления бренда остается доминирующим фактором привлечения внимания, хотя оптимальное расположение может дополнительно усиливать этот эффект.

Полученные данные свидетельствуют о том, что при прочих равных условиях крупные визуальные элементы привлекают значительно больше внимания независимо от их конкретного расположения в поле зрения, в то время как влияние месторасположения становится заметным только для элементов средней и большой площади и практически отсутствует для мелких элементов, что подчеркивает важность учета фактора пространственного расположения при проектировании мерчендайзинговых решений, поскольку оптимальное месторазмещение упаковки способно существенно увеличить экспозицию брендовых элементов в зоне визуального внимания потребителя.

Можно предложить следующее размещение, обеспечивающее синергетический эффект для привлечения потребительского внимания, учитывая площадь названия на упаковке. Для брендов с крупноформатным названием оптимальной стратегией будет центральное позиционирование, которое обеспечивает максимальную визуальную заметность, а в случае невозможности занять центральную позицию – размещение в левой части полки. Брендам со средним размером названия рекомендуется левая позиция на полке как наиболее эффективная, тогда как центральное и правое расположение для них оказываются примерно равнозначными. Для брендов с мелким шрифтом названия позиционирование не играет существенной роли, поэтому при их размещении можно руководствоваться другими факторами мерчандайзинга. Данный подход позволяет максимально использовать преимущества как размера брендинга, так и оптимального расположения, создавая эффект синergии для привлечения потребительского внимания.

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) также показали статистически значимые различия в продолжительности зрительного внимания между тремя вариантами расположения упаковок ($F(2,194) = 6,167, p = 0,003 < 0,01$). Полученные данные свидетельствуют, что месторасположение товара влияет на распределение визуального внимания потребителей между зонами интереса (AOI) на упаковках. Наблюдаемые различия ($\eta^2 = 0,06$) указывают на умеренный, но статистически подтвержденный эффект влияния расположения упаковки на паттерны фиксаций, вследствие чего изменение позиционирования продукта может влиять на привлечение и удержание внимания к элементам на упаковке (название товара), что является значимым для оптимизации дизайна упаковки и стратегий ее размещения в торговом пространстве.

Можно сказать, что визуальная выраженность исследуемого элемента (названия сока) на лицевой стороне упаковки определяется его относительным размером и контрастом по отношению к окружающим элементам, что является, по мнению А. М. Трейсман и Г. Геладе, одним из ключевых детерминантов привлечения внимания [16], способствующих более эффективной активации зрительных сенсорных рецепторов и, как следствие, обеспечивающих приоритетную обработку данного элемента в зрительной системе. Это обусловлено тем, что зрительная система человека эволюционно настроена на быстрое обнаружение крупных и контрастных объектов, представляющих потенциальную угрозу или возможность.

Несмотря на нетипичное оформление (неправильный перенос), который, вероятно, должен был потенциально затруднить когнитивную обработку информации в рамках положения теории когнитив-

ной легкости [10], полученные данные показывают, что название на упаковке ТМ «Соки Крыма» является наиболее заметным в большей степени не из-за эффекта новизны и нарушения ожиданий, обусловленных нестандартным написанием, вызывающих когнитивный диссонанс, а размером надписи на упаковке, что отражается в увеличении продолжительности фиксаций. Полученные результаты подтверждают, что зрительное внимание, играя ключевую роль в повседневной деятельности, автоматически фильтрует избыточную визуальную информацию, выделяя наиболее значимые объекты и объединяя низкоуровневые признаки в целостные образы. Поэтому визуальное внимание естественным образом привлекают стимулно обусловленные элементы – контрастные и заметные области на стимуле [17, р. 1], в данном случае на упаковке, что оптимизирует когнитивные ресурсы для решения повседневных задач при выборе и покупке товаров.

Также можно отметить, что низкая средняя продолжительность фиксаций на названии сока ТМ «Соки Крыма» на разных этапах изучения упаковок (223 мс. и 180 мс. соответственно) может свидетельствовать о быстром распознавании названия, несмотря на нестандартное оформление, благодаря базовой группировке, где нейроны ранних зрительных областей, настроенные на простые признаки (ориентация, конфигурация элементов), обеспечивают мгновенную активацию при восприятии сочетаний букв, что согласуется с концепцией автоматической обработки хорошо структурированных визуальных стимулов, когда крупный шрифт и четкая компоновка облегчают группировку текстовых элементов даже при нестандартном оформлении [18, р. 2545]. Более высокие значения для ТМ «Сочная долина» (291 мс и 195,3 мс соответственно) и ТМ «Вико» (227 мс и 230 мс соответственно) могут указывать на необходимость более длительной когнитивной обработки для идентификации этих брендов, что связано с меньшим размером текстовой надписи, размещенной на соответствующих упаковках [18, р. 2545].

По результатам проведенного экспериментального исследования можно сделать ряд выводов:

- площадь, занимаемая названием продукта на лицевой стороне упаковки, оказывает более выраженное влияние на привлечение визуального внимания потребителей, чем наличие грамматических или типографических ошибок, таких как некорректные переносы слов;
- принципы целостного восприятия, отмеченные в работах [18, р. 2543; 19], указывают на то, что человеческий мозг воспринимает объекты как организованные структуры, а не как сумму отдельных элементов. Потребитель, как правило, фокусируется на общем

смысле и узнаваемости названия, а не на отдельных графических деталях. Поэтому большой размер названия создает ощущение его важности и значимости, стимулируя потребителя к более детальному изучению информации, содержащейся на упаковке, и способствует формированию более целостного визуального образа продукта, усиливая его когнитивную презентацию в памяти потребителя. Кроме того, такие факторы, как близость, сходство и завершенность, способствуют объединению элементов в единое целое, делая крупное название более значимым и легко запоминающимся;

- в рамках теории когнитивной легкости, даже при наличии незначительных визуальных помех, таких как некорректный перенос слов или небольшие дефекты в шрифте, крупное и четко оформленное название обеспечивает высокую когнитивную доступность, позволяя потребителю быстро и легко идентифицировать продукт. Доминирующий размер и общая узнаваемость названия позволяют потребителю относительно быстро идентифицировать продукт;
- хотя ошибки в типографике, такие как некорректные переносы, могут снижать удобочитаемость текста, они, как правило, не оказывают существенного влияния на привлечение внимания, если название продукта является достаточно узнаваемым и ассоциируется с определенным брендом. В этом случае срабатывает эффект нисходящей обработки визуальных стимулов [20], когда имеющиеся у потребителя знания и ожидания оказывают влияние на интерпретацию входящей сенсорной информации. Иными словами, потребитель, знакомый с брендом или названием продукта, может игнорировать незначительные ошибки в типографике, автоматически восстанавливать правильное прочтение, полагаясь на свой предыдущий опыт;
- на лицевой стороне упаковок соков ТМ «Сочная долина» и ТМ «Вико» наблюдалось преобладание фиксаций на изображении фруктов, а не на названии продукта. Помимо большего размера этих областей, данное распределение внимания может быть обусловлено ассоциативной связью с ключевыми характеристиками продукта, такими как: вкус, свежесть, натуральность и польза для здоровья [21], способными активировать соответствующие области мозга, вызывая эмоциональный отклик и увеличивая вероятность привлечения внимания. Кроме того, изображения фруктов, как правило, обладают более высокой степенью визуальной сложности и текстурной насыщенности, что может способствовать привлечению и удержанию внимания [22];

– обнаруженный эффект пространственного позиционирования, выражающийся в увеличении времени фиксации на названии продукта в среднем на 168 мс при определенном расположении упаковки, хотя и представляется незначительным в абсолютном выражении, демонстрирует практическую релевантность в контексте формирования привлечения внимания и повышения узнаваемости продукта.

Полученные результаты подчеркивают важность учета фактора пространственного расположения при проектировании мерчандайзинговых решений, поскольку оптимальное месторазмещение упаковки способно обеспечить привлечение внимания к бренд-идентификаторам в зонах визуального сканирования потребителем.

Заключение

В ходе поставленного эксперимента, цель которого заключалась в оценке влияния аспектов товарной информации, нанесенной на упаковку, включающих параметры нанесения основополагающего текста на потребительское восприятие товара, было установлено, что товарная информация (название) с орфографическими ошибками негативно влияет на потребительское восприятие товара. Было установлено, что потребители относятся к подобным коммерческим подходам маркировки продуктов с недоверием, при этом сама товарная информация вызывает определенный покупательский интерес.

Определено, что время фиксации внимания прежде всего зависит от размера шрифта, четкости компоновки его структурных элементов. Установлено, что контраст текста по отношению к окружающим элементам облегчает восприятие покупателем товарной информации, а площадь, занимаемая названием продукта, является первостепенным параметром, отражающимся на визуальном восприятии информации.

Доказано, что в качестве идентифицируемых признаков, формирующих потребительское восприятие товара, выступают четкость оформления названия и его месторасположение. По мнению авторов статьи, способ нанесения товарной информации с орфографическими и пунктуационными ошибками может рассматриваться как некая антиреклама не продукта, а самой торговой марки. Результаты эмпирических исследований и теоретические концепции визуального восприятия и маркетинговой коммуникации свидетельствуют о том, что площадь, занимаемая названием продукта на упаковке, является более значимым фактором привлечения внимания, чем наличие указанных ошибок.

Подтвержденные в ходе нейромаркетингового исследования результаты показали, что потребителя привлекает легко читаемая товарная информация. Длительность фиксации внимания на надписях с ошибками определяется только в первых случаях визуального контакта с товаром. При повторной визуализации внимания считываемость текста больше базируется на опыте потребления и привычке, в результате чего утрачивается идея задержки внимания за счет усложнения читабельности маркировки. Однако отметим, что с законодательной позиции, данный маркетинговый подход к продвижению продукта может иметь ряд условных правонарушений, противоречащих ряду положений нормативно-правовых актов. В итоге установленная неэффективность сознательного написания текста с ошибками может считаться неоправданной, не покрывающей риск возникновения противоречий правового характера. По нашему мнению, стратегическое планирование названия и его размещение на упаковке, объединяющие принципы визуального поиска и когнитивной легкости, являются необходимым условием успешной маркетинговой коммуникации с потребителем и повышения эффективности продаж, а применение нестандартных принципов передачи товарной информации не оправдывает риски, которые берет на себя производитель.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Anderson J.R. *The architecture of cognition*. Harvard University Press, 1983.
2. Жалолов Ш.У. Грамматические нормы употребления слов, словосочетаний и предложений в современном русском языке // Экономика и социум. 2021. № 11 (90). С. 995–998. [Zhalolov Sh.U. Grammatical norms of the use of words, phrases and sentences in the modern Russian language // Economy and Society. 2021. No. 11 (90). Pp. 995–998. (In Russ.).]
3. Plassmann H., O'Doherty J., Shiv B., & Rangel A. Marketing actions can modulate neural representations of experienced utility // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. Vol. 105 (3). Pp. 1050–1054. DOI: 10.1073/pnas.0706929105.
4. Аакер Д.А. Создание сильных брендов./ Пер. с англ. С.А. Старов. М.: ИД Гребенников, 2003. [Aaker D.A. Creating Strong Brands/ Translated from English by S.A. Starov. M.: ID Grebennikov, 2003. (In Russ.).]
5. Степанцова А.Ф. Исследование упаковки товара в аспекте восприятия ее потенциальными и реальными потребителями (на примере ТМ «Свилогорье») В сб.: Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков. Сб. материалов XXIII Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 555–561. [Stepantsova A.F. Research of product packaging in terms of its perception by potential and actual consumers (on the example of TM "Svitlogorye") // In the collection: Development of science and practice in a globally changing world under risk conditions. collection of materials of the XXIII International scientific and practical conference. Moscow. 2023. Pp. 555–561. (In Russ.).]

6. Жерлицын О.М. Нейромаркетинговое исследование привлекательности брендингирования упаковки // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2024. № 3. С. 176–182. [Zherlitsyn O.M. Neuromarketing study of the attractiveness of packaging branding // Marketing and marketing research. 2024. No. 3. Pp. 176–182. (In Russ.).]
7. Лосевская Е.Н. Нейромаркетинг как инструмент для повышения заметности информации о бренде в рекламе и на упаковке // Бренд-менеджмент. 2021. № 3. С. 214–220. [Losevskaya E.N. Neuromarketing as a tool for increasing the visibility of brand information in advertising and on packaging // Brand management. 2021. No. 3. Pp. 214–220. (In Russ.).]
8. Визуальный нейромаркетинг: фундаментальные и прикладные исследования / под ред. О.Б. Ярош, В.Е. Реутова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. [Visual neuromarketing: fundamental and applied research / edited by O.B. Yarosh, V.E. Reutov. Simferopol: IT "ARIAL", 2020. (In Russ.).]
9. Keller K.L. Strategic brand management: Building, measuring, and managing brand equity. Pearson Education, 2013.
10. Alter A.L., Oppenheimer D.M. Uniting the tribes of fluency to form a metacognitive nation // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13 (3). Pp. 219–235. DOI: 10.1177/1088868309341564.
11. Kahneman D. Thinking, fast and slow. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
12. Duchowski A. Eye-Tracking Methodology. Theory and Practice. (Second Edition). Springer-Verlag London Limited, 2007.
13. Информационная асимметрия [Электронный ресурс]: методы и алгоритмы нейромаркетинга / О.Б. Ярош, Н.Н. Калькова, Э.А. Митина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. [Information asymmetry [Electronic resource]: methods and algorithms of neuromarketing / O.B. Yarosh, N.N. Kalkova, E.A. Mitina. Simferopol: IT «ARIAL», 2023. (In Russ.).]
14. Калькова Н.Н. Нейробрендинговые исследования: вопросы этической составляющей // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2022. № 4. С. 100–113. [Kalkova N.N. Neurobranding Research: Ethical Issues // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2022. No. 4. Pp. 100–113. (In Russ.).]
15. Керзина Е.А. Нейромаркетинг: методические основы и практические направления применения в бизнесе // Маркетинг в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 13–18. [Kerzina E.A. Neuromarketing: Methodological Foundations and Practical Applications in Business // Marketing in Russia and Abroad. 2019. No. 3. Pp. 13–18. (In Russ.).]
16. Treisman A.M. Gelade G. A feature-integration theory of attention // Cognitive Psychology. 1980. Vol. 12 (1). Pp. 97–136. DOI: 10.1016/0010-0285(80)90005-5.
17. Fagge L. et al. Local propagation of visual stimuli in focus of attention // Neurocomputing. 2023. Vol. 560. Article 126775. Pp. 1–18. DOI: 10.1016/j.neucom.2023.126775.
18. Roelfsema P.R., Houtkamp R. Incremental grouping of image elements in vision // Attention, Perception, & Psychophysics. 2011. Vol. 73. Pp. 2542–2572. DOI: 10.3758/s13414-011-0200-0.
19. Wagemann J. et al. A century of Gestalt psychology in visual perception: Perceptual grouping and figure-ground organization // Psychological Bulletin. 2012. Vol. 138 (6). Pp. 1172–1217. DOI: 10.1037/a0029333.

20. Katsuki F., Constantinidis C. Bottom-Up and Top-Down Attention: Different Processes and Overlapping Neural Systems // *The Neuroscientist*. 2013. Vol. 20 (5). Pp. 509–521. DOI: 10.1177/107385841351413.
21. Krishna A. An integrative review of sensory marketing: Engaging the senses to affect perception, judgment and behavior // *Journal of Consumer Psychology*. 2012. Vol. 22 (3). Pp. 332–351. DOI: 10.1016/j.jcps.2011.08.003.
22. Itti L., Koch C. A saliency-based search mechanism for overt and covert shifts of visual attention // *Vision Research*. 2000. Vol. 40 (10–12). Pp. 1489–1506. DOI: 10.1016/S0042-6989(99)00163-7.

Дата поступления рукописи: 30.04.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гутникова Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
vechirkо15@mail.ru

Калькова Наталья Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
nkalkova@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Gutnikova – Cand. Sci.(Econ.), Associate Professor of the Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, Institute of Economics and Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
vechirkо15@mail.ru

Natalia N. Kalkova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, Institute of Economics and Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
nkalkova@yandex.ru

ASSESSMENT OF FACTORS AFFECTING PERCEPTION OF GOODS PACKAGING BY CONSUMERS⁶

This article examines various factors influencing consumer product perception and assesses the impact of individual aspects of product information on product packaging. Various brands of fruit juice served as the object of the study. Neuromarketing, specifically eye-tracking technology, was used as the research methodology. The paper characterizes the requirements of national standards of the Russian Federation regarding the rules for applying product information. An attempt was made to determine the level of influence of

⁶ This research was funded by the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-20286. <https://rscf.ru/project/25-28-20286/>).

cognitive dissonance in the buyer, which occurs when focusing on the name printed on the product packaging with incorrectly placed hyphens, as well as to determine the degree to which this marketing ploy triggers a desire to make a purchase or the formation of negative perceptions. The neuromarketing study did not reveal a positive effect of intentional spelling errors in the product name on the formation of consumer interest. Oculographic analysis confirmed that incorrect hyphens in names have an insignificant impact on product perception. It was found that the key factors in attracting attention are the area of the name placement and its cognitive accessibility due to brand recognition, while minor typographic errors are offset by the integrity of perception and top-down processing of visual information, as well as the location of the product on the shelf.

Keywords: *product information, product packaging, information parameters, cognitive dissonance, neuromarketing research, consumer perception, spelling errors, eye-tracking technology.*

JEL: L15, D87, C93.

ФИНАНСЫ

Н.Г. СИНЯВСКИЙ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономической политики и проблем
экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТМЫВАНИЮ ДЕНЕГ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ, РАНЖИРОВАНИЕ И МЕРЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Цифровые продукты потенциально могут сделать операции противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма менее затратными, более эффективными и существенно ускорить их реализацию, обеспечить качественное соблюдение стандартов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и улучшить межстрановое взаимодействие. Появляется возможность для финансовых организаций предоставить услуги большему количеству экономических субъектов. Поэтому мировая система противодействия отмыванию денег широко внедряет инновационные цифровые технологии для обеспечения оперативной и достоверной информации о субъектах экономической деятельности и проводимых ими операциях за счет существенного увеличения объема обрабатываемых данных. Однако их применение сопряжено с рисками системного характера. Целью исследования является идентификация рисковых факторов и мер их регулирования, а также их систематизация и ранжирование по важности, что может служить основанием для соответствующего распределения ресурсов, используемых для воздействия на рисковые факторы. Уровень рисков, рисковые факторы и меры их регулирования оцениваются на основе опросов авторитетных организаций, исследований специалистов и нормативных документов.

Ключевые слова: противодействие отмыванию денег, Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), цифровизация, риски.

УДК: 336.025

EDN: LTKMAC

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_167_187

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Введение

Система противодействия отмыванию (легализации) денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (сокращенно ПОД/ФТ/ФРОМУ²) решает задачи «установления стандартов и содействия эффективному применению правовых, регулирующих и оперативных мер по борьбе с отмыванием денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, а также с иными связанными угрозами целостности международной финансовой системы»³. Российская система противодействия в организационном плане является подсистемой международной системы и действует в соответствии с положениями, принятymi Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)⁴. В настоящее время ФАТФ взяла курс на «...“умное” регулирование финансового сектора»⁵, стимулирующее инновации в сфере цифровых технологий. Технологический уровень информационных (цифровых) технологий (ИТ), используемых российской системой противодействия, соответствует общему технологическому уровню, достигнутому в мире, с его достоинствами и недостатками.

Целью настоящей работы является идентификация рисковых факторов внедрения цифровых технологий в ПОД и мер их регулирования, разработка рекомендаций по распределению усилий по реализации этих мер на основе упорядочения системных рисков. Соответственно, объектом исследования являются риски организационного и тех-

² Далее в тексте ПОД/ФТ/ФРОМУ будет называться системой противодействия отмыванию денежных средств (системой противодействия).

³ Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ (обновлено в феврале 2025 г.). С. 7. https://www.cbr.ru/content/document/file/174972/fatf_rec_ru.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

⁴ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) является независимой межправительственной организацией, разрабатывающей и популяризирующей свои принципы для защиты всемирной финансовой системы от угроз отмывания денег, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ являются общепризнанными международными стандартами по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Подробная информация о ФАТФ размещена на сайте: www.fatf-gafi.org.

⁵ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 7. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).

нологического характера, сопутствующие внедрению цифровых технологий российской системой противодействия отмыванию денег.

Проблема анализа и оценки рисков внедрения цифровых технологий в процедуры российской системы ПОД в настоящее время очень актуальна. Во-первых, потому, что мировая система ПОД/ФТ сегодня перестраивается в процессе внедрения риск-ориентированного подхода на основе цифровизации, а современный этап развития российской экономики происходит на фоне широкомасштабного внедрения цифровых технологий. «Новые технологии должны повысить скорость, качество или эффективность и снизить стоимость некоторых мер ПОД/ФТ, а также снизить затраты на повсеместное внедрение системы ПОД/ФТ по сравнению с использованием традиционных методов и процессов»⁶. Новации позволяют конкретизировать процесс ПОД, концентрируя усилия на отслеживании опасных объектов и избегая ущемление прав законопослушных граждан. Данный тезис поддерживается и на уровне ООН. Так, Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/2322 (2016) «Об укреплении международного правоохранительного и судебного сотрудничества в борьбе с терроризмом» прямо призывает государства-члены обмениваться информацией, включая биометрические и биографические данные, об иностранных боевиках-террористах (ИБТ) и других отдельных террористах и террористических организациях⁷. При этом «Правительствам необходимо учитывать последствия применения этой технологии для прав человека, чтобы защитить тех, кого идентифицируют такие системы, от злоупотреблений и обеспечить, чтобы действия, предпринимаемые на этапе планирования и впоследствии, осуществлялись в соответствии с обязательствами по международному праву, закрепленными в международных и региональных документах по правам человека»⁸.

«Стандарты ФАТФ были пересмотрены с целью ужесточения требований к ситуациям более высокого риска, чтобы позволить странам принимать целевые меры в тех областях, где остаются более высокие риски и должны быть предприняты дополнительные шаги. Страны должны сначала определить, оценить и понять риски отмывания денег и финансирования терроризма, с которыми они сталкиваются, и затем принять соответствующие меры по устранению этих рисков. Риск-ориентированный подход позволяет странам в рамках требова-

⁶ Там же. С. 6.

⁷ United Nations Compendium of Recommended Practices For the Responsible Use and Sharing of Biometrics in Counter Terrorism // Compiled by CTED and UNOCT. 2018. P. 7. https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Compendium-Biometrics/Compendium-biometrics-final-version-LATEST_18_JUNE_2018_optimized.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

⁸ Там же. Р. 7.

ний ФАТФ гибко применять набор мер для того, чтобы более эффективно распределить свои ресурсы и принять превентивные меры, соответствующие характеру рисков, с целью концентрации своих усилий самым эффективным образом»⁹.

«Одной из основных проблем, препятствующих эффективной реализации мер ПОД/ФТ, является плохое понимание угроз и рисков ОД/ФТ. Решения, принимаемые на основе ненадлежащих оценок рисков, иногда бывают неточными и неактуальными, поскольку в значительной степени определяются человеческим фактором и обусловлены «защитным» формальным подходом к риску, а не истинным риск-ориентированным подходом»¹⁰. Формальный подход, не учитывающий особенности идентифицируемых объектов, заставляет усиливать регуляторные требования.

Во-вторых, цифровизация – это инновации, и их внедрение сопряжено с высоким риском.

По мнению А.Н. Козырева [1, с. 5], самыми популярными исследованиями цифровой экономики являются работы Д. Тапскотта [2; 3]. Главным достижением цифровой экономики Д. Тапскотт, основываясь на теоретических положениях Р. Коуза [4], считает *уменьшение трансакционных издержек*. Однако он предсказывал и появление проблем, связанных с развитием новых технологий: «.... новые технологии могут нарушить ... конфиденциальность..., растет разрыв между цифровыми богатством и бедностью, ... растет цифровое неравенство на международном и национальном уровнях» [5]. Последующее развитие событий показало, что рисковый спектр внедрения ИТ гораздо шире.

Новизна настоящей статьи заключается в выявлении и упорядочении рисковых факторов внедрения цифровых технологий системой противодействия отмыванию денег, генерируемым организацией внедрения и использованием информационных технологий, и мер воздействия на них, что позволяет сформулировать рекомендации по распределению усилий, направляемых на регулирование рисков.

Поскольку речь идет о внедрении новаций, то ожидать большого количества структурированной информации для исследования не приходится. «Потенциал и возможные последствия многих из этих

⁹ Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ (обновлено в феврале 2025 г.). С. 8. https://www.cbr.ru/content/document/file/174972/fatf_rec_ru.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

¹⁰ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 11. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

новых технологий до сих пор не изучены в достаточной степени»¹¹. Тем не менее на основе доступных данных здесь делается попытка дать количественную оценку уровня рисков, сопровождающих инновационные процессы в российской системе противодействия отмыванию денег, на основе которой упорядочиваются по важности рисковые факторы и формулируются предложения по распределению усилий на реализацию мер по их регулированию.

Исследователи цифровых технологий считают, что наилучшие перспективы для внедрения – у искусственного интеллекта (ИИ). От внедрения цифровых новаций ожидают: снижения субъективизма и расширения области используемой информации; возможности анализа больших объемов неструктурированных данных; облегчения выбора программных продуктов; расширения возможностей «электронного правительства». Сегодня имеются положительные результаты использования новаций для задач противодействия, но называются и риски их внедрения: ошибки обработки данных, особенно при увеличении объема информации; возможности использования новаций преступниками; нарушения прав человека; сопротивление рекомендациям; недостаток специалистов и неподготовленность руководителей компаний; опасность кибератак; высокая стоимость реализации новаций; затруднения использования новаций малым бизнесом.

Материалы, используемые для анализа рисков, и методы исследования

В исследовании применяется системный подход к анализу рисков использования цифровых технологий при решении задач по совершенствованию деятельности национальной системы ПОД/ФТ¹². Анализируются общесистемные риски мировой системы противодействия. Для систематизации рисков применяется риск-ориентированный подход, означающий (в узком смысле) оценку важности рисков и сосредоточение усилий по их регулированию на наиболее важных рисках. Такой подход снижает уровень неопределенности ситуации, позволяет использовать дополнительную информацию для принятия решений, не распылять ресурсы, предназначенные для регулирования

¹¹ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 6. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

¹² Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. 30.05.2018 // Сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/supplement/5310> (дата обращения: 24.08.2025).

рисков. Данный подход широко используется в российской практике государственного управления. При этом «...контролирующий орган посещает объект только в случае потенциального нарушения требований, при срабатывании индикатора риска. Такая практика снижает административную нагрузку на предпринимателей. Развитием риск-ориентированного подхода в рамках реформы контрольной (надзорной) деятельности занимается Минэкономразвития России при поддержке Правительства РФ»¹³. В настоящей работе также делается попытка выявления и упорядочения рисков и мер их регулирования.

Для анализа используются данные опросов авторитетных организаций и результаты исследований. Возможность использования международного (в том числе и российского) опыта для анализа цифровых новаций в российской системе противодействия обусловлена тем, что организация противодействия отмыванию денег во всем мире представляет единую систему, организована по единым стандартам, а также и тем, что организация российской подсистемы котируется в мире очень высоко и вносит существенный вклад в работу мировой системы противодействия. Так как опросы не позволяют оценить риск непосредственно, то оценка делается косвенно – по результатам внедрения и опросных оценок проектов. Предполагается, что уровень риска выше, если реализация проекта оказалась проблемной, проект не получил широкого распространения или считается менее перспективным. Уровень риска того или иного атрибута внедрения оценим долей респондентов, отметивших этот атрибут в качестве проблемного при внедрении цифровых технологий в ПОД/ФТ.

Результаты исследования общесистемных рисков

Применение ИТ для противодействия отмыванию денег сопряжено с рисками регулятивного или операционного характера¹⁴. Оценим общие риски противодействия, характерные для мировой системы ПОД/ФТ. Уровень рисков и меры регулирования определим на основании опросов авторитетных организаций и данных ФАТФ,

¹³ Министерство экономического развития Российской Федерации. В первом квартале Минэк согласовал более 30 новых индикаторов риска.

https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pervom_kvartale_minek_soglasoval_bolee_30_novyh_indikatorov_riska.html (дата обращения: 24.08.2025).

¹⁴ Grint R., O'Driscoll C., Paton S. New Technologies and Anti-Money Laundering Compliance // Financial Conduct Authority. London, 2017. P. 34. <http://www.fca.org.uk/publication/research/new-technologies-in-aml-final-report.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

где указаны результаты опроса о «трудностях и проблемах, связанных с разработкой и/или внедрением новых технологий»¹⁵.

Рассмотрим факторы рисков и возможные меры воздействия на них. Расположим риски в порядке убывания их уровня, который оценим долей опрошенных, отмечающих данный аспект как проблему внедрения новых технологий¹⁶.

Первый, наибольший риск отмечается в регулировании процедур противодействия (уровень риска 68%, т. е. доля респондентов, отметивших сложности регулирования как трудность внедрения ИТ). В качестве факторов этого риска можно отметить низкий уровень интерпретируемости и объясняемости, низкий уровень стандартизации, неуверенность в надежности данных, обработанных с использованием новых технологий. Субъекты, деятельность которых регулируют, не обладают достаточными компетенциями для оценки параметров цифровых технологий и для обоснования необходимости их применения. Недостаточно компетенций и у регуляторов, что усложняет надзор.

По опросам ФАТФ «52% респондентов определили SupTech и RegTech как области противодействия отмыванию денег, где от новых технологий можно получить больше всего преимуществ»¹⁷. Опросы Cambridge Centre for Alternative Finance при поддержке Ernst & Young¹⁸ среди регуляторов показали следующие оценки частоты использования цифровых продуктов в RegTech-проектах регуляторов в перспективе (сумма частот использования продуктов в 2019 г. и прогноза частоты будущего расширения использования) (табл. 1).

Ранее нами было высказано предположение, согласно которому уровень риска тем выше, чем менее распространена технология или инструмент. В соответствии с этим предположением в таблице технологии и инструменты упорядочены таким образом, что наиболее рискованной технологией является роботизация, а наименее рискованной – машинное обучение.

¹⁵ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ. ФАТФ. Париж, Франция. 2021. С. 36. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 21.

¹⁸ Schizas E., McKain G., Zhang B.Z., Garvey K., Gambold A., Hussain H., Kumar P., Huang E., Wang S., Yerolemou N. The Global RegTech Industry Benchmark Report // Cambridge Centre for Alternative Finance (CCAF). Cambridge, 30.06.2019. Р. 41. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3560811>. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3560811 (дата обращения: 25.08.2025).

Таблица 1

**Частота использования цифровых технологий и инструментов,
используемых компаниями RegTech, %**

Технологии и инструменты	Использование в 2019 г.	Рассматривается возможность использования в будущем	Прогнозная частота
Машинное обучение	56	16	72
Глубокое обучение	33	12	45
Облачные вычисления	66	1	67
Прогностическая аналитика данных	43	14	57
Обработка естественного языка	35	9	44
Протоколы передачи данных	40	3	43
Семантика (графический анализ)	32	9	41
Робототехника	30	6	36

Источник: составлено автором по данным CCAF (*Schizas E., McKain G., Zhang B.Z., Garvey K., Ganbold A., Hussain H., Kumar P., Huang E., Wang S., Yerolemou N. The Global RegTech Industry Benchmark Report // Cambridge Centre for Alternative Finance (CCAF). Cambridge, 30.06. 2019. С. 41. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3560811>. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3560811 (дата обращения: 25.08.2025))*

Для оценки диапазона уровня рисков использования цифровых технологий отметим, что, по опросам «Делойт»¹⁹, 63% компаний сообщают об отсутствии сотрудников, обладающих компетенциями по роботизации. Опросы НИУ ВШЭ²⁰ показали, что 50% компаний, использующих ИИ, указали на дефицит специалистов в этой области. То есть можно утверждать, что недостаток компетенций отмечается у 50–63% компаний. «Несмотря на потенциальные преимущества инновационных технологий, человеческий фактор по-прежнему является основой успеха органов ПОД/ФТ. Наличие достаточного количества сотрудников с необходимыми навыками, опытом и квалификацией имеет решающее значение для достижения этими органами своих целей»²¹.

¹⁹ Тенденции развития роботизации в РФ – RPA. 2020. Deloitte. С. 9. <https://ru.readkong.com/page/tendencii-razvitiya-robotizacii-v-rf-deloitte-7047445> (дата обращения: 26.08.2025).

²⁰ Практики и перспективы внедрения технологий ИИ. 15 ноября 2024 г. Пресс-служба ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. <https://www.novostitkanala.ru/news/detail.php?ID=181118> (дата обращения: 26.08.2025).

²¹ SupTech applications for AML. BIS. 2019. FSI Insights. No. 8. P. 16. <https://www.bis.org/fsi/publ/insights18.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

Все это обуславливает высокую зависимость результатов инноваций от политики надзорных органов и ограничивает возможности новых технологий. Возникают сложности в формировании методик оценки эффективности цифровых технологий и рисков противодействия. Процедуры работы с данными существенно ускоряются, что заставляет быстрее принимать решения по выявлению преступлений. Все это создает проблемы для противодействия²².

В качестве управляющего воздействия для снижения риска регулирования важно участие аккредитованных ИТ-компаний в обучении студентов ИТ-специальностей, разработка новых образовательных программ, привлечение преподавателей-практиков из индустрии, обучение преподавателей и руководителей образовательных программ в сфере ИТ. Целесообразна организация автоматической обратной связи, чтобы подконтрольные субъекты в реальном времени видели полезность предоставляемой регуляторам информации. Повышению эффективности регулирования будет способствовать разработка регуляторами специальных руководств и обмен информацией между подконтрольными субъектами. Также можно предложить использование материалов реальных дел для машинного обучения вместо копирования действий сотрудников. Так или иначе, основной задачей повышения результативности регулирования является задача реализации всех преимуществ новых технологий регулируемыми субъектами и способность эти преимущества показать регуляторам. Так, денежно-кредитным управлением Сингапура было выпущено руководство по определению области аналитики ПОД/ФТ, где сотрудничество частного и государственного секторов может принести существенные выгоды²³.

В качестве второго по важности риска назовем риск нарушения требования о защите данных и неприкосновенности личной жизни. Уровень этого риска 56%. Проблемы регулирования таких рисков рассмотрены в Guidance on Digital²⁴. Предлагается для оценки приемлемости процедуры идентификации субъектов установить степень надежности технологии, архитектуры и управления системы цифрового удостоверения в аспекте использования для незаконных операций. Принципы организации

²² Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 47. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

²³ Industry Perspectives – Adopting Data Analytics Methods for AML/CFT. MAS, 2018. Рп. 21–22. <https://www.mas.gov.sg/-/media/mas/regulations-and-financial-stability/industry-perspectives–adopting-data-analytics-methods-for-amlcft.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

²⁴ Guidance on Digital ID // FATF. Paris, 06.03.2020. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 27.08.2025).

цифровой идентификации представлены в Principles On Identification²⁵. Это обеспечение инклюзивности (отсутствие дискриминации), надежности технологии, обеспечивающей достоверность идентификации и защиту данных, обратной связи от идентифицируемых субъектов.

Следующим по важности, по мнению ФАТФ, является *риск низкого качества данных* (уровень риска 44%). Факторами такого риска являются: низкая гармонизация данных; необходимость для новых систем дополнительной настройки и адаптации к требованиям разных юрисдикций; сложность коммуникаций регулируемых субъектов внутри их стран, а также и межстрановых коммуникаций. Кроме того, проблемой является влияние ошибок самих создателей средств ИИ, что может проявляться во многих процессах. Влияет на качество данных также высокая скорость обработки и проведения операций, усложняющая получение качественной информации²⁶. В качестве мер регулирования такого риска можно предложить оптимизацию участия человека в проверке достоверности данных. В частности, может широко использоваться трансляция в цифровой вид текстов на естественном языке, служащих исходной информацией для анализа.

Уровень *технологического риска* составляет 42%. Источники такого риска в том, что надзорные стратегии не соответствуют новым технологиям, а разработчики технологий, в свою очередь, не обладают компетентностью в понимании особенностей государственного управления. Также процесс государственных закупок может оказаться слишком долгим по сравнению с динамикой обновления технологий. Нельзя исключать и возможности того, что требования потребителей окажутся не выгодны разработчикам (пример – пожелание эксклюзивности), а новые технологии окажутся не настолько эффективными, как предполагают контрольные органы или конкретный представитель этих органов, принимающий решение о целесообразности инноваций. Возможны, кроме того, трудности интеграции новых технологий в устаревшие системы или отсутствие технических возможностей для использования новых технологий. В этих случаях можно применять такую специальную меру воздействия на технологические риски, как совершенствование надзорных стратегий.

²⁵ Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 27.08.2025).

²⁶ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 47. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

Близким по содержанию к технологическому риску является *риск сложности внедрения новых технологий* (уровень риска 39%). Источники такого риска в основном совпадают с источниками технологического риска. В качестве специального фактора можно выделить отсутствие технических возможностей для надлежащего использования новых технологий. Кроме того, уровень квалификации сотрудников регуляторов, как правило, не позволяет разобраться в содержании цифровых технологий и осуществлять эффективный надзор за их применением. Решение проблемы сложности внедрения можно ожидать на путях применения универсальных мер регулирования общесистемных рисков.

Уровень риска *стоимости новых информационных технологий* оценивается в 37%. Кроме собственной стоимости новаций существенное влияние на стоимость оказывают следующие факторы. Это трудность интегрирования новых технологий в устаревшие системы, т. к. технологии стареют и требуют дополнительных вложений в новые решения. Из-за низкой гармонизации данных широкое распространение новаций может оказаться дорогим. Закупка новых технологий является сложным и долгим процессом. Также может оказаться, что масштабное использование новых технологий возможно только при наличии существенных материальных стимулов. Результативной мерой регулирования стоимостного риска новых информационных технологий также может стать нематериальное стимулирование (требования об обязательном использовании ИТ либо большая степень доверия между регуляторами и контролируемыми субъектами).

Следующим системным риском является *неприятие риска* (уровень риска 18%). Возможно, что неприятие риска вызывают: трансляция человеческих ошибок в программные продукты; сложность оценки рисков; скорость обработки данных. Факторами этого риска для малых организаций являются: сложность в оценке результативности цифровых технологий; возможность невыполнения требований в сфере ПОД/ФТ; нарушения неприкосновенности личной жизни. Процедуры регулирования данного риска, видимо, стоит строить на основе решения задачи минимизации участия людей в формировании массивов информации.

Еще один риск – *отсутствие регулятивной песочницы²⁷* для апробирования новых технологий (уровень риска 15%). Данный риск реализуется

²⁷ «Регулятивные песочницы – это особый набор правил, который позволяет инновационным компаниям протестировать свои продукты и услуги в ограниченной среде, без риска нарушения финансового законодательства». (Регулятивные песочницы. Регулирование как сервис // Ассоциация участников рынка электронных денег и денежных переводов «АЭД». 2016. С. 5. <https://web.archive.org/web/20200211072642/>

вследствие несоответствия новых технологий ожиданиям регуляторов или конкретных контролеров. При этом сложным является разработка показателей оценки с учетом скорости операций. Очевидной мерой регулирования данного риска является создание стандартного инструмента для испытания новых технологий.

Риск неудовлетворения коммерческих интересов (уровень риска 13%) во многом связан с масштабностью использования новых технологий, которая может стать невозможной из-за недостаточной гармонизации данных. Для такого риска также важна проблема критериев оценки результативности технологий²⁸.

Риск угрозы вмешательства со стороны преступников (уровень риска 11%) возникает из-за возможностей, которые открывают новые технологии для преступников, а также из-за опасностей, связанных с преступным использованием особенностей обращения с финансовыми услугами пожилыми людьми, жителями сельской местности или далеких от городов регионов. Предполагается, что возможности регулирования рисков несоблюдения коммерческих интересов и преступного вмешательства будут возрастать с ростом успешности применения универсальных мер регулирования общесистемных рисков.

Важным риском в социальной сфере является *риск невозможности охвата всех слоев населения финансовыми услугами и отказа от обслуживания клиентов во избежание рисков*. Уровень этого риска оценивается в 7%. Невысокий уровень оценки такого риска объясняется большим вниманием, которое уделяется социальным проблемам, связанным с внедрением цифровых технологий. Среди факторов такого риска можно отметить возможность лишения доступа к финансовым услугам категории лиц, имеющих ограниченный доступ к финансовому обслуживанию, которая увеличивается в том случае, если не используется риск-ориентированный подход в ходе идентификации личности. Быстрое проведение операций также является фактором, усиливающим данный социальный риск²⁹. В качестве меры регулирования данного риска можно отметить обеспечение инклюзивности инструментов цифровой идентификации как в плане исполнения,

http://www.npaed.ru/images/downloads/Regulatory_sandbox_AED_Report2016.pdf
(дата обращения: 27.08.2025.).)

²⁸ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 45. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

²⁹ Там же. С. 47.

так и использования^{30,31,32}. Причем здесь важна минимизация ошибок идентификации до приемлемого уровня³³. Кроме того, важно решать проблемы социального, процедурного и правового характеров. При этом целесообразна организация специальной работы с людьми, имеющими ограниченный доступ к финансовым услугам³⁴. Как указывалось ранее, проблемы финансовой изоляции и сохранности личной информации рассмотрены в Guidance on Digital ID³⁵, а принципы создания и эксплуатации систем цифровой идентификации изложены в Principles On Identification³⁶.

Наконец, в список наиболее важных системных рисков (уровень риска 3%) включается риск нерезультируемости сведений о подозрительных операциях (СПО). Дейстивенной мерой регулирования такого риска является использование разработанных в России и рекомендованных для внедрения в других странах личных кабинетов³⁷ для информирования о полезности СПО.

Кроме приведенных выше частных рекомендаций по регулированию системных рисков существуют общие, универсальные меры, полезные для всех упоминавшихся рисков. Так, главный вывод по вопросу регулирования общесистемных рисков использования новых цифровых технологий заключается в том, что новации будут полезны при большом объеме их

³⁰ Walshe P. Digital Identities. 2020. Р. 2. <https://rm.coe.int/t-pd-2020-04rev-digital-identitytcen/1680a0c051> (дата обращения: 27.08.2025).

³¹ Guidance on Digital ID // FATF. Paris. 06.03.2020. Р. 87–88. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financial inclusion and proissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 31.08.2025).

³² Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. Р. 12. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 31.08.2025).

³³ Guidance on Digital ID // FATF. Paris, 06.03.2020. Р. 6, 88. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 31.08.2025).

³⁴ Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. Р. 13. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁵ Guidance on Digital ID // FATF. Paris, 06.03.2020. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁶ Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 27.08.2025).

³⁷ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 48. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).

внедрения в мире. Причем масштаб внедрения должен обеспечиваться путем использования нематериальных рычагов (введением нормативов обязательного внедрения и увеличением уровня доверительности между контролерами и контролируемыми субъектами)³⁸.

Для минимизации комплаенс-риска необходимо усиление контактов регуляторов и подконтрольных организаций и постоянный обмен информацией между ними («Компетентные органы должны представлять информацию и рекомендации по изменениям в нормативных актах... Постоянная координация между надзорными органами и другими государственными органами в их взаимодействии с частным сектором обеспечивает четкую передачу информации об ожиданиях в отношении управления рисками»³⁹), путем изменения регуляторной политики и инструкций по эксплуатации ИТ («если предшествующая модель предполагала контроль от проверки к проверке, то новый ее формат ... позволяет осуществлять постоянный мониторинг и комплексную оценку ... деятельности организаций, но не столько в целях их наказания, сколько в целях их развития на основе своевременных рекомендаций и предупреждений» [6, с. 70]). Более подробная оценка рисков системы противодействия и меры их регулирования представлены в табл. 2.

По опросам ФАТФ обобщенная оценка важности условий внедрения новых технологий имеет следующий вид (в скобках указана доля респондентов (%), отметивших данное условие в качестве ключевого для внедрения ИТ)⁴⁰:

- благоприятный режим регулирования или стимулирования (79%);
- инвестиции в обеспечение конкурентоспособности (44%);
- подготовка специалистов, обладающих нужными компетенциями (41%);
- формирование спроса (30%);
- увеличение масштаба распространения ИТ (26%);
- ориентация государственных закупок на цифровые новации (24%).

Польза ИТ достигается при их масштабном внедрении, возможном при наличии требований об обязательном их использовании либо высоком доверии между регуляторами и регулируемыми субъектами. При этом необходим также интенсивный информационный обмен между подконтрольными организациями, между регулято-

³⁸ Там же. С. 63.

³⁹ Guidance for a Risk-Based Approach to the Real Estate Sector. FATF. Paris. July 2022. Pp. 11, 62. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/RBA-Real-Estate-Sector.pdf.coredownload.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).

⁴⁰ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 49. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 30.08.2025).

Таблица 2

Оценка общесистемных рисков противодействия отмыванию денег и меры их регулирования

Факторы риска	Меры регулирования рисков
Риск: регулирование. Уровень риска 68%	
неспособность регулируемых субъектов отвечать за инновации; невозможность регуляторного надзора за ИТ; низкий уровень стандартизации; неуверенность в данных, обработанных ИТ; трудности в оценке толерантности к риску (<i>фактор эффективности</i>); сокращение времени выявления преступлений ^{a)} (<i>фактор скорости</i>); зависимость использования ИТ от регуляторов, а не технологий (<i>фактор избыточного регулирования</i>)	участие аккредитованных ИТ-компаний в обучении студентов ИТ-специальностей, разработка новых образовательных программ, привлечение преподавателей-практиков, обучение преподавателей и руководителей образовательных программ в сфере ИТ ^{b)} ; использование реальных дел для машинного обучения вместо решений сотрудников; автоматизация обратной связи от контролеров; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств; демонстрация преимуществ ИТ для подконтрольных организаций ^{b)}
Риск: требования защиты данных и неприкосновенности личной жизни. Уровень риска 56%	
нарушения защиты данных	снижение «рисков непреднамеренной финансовой изоляции и нарушения правил неприкосновенности личной жизни» рассмотрено в Руководстве ^{c)} ; принципы цифровой идентификации изложены в Принципах ^{d)} ; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: качество данных. Уровень риска 44%	
дисгармонизация данных; настройка новых систем и адаптация к среде; невозможность информационного обмена для подконтрольных организаций; трансляция ошибок ИИ; <i>фактор эффективности</i> ; <i>фактор скорости</i> ; <i>фактор избыточного регулирования</i>	оптимизация участия человека в проверке данных; обработка естественного языка для автоматизации ввода информации; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств

Продолжение табл. 2

Факторы риска	Меры регулирования рисков
Риск: технологии. Уровень риска 42%	
несоответствие надзорных стратегий ИТ; незнание разработчиками особенностей госзакупок; устаревание технологий; чрезмерные требования заказчика; трудность интеграции ИТ; отсутствие возможностей для ИТ; неудовлетворенность регуляторов возможностями ИТ (<i>фактор проверки</i>)	модернизация надзорных стратегий; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: сложность ИТ. Уровень риска 39%	
несоответствие надзорных стратегий ИТ; сложность интеграции ИТ; отсутствие возможностей для ИТ; неготовность регуляторов к надзору за ИТ	модернизация надзорных стратегий; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: стоимость ИТ. Уровень риска 37%	
высокая собственная стоимость ИТ; сложность интеграции; моральный износ ИТ; несогласованность информации; сложность закупки ИТ; <i>фактор эффективности</i>	мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: неприятие риска. Уровень риска 18%	
сложность оценки результативности малыми организациями (риск оценки); невыполнение требований противодействия; нарушение неприкосновенности личной жизни; информационные искажения при интеграции машинного обучения; транслирование ИИ ошибок; <i>фактор эффективности; фактор скорости</i>	развитие методологии регулирования риска; обработка естественного языка для автоматизации ввода информации; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: отсутствие регулятивной песочницы для апробирования ИТ. Уровень риска 15%	
<i>фактор проверки; фактор эффективности; фактор скорости</i>	создание стандартного инструмента для испытаний ИТ; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств

Окончание табл. 2

Факторы риска	Меры регулирования рисков
Риск: коммерческие интересы. Уровень риска 13%	
нерезультивативность ИТ; невозможность масштабирования технологий из-за дисгармонизации данных; <i>фактор эффективности; фактор скорости</i>	мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: угроза вмешательства со стороны преступников. Уровень риска 11%	
использование ИТ преступниками; влияние преступников на финансовые операции	мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: невозможность охвата всех слоев населения финансовыми услугами. Уровень риска 7%	
лишение финансовых услуг лиц с ограниченным доступом; <i>фактор скорости</i>	инклюзивность цифровой идентификации ^{e,ж,3)} ; гарантия достоверности идентификации на основе ИТ ^{и)} ; использование цифрового удостоверения личности ^{к)} ; устранение препятствий к доступу и использованию: устранение препятствий для реализации прав или доступа к основным услугам или льготам из-за расходов, устранение информационных барьеров и неравенства, устранение препятствий, связанных с отсутствием мобильного или интернет-соединения, электронных устройств, цифровых навыков, удобства или способности использования определенных технологий, уделение первоочередного внимания потребностям и проблемам маргинализированных и уязвимых групп ^{п1)} ; использование принципов цифровой идентификации ^{м)} ; исключение чрезмерности опоры на ИТ; мониторинг эффективности регулируемых субъектов, обмен опытом и разработка руководств
Риск: нерезультивативность сведений о подозрительных операциях (СПО). Уровень риска 3%	
недостатки в отправлении СПО; неэффективность СПО	использование личного кабинета для обратной связи по передаче СПО

- а) Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ. ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 47. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 27.08.2025);
- б) Минцифры. Кадры для цифровой трансформации. <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/vedomstvennyj-proektnyj-ofis-vpo/administrirovanie-i-soprovozhdenie-ispolneniya-naczionalnogo-proekta-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva/cz8-kadry-dlya-czifrovoj-transformacii> (дата обращения: 27.08.2025);
- в) Coelho R., Simoni M.D. Prenio, J. BIS. SupTech applications for AML // FSI Insights. August 2019. No 18. P. 1. <https://www.bis.org/fsi/publ/insights18.pdf> (дата обращения: 02.08.2024); Industry Perspectives – Adopting Data Analytics Methods for AML/CFT // A Singapore Government Agency Website. 12.11.2018. <https://www.mas.gov.sg/regulation/external-publications/industry-perspectives-adopting-data-analytics-methods-for-amlcft> (дата обращения: 31.08.2025);
- г) Guidance on Digital ID. FATF. Paris, 06.03.2020. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 28.08.2025);
- д) Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 28.08.2025);
- е) Walshe P. Digital Identities. 2020. Р. 2. <https://rm.coe.int/t-pd-2020-04rev-digital-identitytcen/1680a0c051> (дата обращения: 27.08.2025);
- ж) Guidance on Digital ID // FATF. Paris, 06.03.2020. Р. 87-88. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 31.08.2025);
- з) Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. Р. 12. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 31.08.2025);
- и) Guidance on Digital ID // FATF. Paris, 06.03.2020. Рр. 6, 88. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Financialinclusionandnpoissues/Digital-identity-guidance.html> (дата обращения: 31.08.2025);
- к) Там же;
- л) Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age (English). World Bank. Washington, D.C. 2022. Р. 13. <http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age> (дата обращения: 31.08.2025);
- м) Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ. ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 44. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 31.08.2025).

Источник: составлено автором по данным ФАТФ (Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 30.08.2025).).

рами и подконтрольными организациями и адаптация регуляторной политики к меняющимся условиям среды функционирования.

Создавая благоприятный режим для распространения новаций, ФАТФ и надзорные органы не должны в то же время поддерживать определенные продукты или их разработчиков. Они должны содействовать инновациям с учетом государственных целей⁴¹. Но ответственность за противодействие лежит на регулируемых субъектах.

Заключение

Итак, проведенное исследование о внедрении информационных технологий с использованием опросов авторитетных организаций позволило идентифицировать факторы рисков и меры их регулирования, а также провести градацию системных рисков внедрения цифровых технологий для противодействия отмыванию денег (по уровню рисков). Главным специальным системным рисковым фактором внедрения новаций является недостаточный уровень компетенций в сфере цифровых технологий ПОД как у субъектов, деятельность которых регулируется, так и у регуляторов. Мерой воздействия на этот рисковый фактор, а также на факторы рисков качества данных, технологического риска и риска внедрения новых технологий является реализация политики подготовки кадров, включающей разработку специальных образовательных программ для студентов, преподавателей и сотрудников организаций, обеспечивающих ПОД, привлечение ИТ-компаний для обучения. С другой стороны, влияние данного фактора снизится, если регулятор гарантирует достаточное методическое обеспечение использования цифровых технологий, повысится уровень автоматизации отношений и обеспечится непрерывный обмен информацией между участниками противодействия.

Вторым по важности фактором риска является возможность нарушения защиты данных. Кроме интенсификации информационного обмена между всеми участниками ПОД мерой воздействия на данный фактор является повышение надежности технологий, рассматриваемой в контексте безопасности данных.

Для рисков некачественных данных, технологических рисков, рисков внедрения новых технологий и стоимости новых технологий кроме проблем с компетенциями субъектов, причастных к ПОД, в том числе и разработчиков программных продуктов, можно отметить такие факторы, как рассогласованность данных, получаемых из разных источ-

⁴¹ Возможности и проблемы новых технологий для ПОД/ФТ // ФАТФ. Париж, Франция, 2021. С. 49. <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/translations/guidance/Russian-Opportunities-and-Challenges-of-New-Technologies-for-AML-CFT.pdf> (дата обращения: 30.08.2025).

ников, несовместимость новых технологий со старыми, дороговизну их внедрения, неэффективность цифровых продуктов. Кроме реализации кадровой политики и снижения доли человеческого участия в процессах дополнительной мерой противодействия таким рисковым факторам является совершенствование надзорных стратегий.

Риск неприятия инновационных рисков связан с возможными ошибками в создании программных продуктов. Для малых и средних предприятий возникает еще проблема сложности формирования среды для работы с цифровыми технологиями. Для регулирования этих рисковых факторов кроме методологического обеспечения также можно предложить минимизацию участия людей в реализации процедур ПОД. Рисковый фактор оценки соответствия цифровых продуктов требованиям регуляторов может преодолеваться внедрением соответствующего инструментария тестирования новаций. Рисковые факторы неэффективности новаций и возможного преступного их использования связаны с масштабом распространения технологий. Снижение действия рискового фактора дискrimинации каких-то лиц в получении ими финансовых услуг связано с возможностью более подробной идентификации клиентов путем анализа большого количества информации.

Наименее значимыми в списке важнейших факторов риска являются рисковые факторы передачи регулятору некачественной информации о подозрительных операциях. Противодействие таким факторам достигается путем внедрения личных кабинетов для участников ПОД.

Такое упорядочение рисковых факторов позволяет распределить ресурсы (финансовые, трудовые и пр.) воздействия на них в соответствии с оценками их важности и сосредоточить усилия прежде всего на противодействии важнейшим факторам. Тем самым появляется возможность для финансовых организаций предоставить услуги большему количеству экономических субъектов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Козырев А.Н. Цифровая экономика и экономика данных // Цифровая экономика. 2024. Т. 2. № 28. С. 5–14. [Kozyrev A.N. The Data Economy and the Digital Economy // Digital Economy. 2024. Vol. 2. No. 28. Pp. 5–14. (In Russ.).] DOI: 10.33276/DE-2024-02-01. EDN: BFNYBQ.
2. Tapscoff D. The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence: Monograph. New York, McGrawHill, 1995.
3. Tapscoff D. The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril In the Age of Networked Intelligence: Monograph. New York, McGraw-Hill, 2014.
4. Coase R. The Nature of the Firm // Econometrica. 1937. Vol. 4. No. 16. Pp. 386–405. DOI: 10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x.
5. Tapscoff D., Agnew D. Governance in the Digital Economy // Finance & Development. 1999. December. Pp. 34–37. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/1999/12/pdf/tapscoff.pdf> (accessed: 31.08.2025).

6. Абасов И.Р., Галимханов А.Б., Юсупов Р.Г. О контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти Российской Федерации в сфере образования в условиях развития цифровых технологий // Правовое государство: теория и практика. 2023. Т.19. № 4 (74). С. 62–70. [Abasov I.R., Galimkhanov A.B., Yusupov R.G. On the monitoring and supervision of the state authorities of the Russian Federation in the field of education in the context of the digital technologies development // The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2023. No. 4. Pp. 62–70. (In Russ.).] DOI: 10.33184/pravgos-2023.4.7. EDN: SZURHB.

Дата поступления рукописи: 19.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Синявский Николай Григорьевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1034-6489

NSinyavskiy@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai G. Sinyavsky – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1034-6489

NSinyavskiy@fa.ru

SYSTEMIC RISK FACTORS IN THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES TO ANTI-MONEY LAUNDERING: IDENTIFICATION, RANKING AND REGULATORY MEASURES

Digital products have the potential to make anti-money laundering and counter-terrorist financing operations less costly, more efficient and significantly faster, ensure high-quality compliance with the Financial Action Task Force Standards and improve cross-border cooperation. This enables financial institutions to provide services to a greater number of economic entities. Therefore, the global anti-money laundering system is widely introducing innovative digital technologies to provide prompt and reliable information about economic entities and their operations by significantly increasing the volume of processed data. However, their use is associated with regulatory or operational systemic risks. The purpose of the study is to identify risk factors and measures to regulate them for systemic risks, as well as to systematize and rank them by importance. Such ordering provides grounds for the appropriate distribution of resources used to influence risk factors. The level of risks, risk factors and measures for their regulation are assessed on the basis of a risk-oriented approach using surveys of authoritative organizations, research by specialists and regulatory documents.

Keywords: *anti-money laundering, Financial Action Task Force on Money Laundering (FATF), digitalization, risks.*

JEL: O33, O38, L73.